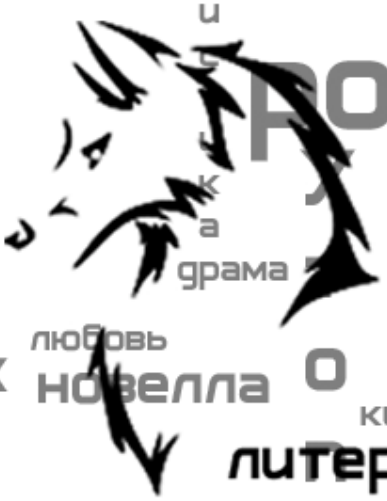
P.S.

литературное интернет-издание

№101 (август 2020)

Books not dead!



P.S.

литературное интернет-издание

№101 (август 2020)

Над номером работали

Александр Маяков
главный редактор

Надин Ривз
старший редактор

Расима Скиба
редактор

Элина Ким
редактор-корректор

ВНИМАНИЕ!!!

Авторские права на размещенные произведения принадлежат их авторам, и защищены Законами об авторском праве Украины, а так же международными законодательными актами об авторском и смежном правах.
Пунктуация и орфография авторов сохранена.

ВНИМАНИЕ!!!

Некоторые произведения содержат сцены насилия, секса, не пристойного поведения и психологические тяжелые сцены. Поэтому, не рекомендуется для прочтения лицам младше 18 лет.
Прочтение возможно с разрешение родителей, опекунов, либо лиц выполняющих их функции.

Отпечатано
в типографии «Crocus»
crocus.zp.ua

При копировании материала ссылка на АВТОРА ОБЯЗАТЕЛЬНА!

www.pslit.co.ua

Колонка главного редактора

Здравствуйте!

Сегодня эта статья будет немного личная. Я буду говорить от своего имени, а не от имени редакции, как делаю это всегда. Из вопросов, касающихся журнала, скажу лишь то, что к выходу следующего, сто второго номера, мы готовим небольшое интервью в формате «ответов на вопросы». Если у вас есть вопросы по журналу, вы можете их отправить на адрес **editorial@pslit.co.ua**, мы обязательно на них ответим. Интервью не будет опубликовано в номерах, а выйдет отдельными постами на сайте журнала и в социальных сетях.

Теперь перейдем к теме статьи. Как вы могли заметить, сотый номер вышел с небольшой задержкой. Да и закрытие голосования ЛПН затянулось. С чем это было связано? Со мной. Дело в том, что я не следил за своим здоровьем и сигналами, которые подает мое тело. И это закончилось закономерно: тяжелый приступ, скорая помощь, операционный стол.

Не буду лгать и лукавить, что работа журнала была первостепенной на тот момент, я не настолько фанатик литературы и издательской деятельности. Да, я переживал за финансовый аспект работы журнала, так как на тот момент как раз припал период активной оплаты покупателями как «Волка», так и «Лисы». А финансовой частью изданий занимаюсь я лично. Оплаты идут на мое имя. И потеряв доступ к счетам, я не мог контролировать оплаты. К тому же, некоторые платежи требуют зачисления «вручную», где без моего личного присутствия получить средства невозможно.

И да, версткой номеров занимаюсь так же я. Поэтому нам пришлось отстрочить выход номера. Хотя, не скрою, я надеялся, что меня выпишут раньше. Да и сам мой лечащий врач перед операцией об этом говорил. Но состояние моего здоровья было куда хуже, чем я считал. Поэтому и произошла задержка. Да, другие редакторы поддерживали связь, как с авторами, так и с покупателями, но выпустить номер они, увы, не могли.

К чему я все это пишу? Не совершайте моих ошибок. Следите за здоровьем, прислушивайтесь к своему телу. Не важно, ведете вы фривольный образ жизни или же здоровый. Поверьте, я видел разных людей в хирургическом отделении. Кто-то туда попал так же как и я, из-за лени и страха. Кого-то привел туда упорный и тяжелый труд. А кого-то и стремление к здоровью. К сожалению, есть и такой вариант.

Наш организм—это сильный и выносливый механизм. Но и он порой дает сбои. Берегите себя. Следите за своим «мотором» и другими «запчастями». Увы, мы не роботы, просто сменить или починить их не так просто.

Будьте здоровы! Приятного прочтения нового номера!

С уважением,
главный редактор «Литературного интернет-издания P.S.»
Александр Маяков

Сегодня в номере

Поэзия 8

«Простите» Нелли Мершон 8
«Кто бы» Нелли Мершон 8
«Маяк» Нелли Мершон 8
«Разве» Нелли Мершон 9
«Пойдём» Нелли Мершон 9
«Безмолвный холм» Дархан Арыстанбаев 10
«Вишня» Оксана Веснина 10
«Свет и тень» Николай Тульнев 11
«Ты не звонишь и я не смею» Николай Тульнев 11
«Статуя» Екатерина Петрашенко 12
«Я не боюсь» Дэвид 12
«Топор, дрова и банный дух» Николай Тульнев 13
«Я уйду тихонько в ночь пустую» Николай Тульнев 13
«…птичкам голодно зимой!» Жувак Борис 14
«Мы Победили!» Жувак Борис 15
«Машин сон» Жувак Борис 17
«Утро встретило прохладой и туманом...» Каредин Дмитрий 18
«Пути» Наталия Воейкова 19
«Не боюсь» Наталия Воейкова 19
«Напутствие» Наталия Воейкова 20
«Сложнее-Проще» Наталия Воейкова 21
«Транзитный эшелон» Владислав Терентьев 21
«Дай, Господи, пройти мне все пути» Олег Григоров 22
«Сосуд пороков» Олег Григоров 23
«Мама» Олег Григоров 24
«Венчание» Олег Григоров 25
«Мастер и моли» Евгений Логутенков 25
«Ночная прогулка» Евгений Логутенков 26
«Мягкие плиты» Евгений Логутенков 27
«Я буду...» Карина Войтюк 27
«Любовь к...» Карина Войтюк 28
«Моря» Карина Войтюк 28
«Мой добрый человек...» Карина Войтюк 29
«С мечтами будьте осторожны!» Карина Войтюк 30
«Русалка» Оксана Веснина 30

«Спи, мой Герой» Нэтали Дарк 31
«За туманами...» Александр Серб 31
«Осенний блюз» Дзотта 32
«Вечно» Чернова Светлана 33
«Звёзды» Екатерина Толчинская 33
Строка прозы 34
«Чужой ребёнок» Петр Панасейко 34
«Обманутая любовь» Петр Панасейко 36
«Далеко и близко» Петр Панасейко 39
«Вдалеке от родного села» Петр Панасейко 41
«Свои же» Татьяна Уразова 44
«Ведьма» Татьяна Уразова 45
«Поляна» Марина Шатерова 47
«Отец» Валерий Неудахин 57
«Арбуз» Дмитрий Копьёв 60
«Скалолазка» Дмитрий Копьёв 65
«Котёнок под капотом» Дмитрий Копьёв 69
«Город» - «герой» – Николаевка» Андрей Панченко 74
«Продавец кукол» Козлов Владимир 81
«Умирал Гриша Гольцман» Семён Баранов 90
«Бесы кружат» Дёмина Ольга 95
«Петины картинки» Дёмина Ольга 98
«Влюбленные в небо» Комиссарова Татьяна 102
«Нити Купидона» Олива Ильяна 107
«Замок Дождя» Олива Ильяна 110
«Лялечка» Анастасия Рейфшнейдер 111
«Точка памяти — Ураза-байрам» Семенов Виталий 113
«Подарок» Семенов Виталий 118
«Осенняя сказка» Сиваева Екатерина 124
Литературный сериал 126
«Летописи межмирья» Александр Маяков 126
«Депресука или Чужие-Близкие» Александр Ти 129
«Императорский Рим» Глеб Фалалеев 136
«Афганский разлом» Роман Максимов 140
«Кровь на моих руках» Лиза Керн 147

Простите

Нелли Мершон

Простите — если, что не так
И те слова не прозвучали
Когда стоячая вода закатывала -
Замолчали б!
Стоячая вода еды, и разговоров
Вороватых, и мир - встающий на дыбы
Сбивающий — куда? Куда ты?

Простите — если, что не так
А может вовсе не прощайте
И слов, не поднятый кулак
И зла непонятого… Благ -
Пожелать?? Переживайте!!

Кто бы

Нелли Мершон

Как дует от окна
И в спину. Шарфик, что ли
Одеть, но я одна резиново - безвольна
Всего - то встать и шаг - до холодящей створки
Карьеру заверша, заткнётся ветер - горки
Не снега, а песка на подоконник ссыпав
Как я - к окну близка - заглядывает липа
Мне холодно, а ей в окне торчать охота
За часиками дней прошлёпает суббота
За пуфиками бот смягчается озноб и
Вечернее плывёт, скребётся - кто бы... кто бы??

Маяк

Нелли Мершон

Измаячился тот маяк
От рождения... до метастаз
Прошивая иглой — моя!
Полоснув для отвода глаз -

Запоздалым лучом в конце
Беспокойно - солоноват
На лице. И... не надо сцен!
Койка, капельница, халат

Свет далёкого маяка
Многолетний. Как перелом -
Сорок! Поступь ещё крепка
Только... в сторону повело

Разве

Нелли Мершон

А в груди притаился страх
Нам отсюда не выйти! Разве?
Запах пота весной пропах
Многоликой, размытой, разной

Только страх он засел, как шпиль
И дырявит пустое небо
В глубине. Ну, скажи пусты ль
Мы в провалах и недрах чрева

Как Иону сожравший кит
Каждый носит в себе Иону
Плачет, молится или спит
Сном глубинно утяжелённым

За грудиною облака
Я их чувствую... вот пропали
И измученная рука
Ловит сердца дрожащий валик

Там внутри притаился страх
Мы таскаем его пророком
Он в гортани застрял. Узка?
Всё, что скажем выходит боком

Пойдём

Нелли Мершон

Пойдём со мной
Одной мне неохота
Все улицы знакомы, как луна -
Глазам и рекам, дереву, болоту
И только «астроному» не видна
Пойдём со мной
Сменю маршрут привычный
А вдруг найдётся метр, да не тот -
Которым организм перепичкан
И боль, на удивление... пройдёт

Безмолвный холм

Дархан Арыстанбаев

Ах, как далёк я от людских печалей!
И как далёк я от погрома волн...
Во тьме холодной, в гущах диких далей
Хранит меня от них безмолвный холм.
Холму тому не видно вовсе пика
И обходить поодаль смысла нет.
И вряд ли донесутся зовы крика
До стука несмолкающих карет.
Но как-то раз послышалось мне будто,
Что холм могучий слово обронил.
И, взглядом лишь меня накрывши жутко,
Презренно прошипел: "Пора идти".
Не ведал я тогда, о ком он молвил.
О нём то было или обо мне?
Я знаю лишь: вот-вот случится подвиг...
Когда я скроюсь от него во мгле;
Когда открою мир земных баталий,
Интриг, несчастий, чудных песен сонм!
Вдали от тьмы и гущей диких далей,
Где охранял меня безмолвный холм.

Вишня

Оксана Веснина

Роняет вишня мягко лепестки
На свиток белоснежный
С запутанными рифмами,
Румянцем оттеняя
бледный стих.
Я кисточкой прилежно
Рисую сон чернилами,

Шурша тихонько шёлком кимоно.
Коварный иероглиф
Тропинкою извилистой
Уводит в небыль сказочных миров,
Где образы и роли
Фантазией написаны.

Раскрашивает сакура мечты,
Из розовых снежинок
Сплетает тонким кружевом
Оазисы - в отчаяньи пустынь
Глоток вишнёвой жизни -
Поэзии жемчужинка.

Свет и тень

Николай Тульнев

Без света тени не бывает,
Не прячься за чужой спиной,
Тебя я всюду настигаю
И даже ночью, под луной.

Быть может ты забыть захочешь
И станешь тенью на стене.
Я свет повсюду обесточу
И вновь напомню о себе.

Не будет света, ты успеешь
Во мгле кромешной утонуть,
Если, конечно же посмеешь
Меня ещё раз обмануть.

В твоих глазах я глупый ветер,
Но не обманывай судьбу,
Ты станешь тенью в лунном свете,
Тогда я выключу луну.

Ты не звонишь и я не смею

Николай Тульнев

Ты не звонишь и я не смею,
Прервать затишье января.
Поверь, других я ждать умею,
Я не умею ждать тебя.

Во мне один сюжет закрался:
Я ветра кроткая жена,
Меня ещё он не касался,
А я уже повреждена.

Меня мороз возможно сглазил,
Сковали душу холода.
Ведь больше нет обратной связи,
И уж не будет никогда.

Когда укрыться больше нечем,
Очнуться незачем спешить,
Один звонок, и вздох сердечный,
Мою мог жизнь бы изменить.

Статуя

Екатерина Петрашенко

Я много слышала о том, что я красива
Да и ещё на редкость неглупа,
Но я б совсем другого попросила
Взамен того, что мне дала судьба.
Весь этот ум едва кому-то нужен,
И то же самое скажу о красоте.
Мне с каждым годом делается хуже.
Но только помощи я не найду нигде.
Я - лишнее звено в родимом доме
И не видала ласки никогда.
Свои эмоции я заперла в неволе,
И младшим сёстрам вовсе не чета.
Они живые – бегают, играют,
Смеются и поют, когда хотят,
С презреньем обо мне упоминают,
С издёвкой всякий раз в лицо глядят.
А я? Холодная, как статуя из камня,
Везде гонима, будто страшная болезнь,
И в сердце никогда не вспыхнет пламя,
А на лице осталась только спесь
Да холодность, как нужно светской даме...

Я не боюсь

Дэвид

Я не боюсь падений:
Кто не падал - тот не вставал;
Я не боюсь изменений -
Они куют идеал.

Я не боюсь ударов -
Крепче становится дух,
Перестаешь бояться -
Высказывать мысли вслух.

Ты сам создаешь свой образ,
Но главное, что под ним,
А суть останется прежней -
Трудно теперь стать другим.

Ты можешь вживаться в роли,
Идя от обратного жить;
Есть маленький шанс измениться -
Достойные вещи вершить.

На страхи и комплексы плюнуть,
Спалить малодушство в корню
И начать человечески думать,
Про позицию в жизни свою.

Я заполню безумием сердце,
Я приму боль, как часть себя;
Я способен на игры со смертью,
Лишь тебя беззаветно любя...

Топор, дрова и банный дух

Николай Тульнев

От топора звенят дрова,
Дымок над баней стелется.
Злость улетает со двора
В огромную поленницу.

Я душу бережно храню,
Но если нездоровится,
То хворь стихами прогоню,
Пусть в бане тело моется.

Звон топора ласкает слух,
Не в ритм стихотворению,
Топор, дрова и банный дух,
Лишь часть успокоения.

Как о любви своей забыть,
Пока зима беснуется?
От тела душу отрубить
И выбросить на улицу.

Я уйду тихонько в ночь пустую

Николай Тульнев

Я уйду тихонько в ночь пустую
И едва ли буду тосковать,
По твоим фальшивым поцелуям,
Лживой страсти, втиснутой в кровать.

От холодных рук прикосновений,
Не придется больше мерзнуть мне,
И душе стонать в стихотворении,
Чтоб согреться мысленно в огне,-

Тех ночей, давно уже минувших:
Ненасытных, красочных, живых.
Нас с тобой на долго обманувших,
Ненадолго от любви слепых.

Сердцу, после лунного затмения
Места под рубахой не найти,
Ведь в груди такие изменения,
Быстро не могли произойти.

...птичкам голодно зимой!

Жувак Борис

Хлеба маленький кусочек
не доела, как всегда.
Выброшу его в ведёрко,
есть у нас еще еда.

Новогоднее застолье,
столько вкусностей стоит.
А ещё подарки скоро
получать мне предстоит.

Не дождалась и уснула,
в сказку попадаю я.
Заклинаньем обернулась,
я, в простого воробья!

Чик-чирик! Какая прелесть.
Можешь хоть куда лететь.
И на ветке и на крыше ,
тоже можно посидеть.

Не узнают папа с мамой
и не станут звать меня,
если за окном увидят
дочу в теле воробья.

Полетаю, поиграю
я с другими в чехарду.
На соседскую машину
кучкой сделаю беду.

Только вот, проголодалась.
А кругом один лишь снег.
И никто во мне не видит ,
что я тоже человек.

Вот бы хлебушка кусочек… .
И вдруг, вспомнилось ведро… .
Воробьишке стыдно очень,
как тот хлеб летел на дно.

Звон курантов сказку рушит.
Просыпаюсь и реву.
Слезы воробьишку душат,
что случилось, не пойму.

И бегом скорей на кухню.
Гости в ступоре сидят.
Хлеб достала из ведерка… .
Воробьишки пусть едят!

Понимается навечно,
то, что прожито самой.
Положите хлеб в кормушки.
Птичкам голодно зимой.

Мы Победили!

Жувак Борис

часть 1
Там, вдали, прогремели набаты
чёрной тучей надвинулся день.
По дорогам шли люди с заката,
в пыль вбивая, в поутренне тень.

И от этого , жизни потока,
проникала до дрожи в сердца
неизбежного рока тревога
и щемящее чувство конца.

Зазвучали призывно и глухо
репродукторы чёрным кольцом.
Люд сбирался, смотря друг на друга,
наливались лица свинцом.

часть 2
Военкомы с глазами бессонными,
отбиваясь от тысячи рук,
отправляли на запад вагоны,
первых павших от выпавших мук.

Так, рождался в крови сорок первый,
стуком пульса: «Ни шагу назад!»
Отступая под натиском скверны,
не скрывая в бессильи досад.

Непрерывно стучали колёса,
увозя вглубь людей и станки.
И летело к чертям под откосы
всё что было забрать не с руки.

Страшным морем горела пшеница
и взрывалось всё , что на века,
мы построили, чтобы гордиться… .
Хоть дрожала от горя рука.

часть 3
Но, безудержно шли батальоны,
поднималась на битву страна.
От шинелей все в сером перроны,
разнеслось до Камчатки : Война!

Трусов- к стенке! Туда ж паникеров.
Диверсантов –в особый отдел.
Шли на фронт, до последнего вора,
все, кто грех искупить захотел.

Под Москвою сражение будет… .
Но, как чудо –ноябрьский парад!
И замолк шёпот, ожили люди,
им уверенность лучше наград.

Вот, ударили дружно и сильно,
от столицы врага отстраня.
Снег полив в его крови обильно,
беспощадно цвет рейха громя.

Отдышались, вздохнули: Европа,
вновь пришла всею мощью своей.
Ничего, мы опять в три прихлопа
попроводим незваных гостей.

часть 4
Сталинград. Это слово знакомо,
в мире каждому, кто Человек.
Здесь ковался момент перелома,
страх запомнила нелюдь навек.

И брели потом серые мышки
на восток в бесконечный простор.
Исподлобья смотрели детишки
на врагов, в упор и в укор.

часть 5
Наступил сорок третий, фатальный.
Битву Курскую, рейх намечал.
Чтобы танковых полчищ финальный,
на востоке аккорд прозвучал.

Но, едва лишь взревели моторы
и построились крестики в ряд,
как ожили на пушках затворы,
приготовив зверюгам снаряд.

Поползли огнедышаще чудища,
изрыгая огонь и металл.
Началось бесконечное рубище,
ангел смерти над полем летал.

Удержали, прогнулись, но сдюжили.
Вставив тиграм под хвост фитили.
И погнали на запад сконфуженых,
с нашей русской родимой земли.

часть 6
Много было потерь и сражений,
враг силен был, как никогда.
Но, к победам нас от поражений
привела верой в правду звезда.

часть 7
И теперь, в назиданье потомкам,
камнем ввысь стоит РУССКИЙ СОЛДАТ.
На плите прочитайте негромко
подвиг предков, сложЁнный из дат.

Чтоб вставали с портретом героя
мы , в Бессмертном Полку на века.
Много было пролито крови… .
За Победу цена высока.

Машин сон

Жувак Борис

Из города в деревню,
Под Новый Год спешу.
Вдруг, пень под снегом,
стукаюсь, лечу... .И вот, лежу.

Нога болит предательски,
а мне еще идти… .
По лесу в одиночестве
вторые полпути.

На палку опираясь,
прошла еще чуть-чуть.
Устала и решила
немножко отдохнуть.

И сразу провалилась
в глубокий сладкий сон.
Из новогодней сказки
сюжетом вышел он.

Как будто бал и я на нём
красива и стройна.
И принцу симпатичному
нужна лишь я одна.

Но что это? Колдуньи
зловредный взмах ногтей.
И принц медвежьей шкурой
покрылся до когтей.

Он надо мной склонился
и дышит, страшный зверь.
Несчастный принц мой, милый.
Я не боюсь , поверь.

Погладила ладошкой,
а он меня лизнул.
Обнял медвежьей хваткой
и ,…рядышком заснул.

Очнулась ,было тихо.
И звездочка горит.
Бегом скорей до дому,
ведь ножка не болит.

Ну, как тут верить в сказку?
В медведя, с кем спалось.
И вот,...в руке осталась,
лишь прядь его волос.

Утро встретило прохладой и туманом...

Каредин Дмитрий

Утро встретило прохладой и туманом.
Он рано встал, хотя и не спешил.
Ещё немного сон держал дурманом,
Загадку грёз он так и не решил.
Сны для него лишь игры подсознания
Или то знаки данные с небес?
Его на этом кончены познания,
Никто о снах не проводил ликбез.

Но вид с окна вернул его в реальность.
Всё та же осень, что и в том году.
Лишь изменилась несколько тональность.
И он все в том же внутреннем бреду.
И мысли те же в нём, переживания.
За год прошедший много потерял.
Жизнь рвёт зубами как пиранья,
А он в зубах, на пол пути, застрял.

Пути

Наталия Воейкова

Мной много пройдено путей,
От Юго-Запада на Север,
Туда- обратно, через лес, и до морей,
Босыми пятками сминая Рожь и Клевер.

Заблудши, от пустынь до шепчущих степей,
То в спешке, то ползком, так- шаг за шагом,
Прошла я сотни вёрст, от осени до весн,
Снега и оттепель мне были посланы наградой.

Я промокала до костей, от ливней летних в жаркий полдень,
Топтала у обрыва утренние росы,
Пустынные ветра нещадно рвали мою тень,
А тёплый бриз распутывал мне косы.

Мной много пройдено дорог,
Расплавленных редчайшим пылким зноем,
Я помню узость деревенских троп,
И вьюг полночных песен воем.

Пробравшись сквозь густой туман,
Видала свет в конце тоннеля,
И вобщем, это не обман...
И не фантазии под ядовитым хмелем.

Не боюсь

Наталия Воейкова

Я не боюсь ушедшего времени,
И не боюсь быть в одиночестве,
Не боюсь тишины телефона,
Не страшно начало беседы «по отчеству».
Я не боюсь копаться в памяти,
И не боюсь больше снов пророческих,
Без боязни я принимаю их,
Не боюсь разобраться в людских почерках.
Мне не страшно быть «белой вороной»,
И не важно чужое мнение,
Я не боюсь услышать правду,
И не боюсь поддаться волнению.
Я не боюсь остаться непонятой,
Тем большинством «идеальных»,
Не страшно поддаться сомнениям,
Разборам полётов детальных.
И не боюсь я сильнейших гроз,

Не страшно одним быть воином в поле,
Бесстрашно принимаю букеты из роз,
Крепко зажав в кулаке с шипами волю...

Напутствие

Наталия Воейкова

Порою, труден жизни путь,
И сложно так в добро поверить,
Пытаясь осознать всю суть,
Захлопываем перед счастьем двери.

Всю жизнь кого-то терпеливо ждём,
Скучаем, молча у окошка,
И каждый вечер слезы льём,
Впиваясь в мокрую подушку.

Мы разучились говорить,
О самом главном важным людям,
«Сейчас и здесь» боимся быть,
И на звонки всего минута.

Боимся сделать первый шаг,
На встречу к самому родному,
Сказать не можем пары слов,
За них в молитвах ко Святому.

Не замечаем как года,
Листают Календарь поспешно,
Меняем маски, как всегда,
А это стыдно, даже грЕшно.

Не можем мы никак простить,
Тех, кто обидел, пусть случайно,
И разучились мы любить,
Мы любим чаще, всё же, тайно.

Я призываю верность сохранить,
Всему и всем, ведь это важно,
Самим перед собою честным быть,
В глазах других, стараться выглядеть отважно.

Открой же сердце , милый друг,
Душевный мир уравновесив,
По сути, люди, себе сами врут,
Что для добра нет в жизни места.

Смотри в себя и обещай,
Самим собою быть отныне,
Люби, живи, гони печаль,
Стремись всегда быть на вершине.

Сложнее-Проще

Екатерина Петрашенко

Сложней всего, порой,- забыть,
Чем, что-то вспомнить попытаться,
И проще по теченью плыть,
Чем в гору круто подниматься...

Сложнее жизнь начать с нуля,
Чем просто обстоятельству поддаться,
В пути сложней тому, кто у руля,
А легче тем, кто сделал выбор- сдаться...

Сложнее иногда простить,
Чем подарить добро, в ответ на злобу,
И проще взять и отпустить,
Чем разобраться, в чём виновны оба...

Транзитный эшелон

Владислав Терентьев

На безымянной станции убогой,
В часы зари, когда темнеет склон,
Отмеривая вёрстами дорогу,
Военный задержался эшелон.
Кто кипятку набрать, а кто размяться
И подышать в неведомой глуши…
Ходили вдоль вагонов новобранцы,
Дымили самокрутками в тиши.
Всего лишь три минуты без движенья
В местах, где были взрывы не слышны,
Где горизонт скрывает продолженье
Суровой бесприютницы-войны.
Уже неслась команда: «По вагонам!..»,
И ноздри дул горбатый паровоз,
Старушка-мать, держа в руках икону,
Пошла к бойцам, не сдерживая слёз.
И протянула бережно: «Возьмите!
Поможет Богородица в бою!
Погиб недавно мой сыночек Митя,
А вы, мои соколики, в строю!..»
Ревел гудок, и слов никто не слышал,
Метнулись все к вагонам впопыхах,
Не ведая, что старый образ дышит
В трясущихся морщинистых руках.
И в станционной сутолоке вечной,
Чтоб невзначай старушку не смести,
Боец, тихонько взяв её за плечи,

Промолвил ей: «Мамаша, отойди!..»
И замелькали лица и вагоны,
И вновь верста сменяется верстой,
Но не ушла с транзитным эшелоном
Икона Богоматери святой.
Той ночью ветер маялся местами,
Наверно чуял, продувая склон,
Что эскадрилья с чёрными крестами
Бомбит с небес транзитный эшелон.

Дай, Господи, пройти мне все пути

Олег Григоров

Дай, Господи, пройти мне все пути,
Тернистые дороги испытаний...
Споткнувшись о холодный стон терзаний,
Подняться через боль и вновь идти,
Не ведая о том, что впереди.

Дай, Господи, лекарство от себя,
Не надо много доблести в сражении...
Как побороть себя во искушении,
И никого при этом не виня,
Сорвать картонную корону с короля.

Позволь от мыслей разум отбелить,
Унять гордыню - редкостную стерву...
Клеймом она стоит на каждом нерве
Мы так слабы в попытках усмирить,
Понять, перекрестившись, и забыть.

Дай, Бог, мне искренность за слабость не принять,
Не отвернуться от того, кто рядом...
Мы самых дорогих ведь травим ядом,
Пытаясь превосходство показать,
Когда себя нам нечем оправдать.

Не дай мне, Господи, погрязнуть в суете,
И сытость редкую принять за благодать...
И отвернуться, когда следует подать,
Открыв глаза в знакомой темноте,
Жалеть себя с собой наедине.

Огороди, Господь, от дураков,
От мелкой поступи, от узости сознания...
От лживости бездарного признания,
От обществом навязанных оков,
От безысходства разводных мостов.

Не дай мне, Господи, стать наркоманом лжи,
И заиграться в собственных подменах...
Чужим в родных себе казаться стенах,
Из подлости слагая этажи,
Надежду отделяя от души.

Дай, Господи, не то, чего просил,
Мы так в лукавости продуманной виновны,
Что недругам становимся подобны...
А с этим справиться ты каждому дал сил,
И каждому дорогу осветил.

Сосуд пороков

Олег Григоров

Нам так знакомы чувства эти грешные,
Так дороги внутри, а внешне - НЕТ!
Чем старше ты, тем их всё ярче след,
И яростней всё голод безутешный.

И манят, манят сладостью своей:
Переступи черту одним движением...
И восхитись минутным наслаждением,
И стань от этого счастливей и грязней.

Пороки... вы, о нравственная низость!
Желанный идеал голодной сущности!
Мы к вашей, вниз, летим воздушности,
И мысль и шаг насквозь пронизаны...

Пороки не приходят в одиночку.
Вы пирамидой сложены в душе.
И семя зла в невинном малыше,
Растёт внутри без права на отсрочку...

Гордыня, алчность, зависть, гнев...
Нам так прелестны и противны...
Смогли бы мимо них пройти мы?
Кусая губы, зов презрев?

В унынье впасть, хватая жадность,
Чревоугодить и блудить...
Обиду затаить и мстить -
Неотвратимо, беспощадно...

Их сколько: семь? Шестьдесят девять?
И мимо скольких ты прошёл?
Что ты искал, а что нашёл?
Чтобы хотел ещё примерить?

Мы оправданья ищем всуе,
Нам в помощь разум, жест и слово...
Ну что, по сути, здесь плохого?
Могу! Хочу! Я здесь банкую!

Мы так грешны в уловках плоти,
Весы - страдальцы, два плеча...
Грешно за это обличать,
Ведь мы живём, а вы - лишь ждёте...

И каждый себе друг-злодей,
Желаний драхма - боль разменная...
И человек - не просто тело бренное,
Сосуд пороков бренности своей!

Так было... Будет век за веком,
И ценна в вечности всегда,
Борьба не света и добра,
Борьба порока с человеком!

Мама

Олег Григоров

Бывает плохо нам – идём мы в храмы,
И на друзей надеемся порой.
Но понимают нас всегда лишь мамы,
К ним за советом мы спешим домой.

И словно в детстве, мама нас обнимет,
Всегда простит и добрый даст совет.
И всё, что нас тревожило, — покинет,
И будто нам опять двенадцать лет.

Как птицы наши мамы над птенцами,
Хотя давно умеем мы летать.
Куда бы мы ни шли — они за нами,
Они не могут нас не охранять.

Порой мы не желаем слушать маму,
С годами понимаем, что права.
И попадая в неприятность или драму,
Мы вспоминаем лишь её слова.

Как хорошо, что есть на свете мамы,
Как хорошо, что к ним спешим домой.
Их не заменят ни друзья, ни храмы,
Но жаль, что забываем их порой!

Давайте будем искренне ценить,
Они нас любят даже безответно…
Лишь мамы могут нас благословить,
Любить, прощать, быть рядом незаметно!

Венчание

Олег Григоров

Нас с тобою осень повенчала,
Подарив из желтизны фату.
В колыбели ветреной качала,
И хранила нежно красоту.

На лесной поляне пели птицы,
Березняк, сережками звеня,
Нам с тобой поведал небылицы,
Солнце скрылось на закате дня.

И тогда нас звёзды повенчали,
Нам с тобой дорогу серебря.
До седин жить вместе назначали,
Вспоминать начало сентября.

Месяц юный, как и мы с тобою,
Вальс непринуждённо танцевал.
А к рассвету придавал покою,
Свой чудной полуовал.

Мы с тобой стояли у опушки,
Тёмный лес нам тишину дарил.
Долгим криком молодой кукушки,
Нас с тобою он благословил.

Мне всё будто чудится иль снится,
Нас венчали: осень, месяц, ели.
И в лучах невиданных зарница
Нас в лесной качала колыбели.

Мастер и моли

Евгений Логутенков

- Мастер, ты меня слышишь?
- Да слышу я, чего шумишь?
- Просто я стою на крыше...
- Рассуждая, чаще дышишь?
- Как смешно... Заняться нечем?
- Я был занят, ты отвлек.

- Вот допустим, мотылёк...
Он живёт от силы - год.
Из хитиновых чешуек состоит его покров.
Любит очень свет, тепло.
На все лампочки, к костру подлетает.

Хоть бы что...
Для чего он создан то?
Смысла вроде бы и нет. Я не прав?

- Ты что, - поэт?
- Просто образно сказал.
- Смысл есть. Он есть всегда.
Всё живое тянет к свету...
- Началась мораль об этом.
Ты мне это говорил!
- Ну и что? Ты перебил...
"Весь наш мир как сложен не был
От энергии малекул вырабатывает
Некий структурированный всплеск..."

- И причём тут мотылёк?
- Да при том, что мы живём просто
Для того, чтоб жить. Время есть,
Оно спешит, а ты пьешь своё вино...
- Значит радости в него влито больше чем
В ту жизнь.
- Шёл бы лучше домой.

Ночная прогулка

Евгений Логутенков

Когда ночь.
Блуждаю под окнами серыми.
Куда? Не знаю...
И поэтому тихо и медленно.
Не замечая, оставляю уверенный след.
Однако тут меня, как оказалось,
Наверное, нет...

Проспект.
Наполнен народом и шумом.
Когда я здесь, то ощущаю давление,
Грубость. Меня кидает
Как щепку по морю. С высоты.
Но по улыбке понимаю,
Насколько моменты жизненны...

Шаг мой. Асфальт разбит,
Пустой профиль. Наш мир такой,
Мы в нём идём, но видим лишь ноги.
Не понимаю...
Кто осветит путь? Когда фонарики
В сердцах заснут.
И в этом будет вся суть...

Мягкие плиты

Евгений Логутенков

Вот одеяло...
Накрой себя полностью.
Холодно стало, я тут постою?
Не бойся меня, а спокойно накройся.
Тихонько осмыслю свою пустоту...

Серая плоскость потресканных плит
Бычками усыпана, ржавые гвозди
Лежат себе молча.
Прибитая жизнь - мечта для такого
Изделия. Бог с ним...

Вот мы стоим. Впереди - ничего...
Бездна над пропастью сумрачных тайн.
Что мы увидим? Проснется ли кто?
Быть в муравейнике.
Столько загадок...

Не будем о грустном,
Как будто застыл. Глаза помутнели,
В себе улыбнулся. Потом осознал,
Что тебя уже нет. Со мной
На душе станет каждому пусто...

Пульса нет,
А вот город бьётся.
Сердце есть - так оно порвётся...
Снег идёт, но лавины сходят.
Мысли вслух? Да никто не понял...

Я буду...

Карина Войтюк

Я буду твоей звездой, твоим солнцем, планетой, Вселенной,
Я буду только с тобой, без всяких "но", "а, может?", "наверно"!

Я буду твоим ручейком,
глубокой рекой, а хочешь и морем?
Я к тебе пойду напролом,
Если не веришь, можем поспорить?!

Я буду твоим огнём,
Обжигающим, ярким, но нежным.
Если нужно, я стану дождём,
А хочешь, лавиною снежной?

Я буду твоим личным ветром,
Сносящим всё на пути,
Я буду следовать метр за метром,
За тобою всюду идти.

Я буду любой стихией,
В которой ты станешь нуждаться...
Твоим счастьем, мечтой, эйфорией,
Ты только позволь мне с тобою остаться...

Любовь к...

Карина Войтюк

Любовь к деньгам - порочное усилие!
Такую страсть так сложно оправдать.
Бедный душой, оправдывает личное бессилие,
Тем, что пытается свой "гордый" статус доказать.

Любовь к тщеславию - залог несчастья,
Таких людей охота пожалеть.
Они в тугую полосу ненастья,
Мечтают в свой хомут других одеть.

Любовь к скандалам или склокам,
Рождает в слабых душах страх.
Такие люди, в оковах малых сроков,
Боятся видеть неизбежный крах.

Любовь к расплате или боли -
Прожи́тый предками урок.
Как жаль, что так никто и не соизволил,
Понять сей тягостный порок.

И только лишь любовь в душе,
К тому, кто видит даже в пыли радость.
Способна снять несносное клише,
Что человек - одна большая пакость!

Моря

Карина Войтюк

Холодные бескрайние моря,
Таят в себе людей тревожных тайны.
Воспоминаний сложных якоря,
Вцепились в души, как пираньи.

Вода скрывает и стремительно уносит,
Все то, что очень наболело,
И лишнего она совсем не спросит,
Ведь нет до этого ей никакого дела.

Как настоящий скромный друг,
Услышав тихое твое молчанье,
Морская гладь ответит вдруг,
Лишив тебя последнего отчаяния.

Итог один - коль сильно ты захочешь быть услышан,
Чтоб без упрека и неуместных фраз,
У моря будь, как можно тише,
И встретит с радостью оно тебя ещё не раз.

Мой добрый человек...

Карина Войтюк

Моему вдохновению и музе...

Вот так случается однажды,
Приходит добрый человек к тебе,
Которого узнаёшь ты дважды,
И отныне он в твоей судьбе.

Он, будто просто ненароком,
В общении с тобой открытом,
Поделится своим уроком,
Что для тебя был ранее закрытым.

Ведёт вперёд и ничего не просит,
Душой своей прикрыв чужие раны,
Он мудр, поэтому не спросит,
Того, что входит в твои планы.

Сочувствует тебе, а ты ведь ошибался,
Считал его поистине другим.
И вот когда ты вдруг один остался,
Он поделился временем своим.

И что тут думать, это мудрость,
Уметь прощать и созидать.
Не видеть в людях только глупость,
И все тепло им отдавать.

Закрыть глаза на все ошибки,
Простить и больше не бежать,
Сказать, что главное оружие - улыбка,
Вот истина, которую ты должен знать!

И как ни сложно признавать,
Подумав плохо лишь однажды,
Нам все равно придется узнавать,
Того, кто был обижен нами… Дважды.

С мечтами будьте осторожны!

Карина Войтюк

Горит огонёк, тихой ниткой сверкая,
В надежде однажды пламенем стать.
И пусть мечта у него "не такая",
Он все равно не устанет мечтать...

Колышется ветром, силы теряя,
За и́скорки борется в неравном сражении.
Он слабый, но точно уж знает -
Не порадует ветер он своим поражением.

Чтоб ярче гореть, он хворост задел,
Всё больше и больше его поглощая.
"Это то, чего так давно я хотел!"
Бормочит, желанье своё воплощая.

А пламя сильнее бушует кругом,
Ликуя, что ветру оно не подвластно,
Но вот, огонёк прослыл дураком,
Сделав мечту свою крайне опасной.

И сжёг всё до тла, да сам погибал,
Искренне верил - что он победил!
Но пеплом в секунду рассеянным стал,
А ветер его по земле разносил...

Мораль тут проста и предельно понятна,
Мечтать конечно же можно!
Но делайте так, чтоб мечта была внятной,
И будьте вы с нею весьма осторожны!

Русалка

Оксана Веснина

Ледяной водой и снова одной
Обжигать ладони больно, о дно
Разбиваясь в сотый раз, и терпеть,
Потому что я русалка теперь.

Пересоленную темень глотать,
За ракушками в круиз, благодать!
По жемчужине да в радугу нить -
В перламутре седину хоронить,

Лунный пепел на ресницы и в путь
За тобою, моё сердце, и пусть
Неохота на свиданье тебе,
Мне водить, ведь я русалка теперь!

Спи, мой Герой

Нэтали Дарк

Спи, мой Герой, время снимать маску,
Трудный твой день я заверну в шторы.
Белым, как снег, цветом возьму краску,
Светлый узор будет как раз впору.

Тусклой луной лампочка круг чертит
На потолке. Мне бы ещё звезды.
Кто там сейчас шарик земной вертит?
Хочешь сменю? Будет тебе роздых.

Мимо дверей, мимо глазных скважин.
Знать не хочу, чьи через них взгляды.
Так ли чужой мир для меня важен?
Помню ли я их имена, даты?

Спи, мой Герой. Утро уже близко.
Завтра в строю будешь стоять первым,
Рваться в огонь, в зоне бывать риска,
Мне же опять ночь рисовать белым.

За туманами...

Александр Серб

Оглянись. За туманами рваными
Всё сгорело, остыла зола.
Были в страсти мы слишком уж рьяными,
Высекая огонь без тепла.

Оглянись. За морями безбрежными
Наше прошлое тает вдали.
Мы Любовь обманули надеждами
И нас разные ждут корабли.

Оглянуться... А нужно ли это?
Позабыто. Прошло. Улеглось.
Но порою приходит с рассветом
Не любимый, не званый мной гость.

Чуть коснётся горячим дыханием
Моих губ, моих глаз и волос.
Тронет сердце в немом ожидании
И исчезнет в краю чёрных роз.

Оглянусь. Над осколками зеркала
Вороньё будет долго кружить.
И, пусть, чувств отраженье померкло
Мир хочу вновь обнять. И... Любить.

Осенний блюз

Дзотта

Океана безбрежность.
Звезд далеких сиянье.
Одинокая нежность.
Я не верю в прощанья...

Дождь осенний стучится
мне в окно неустанно.
Ничего не случится,
а я жду как ни странно...

Ничего не случится!
Все привычно, как прежде.
Только сердце, как птица,
в клетке бьется все реже...

Не случится, я знаю!
Осень снова обманет,
оставляет, смурная,
терпкий запах герани...

Дождь осенний стучится
капли падают звонко.
А душа, как волчица
устремилась вдогонку...

Пусть бежит, не догонит.
Больше нет страсти прежней.
Чувства - резвые кони,
если всадник - нездешний...

Океана безбрежность
помню, глаз твоих тайну...
Но ведь ты - только внешность,
это стало банальным...

Осень рыжей лисицей
сердце вновь похищает.
Выпью кофе с корицей...
"Я жива!" - ощущаю!

Пусть любовь - не сложилась,
пусть надежда - не снится...
Я сама так решила!
Вытру слезы с ресниц я,

грусть осеннюю спрячу
далеко, в темный терем,
и в объятьях горячих
в счастье снова поверю…

Вечно

Чернова Светлана

Город устал. Светофоров мигает свет,
Тянутся тени, как кошки сутуля спины.
Сколько с тобой знакомы веков или лет,
Помнишь? и я забыла, мой нелюдимый.

Вечно спешащий, ты - жидкий металл, ты ртуть,
Неугомонный и жаждущий приключений.
Помню ли я поцелуи твои? чуть-чуть...
Страсть твою, жажду близости? да, без сомненья!

Ты так порочен, как сам первородный грех!
Битвы, вино и женщины без сомненья!
После дуэлей и войн, подустав от утех,
Путь твой всегда ко мне, мой безумный гений.

Не безупречна и я, что тут греха таить,
Кошки не любят рабства. их злит ошейник.
След от когтей - не помеха меня любить?
Слушай мой пульс учащенный, без искажений.

Сладкий мой яд, ты давно у меня в крови
Раной кровавой и ты мной давно отмечен.
Сколько веков или лет нам пылать в любви?
Пальцы коснутся груди, ты шепнешь мне - ВЕЧНО!

Звёзды

Екатерина Толчинская

Сумрачным вихрем падают звёзды-
Тихие, нежные льдинки,
Словно нимфы-кувшинки
С всплеском уходят в вод глубину.
Словно богиня слезинки
Роняет на землю, вздохнув.
И рассыпаются звезды.

Чужой ребёнок

Петр Панасейко

Рейсовый автобус остановился на окраине села. Вышли из него двое: молодая женщина с ребёнком на руках и бабушка лет семидесяти.

- Ой, миленькая, на улице холодно, а вы, как я вижу, без дождя мокрые, - обратилась бабушка к женщине, - сколько ребёнку-то месяцев?

- Шесть.

- С таким маленьким и к нам в село, беда какая случилась?

- Болеет он, а в нашем селе в аптеке такого лекарства нет. Врач сказал оно есть в вашей аптеке.

- Всё понятно. Но аптека отсюда далековато. Зайди-ка в тот дом, попроси разрешения просушить пелёнки.

- В тот дом не пойду.

На окраине села указанный дом стоял одиноко уже несколько лет. До войны здесь шумела улица, стояло много домов, но к середине 1960-х годов остался всего один.

- Не хочешь, тогда пошли ко мне, мой дом чуть подальше отсюда, - сжалилась чужая бабушка.

Вскоре они зашли во двор дома, где проживала попутчица. В доме их встретила внучка. Бабушка попросила внучку:

- Леночка, согрей нам чайку, а то мы тут замёрзли.

Через некоторое время пелёнки сушились у печки, а бабушка с гостьей пили чай.

- Тебя-то как звать? – спросила хозяйка.

- Вера я.

- Скажи-ка мне, Верочка, почему ты не захотела зайти в тот дом?

- Вы добрый человек, и Вам я, пожалуй, расскажу. Хотя рассказывать об этом мне очень тяжело.

… Инна и Антон Журавлёвы жили до войны в большом селе. Деревянный дом построили, как казалось, «на века». Жили в достатке. Воспитывали дочь. Обещали свозить её на отдых в Крым, если та закончит очередной класс с одними «пятёрками». Дочь выполнила требование родителей и мысленно представляла себя на берегу Чёрного моря. А вот родители своего обещания не выполнили. По уважительной причине: началась война.

Антон ушёл на фронт в первые же дни объявления мобилизации. Предлагал жене с дочерью уехать за Урал к его родителям, но Инна отказалась: слишком большая была уверенность в советских людях накануне войны в том, что если она начнётся , то воевать будем на территории противника. Она осталась. А когда поняла, что война надолго и надо уезжать – немцы вошли в село.

Антон, будучи трактористом, попал в танковый батальон механиком-водителем. Воевал храбро. Но однажды во время жестокого боя его танк подбли, а экипаж в полном составе оказался в плену. Пытался из лагеря бежать, но немецкие овчарки не предоставили ему такой возможности. В лагере для военнопленных находился до самого конца войны. После неё прошёл проверку соответствующих органов. Ему повезло: многих из лагерей немецких отправляли прямиком в лагеря советские, но его отпустили домой. Доказательством невиновности, видимо, послужили многочисленные шрамы на теле от укусов собак. Если пытался бежать, значит не предатель.

Домой фронтовик добирался долго. Но вскоре вдали он увидел свой дом, по-

строенный своими руками. Он стоял на окраине села первым. На улице сохранились целыми только несколько домов. Тогда, глядя на свой дом, Антон не знал, почему именно его дом пощадила война. Он с радостью открыл калитку и вошёл во двор. На земле сидела и игралась девочка лет четырёх. Он подумал: «Соседская», и хотел уже пройти мимо, но что-то его остановило.

- Тебя как звать, девочка?

- Вера.

- А ты чья?

- Мамина.

- А мама где?

- Вот моя мама.

В это время на пороге дома показалась Инна. Поначалу жена не узнала мужа. Лагерь давал о себе знать. Но потом подбежала, обняла, поцеловала.

- Постой, постой, - оттолкнул Антон жену. - Это кто?

- Дочь.

- Это я уже понял. Кто отец?

Расплакавшись жена рассказала, что эта дочь по сути спасла во время оккупации её и их дочь, которую они обещали вместе свозить в Крым. До освобождения села советскими войсками в её доме жил немецкий офицер. А рядом в сохранившихся домах жили немецкие солдаты. Ради своей дочери, которая выбежав из дома, подбежала в слезах к своему отцу, Антон простил жену. Но с одним условием: этого «чужого ребёнка» в их семье ему не надо.

Инна отнесла Веру к своей сестре, у которой муж пропал без вести. Когда же через год «пропавший» муж вернулся, сестра ребёнка вернула обратно. Тогда Инна отнесла дочь в соседнее село и отдала бездетной семье, объяснив причину своего поступка. Новая мама всё делала, чтобы Вера росла как родная дочь и ни в чём не нуждалась. Настоящая же мама её наоборот делала всё, чтобы дочь её забыла. Она работала продавцом в магазине. Каждый раз, когда Вера со своей новой мамой заходили в него, продавец делала вид, что их она не знает. А однажды то ли случайно, то ли умышленно, чтобы больше не заходили, обсчитала на приличную по тем временам сумму.

Когда Вере исполнилось шестнадцать лет, у первой мамы случилась беда: они с мужем потеряли единственную дочь. Простудилась зимой, получила воспаление лёгких и врачи не смогли её спасти. По совету мужа Инна направилась в соседнее село забрать дочь обратно.

- Верочка, я же твоя мама, пошли со мной, - с порога попросила Инна.

- Тётя, уходи, вот моя мама,- последовал ответ.

После того, как мужа парализовало и приковало к постели, а Инна одна не справлялась с уходом за инвалидом, она повторно направилась за дочерью в село и снова получила категорический отказ. Это явилось её наказанием за то, что она однажды превратила своего родного ребёнка в чужого. …

Когда Вера закончила свой рассказ, бабушка Марина сказала:

- А ты знаешь, Вера, твоя …, но короче, Инна Журавлёва, нынче живет одна, мужа схоронила, сама сильно болеет. Ходит по селу и всем рассказывает, что злые люди украли у неё дочь. Может всё-таки зайдёшь к ней, простишь её?

- Никогда! Если я это сделаю, я предам ту женщину, которая меня вырастила и выучила. И которая меня сейчас дожидается дома в натопленном доме как родную дочь.

- А муж-то где твой, Вера? Почему он не поехал за лекарством?

- В армию забрали, когда ещё мой ребёнок не родился.

Уезжая из села, Вера остановилась перед остановкой у дома своей настоящей матери. Но сердце ей подсказало: заходить к ней в дом не надо. Она прошла мимо. Кто виноват в этой драматической истории - понятно: война.

Обманутая любовь

Петр Панасейко

Автобус городского маршрута остановился на остановке «Политехнический институт». Толпа студентов и студенток вышла из автобуса и направилась к институтскому зданию, построенному ещё в начале 1950-х годов. Утро стояло раннее, и все они спешили в свои аудитории, боялись опоздать на занятия. Последней пыталась выйти из салона автобуса девушка. Пыталась потому, что на самом деле она не вышла, а, в прямом смысле слова, вылетела, так как водитель рванул с места, не убедившись, все ли пассажиры, желающие выйти именно на этой остановке, вышли. И лежать бы ей на асфальте с разбитым носом, если бы её не подхватил один пешеход, проходивший мимо.

- Даша, ты не ушиблась? - спросила её подбежавшая подруга.

- А ты, что сама не видишь? Одень очки.

Юмор с очками оказался уместен: незнакомец держал студентку крепко на руках, не отпуская её, а та молча разглядывала красивое, хотя уже и не совсем молодое лицо спасителя. До этого девушка много раз слышала о любви с первого взгляда, но значения этому не придавала. В том, что такая любовь существует, она теперь убеждалась на личном опыте. «Отягчающим» обстоятельством явилось и то, что обучаясь в школе, первая любовь обошла её стороной, а на первом курсе института встретить её она ещё не успела.

- Даша, может Вас отнести в аудиторию? У меня время есть, - предложил спаситель.

- Ой, что Вы, не надо, и так со смеху помирают мои однокурсники.

- Даша, я собираюсь поступить на учёбу в ваш институт на заочное отделение, Вы мне поможете,- соврал незнакомец, у которого никогда в планах этого мероприятия не значилось. Давайте встретимся с Вами сегодня в городской библиотеке часиков в шесть. Договорились?

- Договорились.

Даша побежала догонять своих товарищей.

Никогда не посещавший библиотек Анатолий Агапов пришёл в данное учреждение культуры заранее, чтобы успеть записаться в читальный зал и занять место за столиком у окна. Он не сомневался, что его студентка записана здесь, что она придёт, и хотел, увидев её из окна, выйти и встретить.

Его план сработал, через полчаса она сидела с ним для видимости с книгой в руках. Им оказался учебник физики.

- Мне тоже мама говорила, - начал он разговор первым, - учи, Толик, в школе физику хорошо, вырастишь, физиком станешь. У них зарплата большая.

- Ну и как, Вы маму послушали?

- Даша, давай перейдём сразу же с местоимения «Вы» на «Ты». Нет, Дашенька, маму я не послушал.

… Толя Агапов в школе числился посредственным учеником. Двоек не имел, но и пятёрок - тоже. Его знания не очень интересовали. Он увлёкся с пятого класса своими одноклассницами. Причём с каждой из них за партой больше полгода не сидел. Был больно влюбчивый. На вопрос родителей отвечал: «Целоваться не умеют». Родители в нём будущего научного гения не видели и особых требований к учёбе не предъявляли. Двоек нет, и ладно. К десятому классу Толя, как всем показалось, остановился на однокласснице Лизе, с которой не только просидел весь учебный год, но и танцевал на выпускном балу. К девчонке пришла первая любовь. Да такая, что она даже пожертвовала институтом, решив поступать с Анатолием, когда тот вернётся с

армии. Раздавать обещания направо и налево он привык с детства, не считая своим долгом их потом выполнять. Вот и Лизе обещал, что в армии будет готовиться к экзаменам, а после увольнения они пойдут вместе поступать в институт. Вместо институтских занятий Лиза все два года сидела и писала своему любимому письма, похожие на мемуары в нескольких томах. Ответ приходил в несколько строк: «Люблю. Целую. Скучаю».

О своём возвращении из армии Анатолий поставить в известность свою «любимую» не посчитал нужным, но девушка, узнав о приезде «жениха» от его родителей, помчалась на железнодорожный вокзал его встречать. Как же она разочаровалась, когда увидела на перроне своего «ненаглядного» целующимся с какой-то девушкой. Поняла, что встречать рядового Агапова пришла не только она. Сестры тот не имел, и ей стало всё понятно: за два года другая подруга «завоевала его сердце». Развернувшись на сто восемьдесят градусов, Лиза без оглядки со слезами пошла домой. Больше она с Анатолием не встречалась. Вскоре поступила в институт, нашла среди однокурсника свою вторую любовь и вышла замуж. О чём ни разу не пожалела.

А что же Анатолий? Полгода встречался с новой подругой, пока не нашёл следующую. Эта - дочь майора милиции, поэтому поступить с ней, как он поступал с предыдущими невестами, в том числе и во время службы в армии, он не смог. Пришлось жениться. …

Посидев до закрытия в читальном зале, Анатолий и Даша вышли на улицу, где еже начало темнеть. Они пошли вечерним городом, путь освещали городские фонари. На ровном месте Даша споткнулась, видимо, таким образом «попросив» Анатолия взять её за руку. Походив по городу, кавалер предложил:

- Давай, Даша, будем бродить по ночному городу до утра, это так романтично.

- До утра нельзя, завтра мне на занятия в институт. Боюсь опоздать.

- Не опоздаешь, Дашенька, я тебя отвезу утром в институт и, если ты не против, заберу тебя после занятий.

- Нет, не против. Я согласна.

Проводив Дашу домой и поцеловавшись на прощание, жених вернулся домой. Сидя у себя на балконе с сигаретой в зубах, стал думать.Он не мог себя обманывать, на этот раз влюбился по-настоящему. Надо же тогда было проходить мимо того автобуса. Почему не прошёл мимо? Как быть с женой, с детьми? На все эти вопросы Анатолий ответов не находил.

- А что если сказать Даше правду?- пришла в голову ему неожиданная мысль.- Нет, нельзя. Она сразу уйдёт от меня. А мне она нравится. Ну и что из того, что у есть жена? Будет две. Чем я хуже турецкого султана? Главное, чтобы ни жена, ни Даша об этом не догадывались. А там будь, что будет. С женой будет просто обычная семья, а с Дашей будет настоящая любовь.

Выбросив очередную сигарету и обрадованный найденный решением, Анатолий пошёл спать, где его с нетерпением дожидалась жена.

- Ты что там, дорогой, уснул?- пошутила жена.- Дети спят, нам тоже пора, но по расписанию у нас сегодня секс. Забыл что ли?

- Нет, не забыл.

В это время к ним в комнату зашла дочка.

- Мама, дочитай мне сказку до конца. Я никак не могу уснуть, так как хочу знать, куда делась «царевна-лягушка».

Жена пошла в детскую комнату, а на душе у мужа посветлело: сексом-то он собирался заняться завтра вечером, но с Дашей.

- Умница дочка, придётся купить ей дополнительную шоколадку,- обрадовался папа.

Утром, когда Даша вышла из дома, у подъезда её ждал знакомый водитель на

своём личном автомобиле. Когда тронулись, увидели, что им кто-то машет. Это - однокурсница Оля. С разрешения водителя она поехала в институт с ними. Доехали быстро. В запасе оставалось ещё полчаса.

-Даша, давай посидим на улице на скамейке, подышим свежим воздухом,- предложила подруга.

Они сели отдохнуть перед трудным семинаром. Сели не просто так. Оля являлась лучшей подругой Даши со школьной скамьи. Она оставалась небезразличной к судьбе своей подруги.

- Я смотрю, подружка, ты влюбилась не шутя.

- Оля, поздравь меня, я такая счастливая, встретила наконец свою любовь.

- Да ты, Даша, не спеши со счастьем-то, оно может быть призрачным. Это тот товарищ, который поймал тебя, когда ты летела из автобуса? Он, по правде говоря, мне не понравился.

- Ничего ты, Оля, не понимаешь. Я его люблю, понимаешь это ты, или нет?

- Нет, не понимаю, подруга. Во-первых, он старше тебя лет на десять, во-вторых, я пока мы ехали хорошо рассмотрела его правую руку, там очень чётко виден след от обручального кольца. Не заметила?

- Не заметила. Ты просто ревнуешь, Оля, но тебе я своего Толика не отдам. Так и знай.

После этого подруги встали со скамейки и направились в аудиторию на нелюбимый ими семинар.

Ближе к вечеру Анатолий, как и обещал, заехал за Дашей. Поцеловавшись в салоне, они тронулись в обратный путь.

- Дашенька, ты проголодалась, любимая, давай заедем в ресторан перекусим, - предложил тот.

- Это - прекрасно, я так проголодалась,- обрадовалась студентка.

В ресторане, когда они сели за заранее заказанный столик, о чём Даша не догадывалась, она сказала:

- Толя, моя подруга утром у тебя на пальце правой руки заметила след от обручального кольца, что это значит, ты женат?

- Был, Дашенька, но это случилось давно. Ошибки молодости. Обманутая любовь. Влюбился я как-тот очень сильно в одну девушку, а она оказывается замужем.

- А кольцо причём?

- Ради меня развелась, поженились. Но потом сбежала к своему первому мужу, а я стал ей не нужен.

- Бедненький мой, разве можно от такого как ты прекрасного человека сбежать? Я бы на её месте никогда не сбежала.

- Я это чувствую. Скорей я сбегу от …

Тут мужчина понял, что чуть не проговорился. Далее он хотел сказать всего два слова «от тебя». Разводится с законной женой, как мы видели, он не собирался. Папа, как известно, у неё майор милиции, и могут быть нежелательные последствия. Легче менять как перчатки своих любовниц. Это более безопасно. Но Даша явно не хотела оставаться любовницей, она рассчитывала на большее. Вот этого и не учёл женатый любовник.

Погуляли в ресторане не плохо, выпили, закусили, потанцевали, снова выпили и снова закусили, потанцевали. Когда всё это им надоело, Анатолий позвонил другу, чтобы тот на его машине отвёз их к Даше домой, у которой то ли по чистому совпадению, то ли по договоренности дочки с родителями, последних дома не оказалось.

Анатолий не зря вчера беспокоился за секс с женой: Даша не отпускала его в своих объятиях до утра.

- Толя, я уже согласовала с родителями этот вопрос,- радостно сообщила Да-

ша.

- Какой вопрос, Даша?

- О нашей свадьбе.

- Даша, я же тебя на десять лет старше. Одно дело провести прекрасно вдвоём ночь, а другое – брак, семья, дети. Давай чуть-чуть подождем.

- Не хочу ждать.

Когда муж не пришёл на ночь домой, жена стала обзванивать всех его знакомых. Кое-кто видел их утром и вечером с девушкой, но посчитали не нужным вмешиваться. «Предателем» оказался тот друг, который забирал любовников от ресторана. Подняв утром «на уши» весь подъезд, где жила Даша, жена Агапова стала выламывать входную дверь, сопровождая свои действия грубой нецензурной бранью. Жильцы подъезда вызвали милицию. Вскоре по понятным причинам приехал и майор милиции, отец жены Анатолия. Майору Даше дверь пришлось открыть. Неизвестно, как проходила их беседа, но только по итогам её в папку майора легло заявление об изнасиловании. В итоге жена Агапова, как и обещала ему неоднократно, жестоко отомстила за измену.

Что касается обманутой Даши, то она от этого шока отошла только к пятому курсу и вышла замуж за однокурсника. Однако обманутая первая любовь снилась ей ещё очень долго. Такое запоминается на всю оставшуюся жизнь.

Далеко и близко

Петр Панасейко

Поезд тронулся с места, на перроне остались только провожающие. Елена всё продолжала смотреть в окно. Её никто не провожал, просто ей всегда (ещё с детства) интересно смотреть на убегающие вдаль силуэты людей, которым , как она считала, не повезло сесть в поезд. Она же любила дорогу: мама её работала проводницей в поездах, иногда брала дочь с собой. После того как её папа сбежал с подругой мамы.

Размышления про себя Елены прервались мужским голосом со второй полки:

- Нашего полку прибыло? А то уже часа два еду один и поговорить не с кем. Меня зовут Лев.

- Страшное имя, но может и фамилия у вас страшная, то я буду убегать пока не поздно.

- Лев Парфёнов, а Вас как величать, мадам?

- Елена Вишнякова.

- Это, конечно же по мужу?

- Да нет, при разводе я оставила свою девичью фамилию.

После этих услышанных слов Лев не просто слез с полки, а в буквальном смысле слетел с неё. Елена ещё не успела снять солнцезащитные очки, и он не мог понять: ошибся или нет. Ведь прошло двадцать пять лет после школьного выпускного балла.

- Лена, ты?- допытывался её попутчик.

Лена сняла очки. Лев увидел перед собой те же прекрасные глаза, на которые он засматривался когда-то с соседней парты. Не узнать теперь свою одноклассницу он не мог. В школе между ними ничего не было, даже простой дружбы. Он имел свою поклонницу, она – своего поклонника. Но так они жили, пока за ними не закрылась школы входная дверь. У них своя жизнь пошла, у поклонников - своя.

На следующей станции к ним подсели бабушка с внучкой, разговор одноклассников умолк. Внучка, на вид лет шестнадцати, сопровождала бабушку со своей железнодорожной станции в областную глазную больницу. Через час они сошли, попутчики вновь оказались вдвоём.

- Лена, почему разбежались-то? Давно?

- Пять лет назад, когда дети стали взрослыми. Я, Лев, все эти годы жила только ради них.

- Жила с мужем, не имея счастливых дней? Что-то я, видимо, тебя не правильно понял?

- Ты, Лев, всё правильно понял. Жить с нелюбимым мужем, это как потвоему, большое счастье?

Лена замолчала. Молчал и её бывший одноклассник. За окном замелькали огни очередной железнодорожной станции. На которой к ним подсели молодожёны. Пришлось выйти в тамбур и продолжить начатый разговор. Он начался с рассказа Льва о своей личной жизни.

Женился рано, сразу же после службы в армии. Начиналась семейная жизнь прекрасно, но с годами она начала давать «трещины». Причина весьма уважительная: любовь улетучилась, не оставив следа. Пришлось год назад официально расторгнуть брак, но квартиру разделить не получилось. Так и живёт с бывшей женой на одной жилплощади. Получается: далеко и близко. Она, как бывшая жена, находится "далеко", а как проживающая в одной квартире - "близко". Распутать этот «узел» Льву пока не удалось.

Лена слушала Льва внимательно и только улыбалась: точно в такой же ситуации находилась и она со своим бывшим мужем. Только в отличие от Льва жили они не как «кошка с собакой», а как цивилизованные люди.

На следующий день, ближе к вечеру, Лев сошёл на вокзале своего родного города. Лена поехала дальше. Прощание сопровождалось поцелуями и слезами. Но никто из них тогда не знал, как поступит с ними судьба после этой мимолётной встречи.

Вернувшись домой, Лев , сидя перед монитором своего ноутбука в своей комнате, думал, как найти выход из создавшегося положения. Ему очень захотелось прожить оставшуюся часть жизни с той, которую в школе вовсе не замечал, но с которой судьба свела его на короткое время в поезде. Встреча оказалась короткой, но любовь нагрянула большая.

Закрыв глаза, он то и дело видел перед собой мысленно Лену, которую ещё недавно так горячо целовал в тамбуре поезда. Вдруг к нему пришла мысль.

- Если нельзя поменять жилплощадь ни мне, ни ей, то ведь можно поменять местами жильцов этой площади, - рассуждал Лев, нажимая кнопки клавиатуры, которые «открыли» ему сайт "Одноклассников".

Воспользовавшись тем, что бывшая жена ушла мыться в ванную, оставив в своей комнате не выключенный ноутбук, он зашёл туда и от её имени направил в «Одноклассниках» предложение познакомиться … бывшему мужу Лены Вишняковой. Дело в том, что та в поезде сказала вначале неправду: никакой девичьей фамилии после развода она не брала. Такое иногда в жизни случается. Они до свадьбы оба носили одинаковую фамилию. Лев не обиделся тогда за обман, а вошёл в её положение. Имя же он узнал случайно: Лена в беседе несколько раз Льва назвала Виктором.

Прошло две недели. Соседка по квартире Льва засобиралась к кому-то в гости. Он догадывался, к кому его бывшая жена едет, но не стал преждевременно радоваться. Слишком неправдоподобным это могло быть. На всякий случай позвонил после отъезда ей на работу. Она работала на фирме.

- Парфёнова у нас больше не работает, вышла замуж и уехала жить к мужу, - ответили в трубке.

- Неужели мой план сработал?- ходил по своей комнате Лев и задавал себе один и тот же вопрос. Не верю, не верю, не верю.

Поверил Парфёнов только тогда, когда спустя две недели в дверь позвонили, а открыв её, он увидел на пороге с чемоданами свою бывшую одноклассницу Лену.

Она же - бывшая попутчица в поезде, она же – настоящая его последняя любовь.

Когда Лев рассказал Лене о том, что его план сработал на все сто процентов, та долго смеялась, удивляясь его сообразительности.

На этот раз Лене фамилию пришлось менять уже по-настоящему. Слово «далеко» уходило из её лексики навсегда, а вместо него стали звучать слова «близко-близко». Ближе и быть не может.

Вдалеке от родного села

Петр Панасейко

Пассажирский поезд подходил к очередной железнодорожной станции. В тамбуре вагона находились два молодых человека, на которых очень красиво смотрелась военная форма с погонами и петлицами ВДВ. Однако с «дембельским» чемоданом стоял только один из десантников, другой просто вышел его проводить.

- Слушай, Ярослав, иди бери свой чемодан и пошли со мной,- предложил тот, который крепко в руках держал чемодан.- Погостишь у меня недельку и поедешь к себе домой, моя мама будет рада видеть моего сослуживца, спасшего меня во время прыжков на парашюте. А если найдёшь невесту в нашем селе, то останешься насовсем. У нас незамужних девчат много.

- Невеста у меня дома есть. Но ваше село я бы хотел посмотреть по другой причине: там снимался, на сколько я знаю, один из известных советских фильмов, - отвечал армейский друг.

- О да, его в нашем селе смотрят часто, там многие мои односельчане снимались в «массовке»,- подтвердил Роман.

- Ты – тоже?

- Увы, я тогда «под стол пешком ходил».

В это время в тамбур зашла проводница и напомнила, что станция Степная через десять минут, стоянка поезда три минуты. Через шестьсот секунд два бывших десантника в парадной форме сошли с поезда. Роман направился прямиком к киоску «Цветы». Купив их для мамы, которая накануне отметила свой очередной День рождения, они оба сели на рейсовый автобус, следующий проездом через село Первомайское.

В пути находились ровно час. Сошли на окраине села. Впереди утопало в зелени Первомайское, радовало глаз и синее-синее небо над головами. Посидев немного, друзья отправились дальше. Идти им ровно километр, но для десантников это пустяк. Сами даже не заметили, как вошли в калитку дома Романа Чемлыкова, где сына со слезами на глазах встретила мама.

- Это мой друг-спаситель, мама, Ярослав Чуенков, - представил друга Роман.

Мама, знавшая историю спасения сына, низко ему поклонилась, обняла и по-матерински поцеловала. Следом тоже самое сделал и отец. Из дома вышла и сестра Романа, бросившаяся в объятия брата. Ей было шестнадцать лет.

- А вот, Ярослав, тебе и невеста, - с улыбкой произнёс друг.

«Невеста» засмущалась и убежала обратно в дом.

Вечером во дворе Чемлыковых накрыли праздничный стол по случаю возвращения сына из армии. Гостей набралось много. Сначала поздравили солдат с возвращением, выпили за это. Потом поздравили маму Романа с прошедшим Днём рождения, выпили и за это. Потом ели и пили за всё прекрасное, что есть в жизни.

Затем начались танцы под магнитофон. То ли случайно, то ли заранее подготовлено, но первый танец выпал под песню «Как тебе служится». Роман танцевал со своей невестой-одноклассницей Зоей, а Ярослав – с его сестрой Дашей.

Когда же зазвучал «Белый танец», то Дашу опередила девушка, сидевшая до

того тихо в уголке и наблюдавшая за десантником. Последний её приметил ещё после первого танца, но особого значения не придал:

- Мало ли похожих лиц. Видимо, обознался. Здесь же не наше село.

В разгар танца девушка спросила:

- Ярослав, ты меня узнал? Я же твоя одноклассница.

- Узнать-то узнал, Варя, но ни никак понять не могу, что ты здесь делаешь? Вдалеке от нашего родного села? И где твоя первая любовь из восьмого нашего класса?

- Первая любовь после того, как я поступила в медицинское училище, осталась в селе, нашла себе новую любовь. Сейчас, говорят, живут «припеваючи», но где -то в городе. Меня же после учёбы по распределению направили медсестрой в местную больницу. В прошлом году вышла замуж за главврача.

- Надеюсь, счастлива? Муж-то на руках носит?

- Возраст не позволяет, на двадцать лет старше.

- И зачем же ты, Варя, вышла за него замуж?

- Так получилось.

После торжества проводить Варю домой на край села Ярослав не смог: к этому времени вернулся с работы её муж. Расстались бывшие одноклассники так же неожиданно, как и встретились. Спустя неделю Ярослав сел в поезд на известной нам станции и поехал к себе домой. По пути у него всё время перед глазами «стояла» красавица-одноклассница Варя. Тогда он её просто не замечал, а сейчас готов оказаться на месте её мужа.

Приехав в родное село, десантник в тот же вечер сидел ещё за одним праздничным столом: теперь праздновали его возвращение. «Белый танец» повторяли несколько раз: три одноклассницы, «положившие на него глаз», наперебой приглашали Ярослава на танец. Он сказал другу неправду: невесты он не имел, имелись просто подруги. Особенно старалась в этом плане Света, с которой он сидел несколько лет за одной школьной партой. Его родители это заметили и после торжества спросили:

- Ну что, сынок, не пора ли к свадьбе готовиться? Света нас устраивает: мама член правления колхоза, папа – завуч в сельской школе, живут богато, не то, что мы, твои родители.

- Поживём-увидим.

Ярослав не хотел обижать родителей: Света в школе ему не нравилась, а та, которая нравилась, сейчас уже замужем и находилась вдалеке от села. Речь шла о Варе. Заинтересовала его в тот вечер совсем другая девчонка. Та, которая из-за забора наблюдала за происходившим во дворе Чуенковых. Ею оказалась пятнадцатилетняя Нина, которую он несколько раз видел в детстве, когда родители приезжали с ней в гости к соседям. Уже год она жила у них, оказавшись по воле трагического случая сиротой. На следующий вечер они с ней уже сидели на лавочке и говорили о любви. Однако большая разница в возрасте поцеловаться не позволила. Если для Ярослава это была просто игра, то для Нины это - настоящая первая любовь.

Расставаясь вскоре, когда Ярослав, поступив на дневное отделение института, на пять лет уезжал из села, они встретиться больше не надеялись. Однако судьба распорядилась по-иному. Когда болезнь приковала его родителей к постели, именно Нина осуществляла за ними бескорыстно уход пока сын не вернулся после учёбы агрономом в село. Искать себе другую невесту в такой ситуации Ярославу не позволила совесть. Ей исполнилось уже двадцать лет. Они поженились. И жили счастливо.

Прошло много-много лет. В один из июльских дней почтальон принесла в дом Чуенковых телеграмму. К этому времени в нём находилась только Нина: муж работал, его родителей не было в живых, дети с внуками жили в городе.

"Привет, мой друг-спаситель Ярослав. Десятого июля праздную свой пятидесятилетний юбилей. Твоё присутствие обязательно. Приезжай,- говорилось в теле-

грамме.

- Хочешь поехать? - спрашивала вечером жена мужа.

- Без тебя не поеду, а бросить хозяйство нам не на кого. Отправь завтра от моего имени телеграмму с поздравлениями и извинениями.

- Ладно, сделаю.

На следующий вечер телеграмма лежала на столе. Поужинав Ярослав, спросил жену:

- С телеграммой проблем не имела, приняли? Запятые расставила правильно?

Нина, зная о том, что в телеграммах запятых никогда не ставили, только заулыбалась. В те далёкие советские времена отсутствовали и электронноя почта, и «Одноклассники» с их личными сообщениями, и «Скайпы», а связь с «миром» держалась только за счёт телеграфных и телефонных проводов. Каждый дополнительный знак в телеграмме – это лишние деньги. Вот и экономили их отправители.

- Телеграмма на столе лежит, -отвечала жена, - возьми и проверь запятые.

- Не понял, моя дорогая?- удивился муж, прочитав текст отправленной телеграммы, - ты что тут написала?

В телеграмме говорилось всего несколько слов: «Буду в назначенный день. Ярослав».

- Нина, ты понимаешь, что теперь я не поехать не могу?- возмутился Ярослав.- И тебя взять не могу.

- Так езжай. Я просто хочу сделать тебе приятное. Тогда в небе, на одном парашюте вы с Романом спускались вместе, будьте вместе и на его юбилее.

Вместо слов, он обнял жену и поцеловал.

Ярослав прибыл на торжество к другу прямо к праздничному столу, не успев таким образом рассказать ему о своей счастливой семейной жизни. А друг не успел рассказать о своей не менее счастливой. Бог, видимо, спас их тогда в небе и одновременно дал им «счастливые билеты» на семейную жизнь. Однако за столом из их знакомых не все были счастливы. Приглашённая подругой, она же жена Романа, Варя сидела грустная. Год назад она похоронила мужа. Ей не хотелось больше жить одной вдалеке от родного села, она надеялась с помощью одноклассника Ярослава вернуться в родные места. В школе он ей тоже нравился. Идея пригласить его на юбилей мужа подруги принадлежала ей. Роман «без задней мысли» «клюнул» на это предложение. О чём потом сожалел.

Грусть, вначале торжества захватившая Варю целиком, буквально после первого тоста испарилась. С этой минуты она не давала «прохода» однокласснику. Ярослав сначала её сторонился, но чем больше рюмок было выпито, тем она ближе к нему "приближалась". Ночью, скорей всего, он оказался бы в её постели, если бы не помощь друга. Его жена рассказала ему правду, в том числе и о том, что Ярослав женат и живёт счастливо. Просто Варя решила использовать последний свой шанс: развести одноклассника с женой и выйти за него замуж. Такие случаи, когда подруги поступают именно так, не редки.

Пока жена отвлекала Варю, Роман с помощью трезвого соседа на его личном автомобиле повёз друга на железнодорожную станцию со словами: «От греха подальше».

Приехав домой, Ярослав рассказал о своих приключениях жене, просил прощения за своё там поведение. На что последняя ответила:

- А кто тебя туда послал? Не помнишь? Нечто подобное я предполагала, но хотела сделать приятное твоему другу. Надеялась на то, что тот, который тебе обязан жизнью, не предаст никогда. Так и получилось. Через полгода у тебя юбилей, пригласи их обоих в наше село, они же живут не одни, есть кому смотреть за хозяйством.

Спустя полгода супруги Чемлыковы приехали по приглашению на пятидесятилетний юбилей Ярослава. Да так навсегда и остались в его селе. Армейская друж-

ба оказалась сильнее расстояния, измеряемого в сотнях километров. А что же Варя? По-прежнему живёт вдалеке от родного села, живёт одна в пустом доме. А всё потому, что в своё время, выходя замуж, она допустила массу непростительных ошибок. За что и расплачивается одиночеством под старость.

Свои же

Татьяна Уразова

Каждую ночь, неизвестно откуда приползшая туча, выливается на село грозным пугающим ливнем. Нет, это не туча, а самый настоящий небесный бомбардировщик с точным прицелом на Наткин дом. От разрывов грома дом сотрясается, а Натка с ловкостью обезьяны скатывается по не струганной лестнице в подвал и с вытаращенными глазами пережидает грозу. А сегодня она ложилась спать, уже разделась на свою беду, когда громыхнуло. Так в одних трусах и лифчике сдуру скатилась в подвал. Потом с воем пыталась вытащить из ободранного бедра несколько заноз, проклиная и дождь, и свой страх. Дождь поиздевался над селом с полчаса и умиротворённо растворился в пространстве. А Натка, замазав зелёнкой ссадины и занозы, сразу завалилась в постель, и начала копаться в своих грехах. Не зря же Всевышний мечет стрелы, значит, провинилась. Сердится. В воскресенье она ходила в церковь на службу, а шарфиком голову не покрыла. Старухи церковные набросились, как на врага. Еле отбилась:

- Я не к вам пришла, я к Богу пришла! Отстаньте от меня! Это не ваше дело с покрытой головой я к нему приду или нет. Если он наш отец, то он нас любит любыми. Ты, старая карга, любишь сына разве только в штанах и в шапке? Ты же его любишь любого, и голого, и одетого, и трезвого, и пьяного, и чистого, и грязного. Так и Бог любит нас, мы же его дети. Ему всё равно, какая я пришла, самое главное пришла! Помолюсь, свечку поставлю. Покаюсь. И на душе светлее станет, когда взгляну на икону, а он с неё мне улыбнётся… Он же всё видит… А вы возомнили себя святыми? Нет… не святые…старые грешницы…

А старухи, когда она уходила из церкви, как змеи вслед ей шипели. И кто же грешнее? А, может, за вчерашнее? Ну, прищучила соседского козла Ван Ваныча. Повадился лапать одинокую, но сладкую женщину. У самого- то жена, как жердина вихлявая. Ухватиться не за что. Вот и косит глазом, а при случае хвать за задницу. А вчера Натка его опередила, он только дёрнулся, а она хвать его за мужское достоинство:

- Оторву сейчас и жене твоей на крыльцо положу, жеребец необузданный… ещё раз проходу не дашь, пожалеешь…

Какими словами он её материл! Даже Натка выросшая в деревне на матюгах, таких не слышала. Но она не смолчала, её матюги с визгом разносил ветер по селу. Ван Ваныч плюнул со зла и ретиво удалился от греха подальше. Уже светать начало, а Натка всё копалась и копалась в своей жизни. Оказалось так много грехов, что даже прослезилась. А на неделе отчубучила:сопернице по роже вмазала... Увела Кольку. И Колька, конечно, не подарок, но всё таки мужичок. Пьёт. Но не каждый день. Можно потерпеть. Чем Клавка лучше её? Через губу не переплюнет. А всё туда же. Грехи, грехи…

А, что Степанычу мозги прочистила, это не грех. Разве грех вору сказать, что он вор? За копейки скупил в девяностые паи земельные, а теперь ходит, кочевряжится. Хозяин! Какой хозяин? Натка прямо при всём народе ему правду-матку сказала:

- Вор! А вор должен сидеть в тюрьме.

Что было! Степаныч орал, что он сам её в тюрьме сгноит. Что когда она с голоду подыхать будет, он Натке и корки плесневелого хлеба не подаст. Ведь и не по-

даст… жмот. Петухи разорались. Пора вставать. Зорьку надо успеть подоить, а там и Макарыч подойдёт, пастух местный. Коров в стадо соберёт и на пастбище…

Натка встала, перед иконой помолилась, перекрестилась. Солнце заглянуло в окно, напомнило, что завтра праздник. У Степаныча юбилей. А они с соседкой частушки приготовили. Всё село ржать будет. А ещё Натка кулебяку испечёт, пальчики все оближут. Ван Ваныч такого трепака даст, пол трещать будет. Вот так и живут. То на кулаках, то в обнимку. И зла не держат… Свои же…

Ведьма

Татьяна Уразова

У нас летом необыкновенное ночное небо, оно не тёмное, пугающее чёрной магией, а светлое в паутине еле видимых мерцающих звёзд, человек несведущий в сибирской природе, может принять ночь за утро.

Странно то, что мне не спалось, хотя я очень устала, но присев на скамейку около подъезда так и не смогла встать. Свежий воздух взбодрил. Я даже не чувствовала холода. Изредка проносилась по небу то ли звезда, то ли ракета, не оставляя за собой привычного следа.

Ноготки под окном, на импровизированной клумбе источали характерный аромат, который ни с чем не спутаешь. Чахлая берёза белела и все сравнения её с невестой, казались абсурдными. Вырасти на глинистой почве уже подвиг. Ни ей, ни мне никогда не быть невестами.

Прижиться-то мы прижились обе, но замучила ностальгия, как зубная боль, от выдернутого час назад зуба. Зуба нет. Боль есть. Берёзку я привезла с Урала, посадила себе и на радость, и на грусть. Два в одном. Так и живём, то грустим обе, то радуемся Завтра, какое завтра, утром сложу манатки, попрощаюсь с берёзкой и уеду навсегда, куда глаза глядят.

А куда глаза глядят – пока не знаю. Положусь на судьбу, куда билеты будут, туда и уеду, хоть на Северный полюс. Всё равно никто нигде не ждёт.Но сначала забегу к Сергеевне, колдунье, чтобы посмотрела, что меня ждёт в новой жизни.

Колдуньей её зовут смолоду. Просто хороший психолог, поэтому и советы даёт хорошие. Многих от бед по их недомыслию отвела. Помолится за душу грешную, попросит Бога о снисхождении к человеку неразумному, смотришь, и поверит бедняга в себя. И жизнь наладится. А сколько заговоров знает! Как – то сказала мне по секрету, что она ведьма по роду. Так я и поверила ей! Однажды говорит:

-Хочешь посмотреть, как я бесов изгоняю?

А кому не хочется? Но страшно! Приготовилась я, читала молитвы, обереги. Бесы-то коварные! Ноги тряслись, когда шли к бесноватому.

А он человек, как человек вроде бы. Надела платочек, села в угол под образа. Сергеевна постелила чёрную ткань, нарисовала мелом на ней что-то, на ткань поставили стул, на стул посадила бесноватого старичка, благообразного, худого, с седой бородкой, морщинистого, морщинистого, на вид доброго старикашку.

Кряхтя, не молодая ведь, она расставила по углам зажженные свечки и начала читать молитвы. Все молитвы знает наизусть. Вот память! Я сижу, слушаю. Вдруг дедок, как запищит бабьим голосом, как завоет! У меня волосы дыбом встали. А он ощерился на меня, как маты посыпал, словно из рога изобилия. Слышали, как бабы матершиницы ругаются? Точь-в-точь.

А Сергеевна, как ни в чем, ни бывало, читает себе без остановки. Семь потов с меня сошло, казалось, дед сейчас на меня кинется. Грохнет. Сколько времени прошло и не помню, но когда полетели мыльные пузыри из головы дедка, чуть сама не

окочурилась. Разноцветные такие: фиолетовые, дымчатые, голубые. Кому сказать? Кто поверит? Фантастика.

И дедок, вдруг успокоился. Опять сама доброта. Если бы не видела его настоящего, то подумала бы – херувимчик, а он бес! После сеанса пошли чай пить.

Дедок нас угощает, а у меня руки трясутся. Как бы его бес в меня не вселился! Сергеевна с дедком надо мной посмеиваются. Попрощались, наконец. Вышли за ворота, я с таким облегчением вздохнула, перекрестилась не один раз. Спрашиваю Сергеевну:

-А чего это он в храм не пошёл своего тирана беса выгонять? Там священники. И пусть бы там лаял. Я в Почаевской лавре слышала такое, правда не видела. Бесноватых отчитывали за закрытыми дверями. Но крики – то не заглушишь.

-Эээ! Не каждый батюшка умеет бесов изгонять. Да и при народе неохота. Разговоры пойдут. И священник, вроде как начальник от Бога. А начальникам кто доверяет? Вот то-то и оно!

Почему Сергеевна мне доверяет, я не знаю, но знаю, что худа мне не сделает и не пожелает. Душевный человек! Кто только к ней не ходит! Все начальники у неё побывали. И всем помогла. А что? Они же тоже люди!

-Сергеевна! Я на минутку, можно? Сергеевна, я решила уехать, как можно дальше от этих мест. Счастье мне здесь не светит. Скажи, разве я не права? Горе мыкаю. Одна беда.

-Что это, глупая, ты придумала? Терпения нет? Всё хочешь сразу? Заслужить надо. Бог всё видит. Придёт время. И счастье найдёшь. Только жить начала. Ещё не знаешь горя-то настоящего. Благодари Бога.

-Сергеевна, вот ты всё о людях молишь. Начальники должности денежные просят, всякие блага, а что ты за себя не попросишь? Домик у тебя захудалый. Две комнаты с кухонкой маленькой. Не развернуться. Кто сотню положит, а кто и луковицу. Не разживёшься. Да и дети не миллионеры, кое-как концы с концами сводят. Странно получается.

-Надо, чтобы другие за меня молились. А не кому.

-Давайте я за вас буду молиться. Скажите только, чего молить?

-Насмешила девка. Ох, насмешила! Не дано это тебе. Не дано. Скоро судьбу свою устроишь и перестанешь метаться из стороны в сторону. Потерпи чуть-чуть.

-Конечно, я не понимаю чего-то, но получается, что ведьмы - настоящие коммунистки. Печётесь о благе всех, а сами? Какое светлое будущее для вас? Ой, Сергеевна, я придумала. Давайте создадим партию ведьм. Вас назначим главной ведьмой. На выборах всех победите. А потом президентом станете. И само собой придёт коммунизм. Как заживём! Кто, что захочет, тот то и получит. Не жизнь, а малина!

-Пей чай и не выдумывай ерунду всякую. У каждого человека на земле своя миссия. И у меня своя. И денег больше, чем есть у меня, не надо. Вон какой Вовка у меня, покладистый, добрый. Взял с двумя и ещё двоих народили. Всех вырастили. Никого не различил, не сказал, что это не его. Разве не счастье? О чём просила, то Бог и дал. А деньги? Сегодня есть, а завтра нет.И дети не хуже других. Ну, всё. Иди домой, разбирай вещи. В какую смену? Выходной? Вот и отдыхай. А у меня сегодня народу будет уйма. Полежу и начну принимать.

На душе стало легко. Не заметила, как и день прошёл. Как хорошо, что есть Сергеевна! Ну, какая она ведьма? Вечером вышла на улицу, присела на свою лавочку.

Берёзка косичками покачала, обрадовалась, что я не уехала. Разговариваем по-своему. Понимаем друг дружку. Луна выплыла круглая, золотистая, как денежка. Сияет. Облачко не понятно, откуда появилось.

-Глянь! – берёзке кричу, - на Сергеевну похоже! Улыбается! Задумалась.

А может и вправду ведьма?

Поляна

Марина Шатерова

Теперешний ужас пройдет со временем, мрак просветлеет, и, кроме того, кто знает, какие надежды может принести нам непрерывное течение грядущих дней? Какие перемены, какие судьбы? Злополучна теперь наша участь, но ее можно назвать счастливой, она еще не худшая и не ухудшится, если мы сами не навлечем на себя еще больших зол.

Джон Мильтон «Потерянный рай»

Потерянный Рай – деревушка в рязанских лесах. Некогда здесь кипела жизнь, местные жители ходили в лес по грибы и ягоды, работали на лесозаготовке. Странное название для российской глубинки, но, видать, люди жили счастливо, растили детей, наслаждались тихой размеренной жизнью. Но что же произошло? Куда всё исчезло? Деревня опустела, жителей не осталось. Дома обветшали и их разобрал на дрова кто-то пришлый. О бывшей здесь когда-то деревне напоминают остатки асфальтированной дороги да руины каменного здания, вероятно, бывшего когда-то клубом или библиотекой.

Что если попробовать запустить вспять некие волшебные часы, с удивлением глядя на стрелки, непривычно крутящиеся в обратную сторону, всматриваясь сквозь пелену времени и пространства, попытаться увидеть всё, происходящее тогда.

***

Обычная семья. Макар, его жена Ярослава, двое мальчишек-сыновей девяти и одиннадцати лет. Ярослава разливает суп по тарелкам и накрывает на стол в зале. Мужчина включает телевизор, переключает пультом каналы, ища местные новости. Внезапно изображение искажается помехами, появляется «белый шум», сквозь который пытается прорваться изображение, но безуспешно. А звук! Не просто однообразное змеиное шипение, как это обычно бывает, а вперемешку с каким-то странным шёпотом. Слов не разобрать, но шёпот слышен точно.

Дети перепугались этой неожиданной поломки, с возмущением и криками убежали в другую комнату. Макар чертыхнулся и вышел во двор. Взял деревянную лестницу, приставил её к крыше и полез наверх, чтобы поправить телевизионную антенну. Иногда она косилась от ветра и теряла сигнал. То, что он увидел, стоя на крыше, заставило его забыть об антенне, обеде и телевизоре. Макар застыл с выпученными глазами и раскрытым ртом.

Издалека по небу в его сторону летел какой-то странный объект, огромный, состоящий из двух круглых плоских частей, соединённых между собой, и вращающихся относительно друг друга. Неопознанный летающий объект, а это был он, хотя такой терминологии в те времен ещё не было, летел на огромной скорости, не параллельно земле, а чуть под углом, совершенно бесшумно, только лишь свист ветра выдавал его огромную скорость. НЛО пролетел над домом Макара, где тот провожал его ошеломлённым взглядом, и унёсся в сторону леса, скрылся за кронами деревьев.

Макар спешно слез с крыши и ворвался в дом.

— Яра! Яра! – закричал он. – Там что-то огромное, невероятное пронеслось над нами. Никогда такого не видел. В лес полетело!!!

Видя возбуждённое состояние мужа, Ярослава не нашлась, что ответить.

— Ты уверен? Я ничего не слышала…

***

Макар побежал к куму Шурику, который жил в соседнем дворе. Тот сидел перед неработающим теликом, выдававшим всё те же странные помехи, и безуспешно пытался его настроить, нервно бил его ладонью по крышке.

— Тоже не работает? – спросил Макар, поздоровавшись. – У меня та же фигня, можешь не стараться чинить.

— Почему? – не понял Шурик.

— Я только что видел что-то очень странное, большая штуковина пролетела по небу в сторону леса, видать, она и дала помехи. У меня тоже не работает.

— Помехи ещё какие-то странные. – Шурик расстроенно смотрел в бело-серый шумящий экран. – Так что ты говоришь пролетело?

— Не знаю, никогда такой хрени раньше не видел. Давай на великах смотаемся в лес да посмотрим.

Мужики взяли велосипеды и помчались в ту сторону, куда улетел НЛО. Оставили железных коней на обочине, углубились в лес. В том месте, куда они шли, была большая поляна, и они интуитивно предположили, что летательный аппарат мог приземлиться там. Но в какой-то момент они оба остановились, словно натолкнувшись на что-то невидимое.

— Что это? Ты почувствовал? – ошарашено спросил Макар.

— Да, ударился. – вытянув руки вперёд, Шурик трогал невидимую стену перед собой.

Будучи совершенно прозрачной и невидимой, стена при прикосновении к ней белела, марево пробегало по её поверхности, будто тонкий слой морской воды вдруг застыл посреди леса. Мужики переглянулись. Если Шурик поначалу не поверил рассказам Макара, списал всё на розыгрыш, на какую-то странную фантазию или затею, то теперь дело приобретало всё более странный оборот.

— Что за чёрт там происходит? – раздражённо пробормотал Макар. – Видишь что-нибудь?

Они оба пристально всматривались сквозь стену в ту часть леса, что была им недоступна. Между деревьев мелькали какие-то тёмные силуэты, светил очень яркий свет, доносилось монотонное гудение.

— Что за ерунда, авария у них там что ли? – раздосадовано проговорил Макар, неудовлетворённое любопытство не давало ему покоя.

— Давай попробуем обойти стену, посмотрим, куда она ведёт и где кончается. – предложил Шурик. – Пойдём в сторону кладбища.

— Пошли. – согласился Макар.

Они пошли вдоль стены, время от времени прикасаясь к её поверхности, чтобы убедиться в её наличии. Когда подошли к кладбищу, то оно тоже оказалось внутри периметра, обнесённого загадочной стеной. Всматриваясь сквозь стекло стены, мужики видели чёрные силуэты, блуждающие среди могил и какие-то светящиеся голубые шарики размером с теннисный мяч, что сновали в воздухе. Потеряв надежду попасть на поляну и рассмотреть севший там объект, Шурик с Макаром вернулись на дорогу, сели на велики и поехали к сельскому магазину.

Магазин – это сердце деревни. Тут все собираются обменяться новостями, посплетничать, просто по-соседски поболтать. На деревянную стену магазина кнопками вешаются бумажные объявления. Перед магазином уже толпились местные, обсуждали странные помехи в телевещании и ту неведомую штуковину, пролетевшую по небу. Ясно, что «ящик накрылся» из-за неё, но когда всё наладится – неизвестно.

Макар с Шуриком рассказали, что видели в лесу. Новости были восприняты ещё более эмоционально, чем телик и штуковина. Уже смеркалось и идти в лес на ночь глядя никто не захотел, решили пойти на поляну на следующий день, если только исчезнет та странная стена.

***

На следующий день Макар, Шурик и несколько местных пришли в лес. Прозрачная стена исчезла. По мере продвижения по лесу к поляне, обычные лесные растения сменялись некой странной растительностью.

— Что это? Ты когда-нибудь такое видел?

— Мужики! Невероятно!!!

Растения, обычная трава и ещё какие-то зонтичные типа укропа и тысячелистника были высотой два – два с половиной метра. Чтобы пройти к поляне, приходилось пробираться через них, как сквозь джунгли. В какой-то момент «джунгли» закончились и перед путниками возникла та самая поляна в лесу. Контраст ошеломил – трава на поляне оказалась низкой и пожухлой, словно вдруг наступила осень.

— Невероятно!

— Наверное здесь эта штуковина приземлилась. – предположил Макар.

Мужики крутили головами, поражаясь контрасту в высоте растений и ища какие-нибудь ещё странности в этом месте.

— Давайте пойдём в сторону кладбища. – предложил Шурик.

Остальные молча последовали за ним, продолжая оглядываться по сторонам. Было очень тихо, не пели птицы, молчали насекомые. Тишина пугала своей гнетущей напряжённостью. Когда солнце выглядывало из-за облаков и его лучи пробивались сквозь кроны деревьев, то, приглядевшись, можно было различить какие-то непонятные тёмные нити, как из тумана, что тянулись между стволов деревьев, соединяя кладбище и поляну.

— Мужики, смотрите! Вверх, на свет, видите?

Все посмотрели в указанном направлении.

— Что это?

— Не знаю, но давайте лучше поскорее уйдём отсюда, не нравится мне это место.

Оторопь взяла всех присутствующих, и они спешно вышли из леса, направились в сторону домов. Что же за тёмные силуэты и голубые шарики видели тут вчера Макар и Шурик? Как они были связаны с той летающей штуковиной и куда подевались теперь? Выяснять это не хватило смелости, естественное чувство самосохранения гнало как можно дальше от этого странного места. Обо всём увиденном участники похода рассказали у магазина и семьям дома. Ходить в лес было запрещено, мало ли что там ещё может быть.

***

Другой конец деревни.

— Мишаня, ты готов? – Фёдор подошёл к забору друга со стороны огорода.

Договорились заранее встретиться в условленном месте, чтобы благоверные не заподозрили об их намерениях и не «обломали всю малину».

— Да, пошли скорее, моя к соседке вышла. – быстро проговорил Мишаня, выходя через калитку в заборе.

Двое направились в лес, к той самой поляне, где произошли недавно те удивительные события. В руках каждый из них нёс по плетёной корзинке с едой и выпивкой, прихватили и небольшое покрывало, чтобы постелить на траву. Давно планировали поуменьшить запасы домашнего вина Мишани, но хотелось сделать это без зудений над ухом трезвой жены, сугубо мужским обществом. Телик, зараза, сломался одновременно у обоих, выдавая какие-то странные помехи с прорывающимися сквозь «белый шум» какими-то странными картинками и невнятным шёпотом. Так бы жёны сериал смотрели, теперь же раздражённые, ищут повод «попилить» и пристроить к хозяйству своих непутёвых мужей.

Уже почти дойдя по лесу до места расположения поляны, Мишаня с Фёдором одновременно охнули.

— Радиация тут что ли, едрить колотить? – выругался Фёдор.

Огромные зонтичные растения выше человеческого роста не могли не впечатлить. Мужики прошли дальше и вышли на поляну с пожухлой травой.

— А тут как будто кислотный дождичек прошёл. – присвистнул Мишаня, оглядываясь по сторонам и поражаясь контрасту между поляной и окружающей её растительностью. – Стрёмно тут как-то, может уйдём?

— Да ладно, не дрейфь, давай скорее пробовать. – нетерпеливо пробурчал Фёдор и начал расстилать одеяло.

Новости в деревне, как это ни странно, распространялись как-то неравномерно, поэтому Фёдор с Мишаней оказались не в курсе произошедших недавно событий. Разложили выпивку и закуску, которая начала быстро исчезать, чередуясь с тостами, байками, разговорами и спорами. Чисто мужское дружеское общение, вкусная еда и особенно что-то горячительно-расслабляющее – это одна из тех естественных потребностей мужского характера, которую нельзя игнорировать, лишать себя душевной разрядки от процесса. Спустя какое-то время, разморенные выпитым и осипшие от разговоров, мужики уснули на покрывале. Солнце уже лежало вровень с линией горизонта, но ещё не успело стемнеть. Вечер! Тонкая грань между светлой ясностью дня и сумеречной тайной ночи, со всеми её монстрами, живущими во мраке.

Первым проснулся Фёдор. Открыл глаза, сфокусировал взгляд на верхушках деревьев. Вздрогнул, когда над ним склонилась тёмная фигура. На контрасте с ярким пока ещё небом, черт лица было не разобрать. Но фигура хоть и была тёмной, но в то же время какой-то полупрозрачной, странно шевелилась, клубилась, как густой тёмный туман.

— Кто ты? – спросил Фёдор.

В ответ фигура вздохнула, издала какое-то утробное мычание. Фёдор поспешно сел, перед глазами замелькали белые точки, какие бывают, когда долго смотришь на свет, а потом переводишь взгляд на тёмное. Когда зрение адаптировалось, то фигур рядом было уже несколько. Из тёмного клубящегося тумана они в какой-то миг поочерёдно уплотнялись и приобретали чёткие очертания людей, только тёмных, каких-то странных, но вполне узнаваемых для Фёдора.

— Паша! Зина! Колян! Что вы тут делаете? Этого же просто не может быть!!! – заорал Фёдор, в ужасе озираясь по сторонам. – Вы же умерли, мать вашу!!!

В панике он начал расталкивать Мишаню. Тот долго переходил от сна к реальности, не понимая суеты и громких криков Фёдора. Сев, тоже начал озираться по сторонам. Когда оборачиваешься, то за спиной видишь всё новые и новые фигуры почивших друзей, родственников, соседей. Круг их начал сужаться. В ужасе, одновременно заорав, панически столкнувшись друг с другом, двое собутыльников, не разбирая дороги, помчались в сторону деревни.

Там, возбуждённо перебивая один другого, рассказали обо всём жёнам и соседям. Утром возле магазина обсуждали уже новые события, случившиеся в лесу на поляне, Фёдору и Мишане рассказали то, что видели Шурик и Макар. В рассказы про мёртвых большей части деревенских как-то не особо верилось, всё ими рассказанное больше походило на «страшилки», «померещилось» и «пить надо меньше».

***

Сон. Казалось бы, тривиальный физиологический процесс, событие, происходящее с нами каждую ночь с самого первого дня нашей жизни, с тех пор, как мы начинаем себя помнить, осознавать, сон никогда не казался нам чем-то особенным. Но так ли всё просто? Всё ли объяснимо лишь отдыхом тела? Во сне часть нашей души отделяется, покидает нас, уходит в некую земную информационную область, так же отдыхает, путешествует, набирается опыта, проживает некую параллельную с нашей телесной жизнь. Часто во снах мы видим одни и те же улицы, дома, магазины, встречаем одних и тех же людей. И, видя сон, мы можем интуитивно почувствовать, что это место мы уже видели во сне раньше, можем точно сказать, какая будет улица, сверни сейчас за угол дома. Но бывает так, что мы видим страшные сны. Что это? Предупреждение об опасности в нашей телесной жизни или же негативный опыт нашей души в той другой вселенной, где она обитает во время сна?

Нехорошие сны снились жителям Потерянного Рая этой ночью. Будто каждый из них оказался ночью на той поляне в лесу. Естественным природным прожектором светила с неба полная луна, заливая чёрное пространство ночи белесым млечным све-

чением. Ночная прохлада бодрила, заполняла влажным воздухом лёгкие, вызывала тревогу. Стрекотали сверчки, ухали в лесу ночные птицы.

Из леса, со стороны кладбища к центру поляны потянулись тонкие чёрные нити, просачиваясь между стволов деревьев. Накопив в воздухе над центром поляны некую критическую массу, клубящуюся, бесшумную, похожую на тёмный туман, облако разделилось на несколько фигур, которые будучи вначале не чёткими, мгновенно сгустились, уплотнились, приобретая чёткие, узнаваемые черты умерших родственников, друзей, соседей.

Их немного, всего несколько человек, но исключительно те, перед которыми испытываешь чувство неискупимой вины, несправедливого отношения к ним при жизни, а может даже и стали причиной их несвоевременного ухода на ту сторону бытия. Некая тонкая граница разделяла живых и мёртвых, стоящих на поляне. В лунном свете она колебалась, шевелилась? Будто состояла из бурно текущей чистейшей прозрачной воды, но в то же время была плотной стеной, разделяющей два мира.

Живые и мёртвые стояли друг напротив друга. Первые остолбенели от ужаса, пытались осмыслить происходящее, поверить в то, что видят глаза. Мёртвые же всё отлично понимали, на их лицах играли злобные ухмылки, все накопленные обиды, претензии, злость за несправедливое отношение без каких-либо слов мощным потоком хлынули в сознание живых. Всё произошло быстро: умершие протянули руки вперёд, с лёгкостью преодолели шевелящуюся «водную» границу, крепко схватили каждого живого и резко втянули сквозь стену на свою сторону. Граница только лишь со стороны живых была плотной, мёртвые же с лёгкостью сквозь неё проникали. Понимание того, что они теперь на мёртвой стороне, укрепилось в сознании живых в момент пересечения преграды. Все спавшие в деревне одновременно проснулись, вздох ужаса прозвучал практически в унисон.

На следующее утро к магазину подтянулась практически вся деревня. Глядя друг на друга, отводили глаза, приходило безмолвное понимание того, что сон ночью видели все и на «померещилось» уже не спишешь. В магазине скупили практически всё спиртное, «снять стресс», как сказал кто-то. День пролетел незаметно в выпивке и разговорах о природе НЛО, о поляне, кого же там на самом деле видели Фёдор и Мишаня, правда ли это были умершие или же им всё это с похмелья привиделось.

Группы деревенских из магазина перемещались от дома к дому, закусывая, делясь мыслями и догадками с теми, кто не пришёл к магазину. Когда все пришли в дом к Макару, тот направился в огород надёргать морковки, редиски, петрушки и укропа к столу. Вечерело, солнце нехотя уходило за горизонт. То ли от выпитого за день, то ли от тягостного кошмара, приснившегося прошлой ночью, Макару было очень неуютно находиться на улице одному, хотелось как можно скорее вернуться в закрытое помещение, к людям.

Уже почти собрав всё, что нужно на огороде, Макар заметил, что по улице вдоль его забора кто-то идёт. Участок Макара обнесён высоким забором-штакетником, выше человеческого роста, но между штакетинами были небольшие промежутки, позволявшие видеть движение, но не дававшие быстро увидеть и узнать идущего. Что-то интуитивно подсказывало не подавать голос первым, не спрашивать: «Кто там? Кто идёт?». Всё его существо просило молчать и затаиться. Поравнявшись с

Макаром, фигура резко остановилась. Поразила абсолютная, звенящая тишина, доносившаяся с той стороны забора, молчаливое напряжение. Силуэт за забором был тёмным, как-то странно клубился, шевелился, словно пар или горячий воздух над огнём. Любопытство перебороло осторожность и робость, Макар подошёл к забору, чтобы ближе разглядеть гостя. Раздался какой-то неясный звук, похожий на вздох, на какое-то звериное горловое урчание. Не разобрав слов, Макар наклонился чуть вперёд.

— Ничего не слышу, говори громче!

В ответ на его слова произошло то, что Макар долго ещё будет видеть ночных кошмарах, часто пересказывать другим, хотя сам одновременно верил и не верил в увиденное собственными глазами. Где-то на уровне талии, посередине этой фигуры, сквозь штакетины забора вдруг просочилось немного этого тёмного клубящегося тумана с тонкими извивающимися нитями внутри. И этот туман вдруг внезапно сгустился, лёг на штакетины забора, тёмными мёртвыми руками обхватил деревянные дощечки. Снова гнетущую тишину нарушил вздох, утробный, уставший, зловещий, совершенно не похожий на вздох человека, с каким-то таким гудением и шёпотом.

Макар застыл, ноги словно корнями вросли в землю. Крепко сжал руками, собранное в огороде, горло перехватил ужас, не давая вымолвить ни звука. Смотрел во все глаза и не верил, видел и отказывался понимать. Неведомо сколько секунд длился этот ступор, но мёртвые руки продолжали сжимать штакетник забора. Макар сорвался с места и опрометью рванул в дом, едва не сшибя двери, ворвался в комнату.

— Они там!!!

Все присутствующие одновременно обернулись на вошедшего, недоуменно уставившись на его побелевшее лицо.

—Кто? – спросил кто-то, нарушив и без того напряжённую обстановку.

— Мёртвые…

***

Прошла неделя. Сильно изменилась за это время жизнь деревенских. После захода солнца все старались сидеть по домам, если не успел домой – ночуешь у соседа, детей не отпускали гулять со двора. Всю неделю ходили к Макару люди посмотреть на его забор. Своими глазами увидеть то место, где он увидел мёртвые руки. Светлые лакированные доски забора в том месте покрылись глубоким слоем тёмной плесени, которая была расположена горизонтальными полосочками, очевидно, следами от пальцев. Физическое доказательство реальности произошедшего, что не с пьяных глаз Макару тогда это показалось.

Страх и зловещее напряжение повисли в воздухе над Потерянным Раем. В сумерках, выглянув в окно, можно рассмотреть на улице неясные тёмные силуэты. Сам собой включался в доме телевизор, транслируя всё тот же «белый шум» с мелькающими неясными картинками и шёпотом, слышащимся в монотонном шипении помех. Телик выключили из розетки и накрыли на всякий случай одеялом. Страшные сны в тех или иных вариациях повторялись у всех взрослых жителей деревни, в основном у выпивающих. Многие из них вели себя странно. Бывало придёшь к соседу, а он сидит во дворе на лавке и смотрит перед собой в одну точку, крутит головой, будто видит кого-то невидимого, шёпотом что-то говорит. Иногда после таких разговоров, как под гипнозом, творят какую-нибудь нелепицу, а потом не могут вспомнить, чьих это рук дело. Шурик так испачкал сажей выстиранные простыни, что сохли на верёвке во дворе. Ох и получил потом он за это от жены.

— Не помнит он, видите ли, окаянный. – причитала Мария. – Совсем мозги свои пропил.

На следующий день Шурик исчез. Солнце уже шло к закату, но ещё было светло. Мария заглянула к Макару.

— Не видал моего муженька? С утра куда-то делся.

— Нет, не видал. Давай в магазин сходим спросим.

В магазине продавщица вспомнила, что продала ему водку и консервы, куда ушёл – не видела. Ещё кто-то видел, как он шёл по дороге, вроде бы в сторону леса, с сумкой в руках. Макар и ещё несколько человек, не долго думая, сразу пошли на поляну. Надо успеть вернуться до наступления темноты.

Внутреннее чутьё не обмануло пришедших. Шурик был на поляне. Мёртвый. Он лежал на спине и смотрел в небо, рядом была бутылка водки, несколько рюмок, открытые консервы, вилка, хлеб. На лице умершего была смесь ужаса и раскаяния. Подхватив на руки тело, мужики понесли его в деревню. Нервно бросали взгляды

сквозь лес – не видно ли между стволов деревьев тёмных силуэтов. Надо же – убить человека днём, как такое возможно. Думалось, что только с сумерками наступает опасное время.

Это был шок и горе для всей деревни. Все любили весёлого, хозяйственного и отзывчивого Шурика. Долго обсуждали на похоронах и поминках его странное поведение в последнее время.

— Неужели это действительно они, мёртвые, его забрали? – предположила Мария, жена Шурика.

Думаю, что это возможно, - отозвался Макар. – И ведь не он один себя так странно ведёт. Получается, что многие из наших в опасности.

— Надо бы им всем к Марфе сходить. – подала голос Ярослава, жена Макара. – Может она спасёт их от этой напасти.

— Верное решение! – поддержали её присутствующие.

Мария покивала головой, заливаясь слезами, её-то мужу уже никто не поможет.

Собрав всех «странных» в деревне, пришли они к местной ведунье Марфе. Она поочерёдно сажала их перед собой за стол, жгла сухие травы, смотрела сквозь воду, зеркало, пристально всматривалась в глаза через пламя свечи, проносила её вокруг каждого «странного».

— Так и есть! Каждый из них в опасности! – вынесла свой вердикт Марфа. – Аура, защитная оболочка, у пьющих слабая, дырявая, совершенно не защищает от этого потустороннего мира, вот и видится им всякое. А тут ещё эта напасть – как будто дверь какая-то открылась на поляне после приземления той штуковины. Не может потрёпанная душа бороться, противостоять зову мёртвых.

В комнате повисла гнетущая тишина. Было слышно, как на улице кукарекал петух и раздражённо лаяла собака. Все потрясённо молчали, осмысливая информацию, озвученную знахаркой. Свежи были воспоминания с похорон Шурика, не старого ещё мужчины, полного сил, как наполнялась землёй могила, насыпаемая сверху лопатой.

— Так что же делать? Они тоже умрут? – наперебой загалдели присутствующие. – Ты можешь им как-то помочь, Марфушка?

Марфа молчала, пристально всматриваясь в «странных» гостей – мужчин и женщин, поголовно прикладывающихся к бутылке.

«Как же их укрепить? Как защитить от нечисти?» - метались мысли в голове ведуньи.

— Думаю, надо идти к батюшке, в церковь, причаститься, покаяться, молиться каждый день. И самое главное – бросать бухать!!! Это основная проблема. Если переборите себя, то церковь и истинная вера в Бога помогут всем спастись. Не справитесь – пропадёте! – озвучила свой рецепт Марфа. – Напитайтесь верой, и она заштопает все дыры в душе, научит её бороться.

Толпа одобрительно загудела. Присутствующие полностью согласились с мнением Марфы и, обретя надежду, цель, которую надо во что бы то ни стало достичь, щедро поблагодарив, ушли.

***

Но на деле не всё так просто оказалось. С трудом учились дома молитвы, церковь стала наполняться «странными», которых приводили непьющие родные, постепенно приучая их к духовному труду, воцерковлённости.

Службы шли через день, а не только по воскресеньям. Но … водка!!! Не так легко быстро и полностью отказаться от неё зависимому человеку. На какие только ухищрения не шли, чтобы «ещё по чуть-чуть». И ведь даже страх смерти не пугал!!! Двое умерло, через десять дней ещё трое. Все бухали ночью на поляне, а утром их находили мёртвыми. Слёзы, похороны и поминки – гнетущая атмосфера всё нарастала в деревне. Все прилагаемые усилия не давали видимых результатов.

Семью Олега и Зины тоже не обошла беда выпивки и «странного» поведения. Обычная комната в деревенском доме, скромная обстановка, за столом сидят двое. Полумрак в помещении, за небольшим окном деревянного дома садится солнце, сгущаются сумерки. На столе бутылка водки и рюмка, нехитрая закуска. Олег сидит сгорбившись, обхватив руками лохматую голову, в которой уже появилась ранняя, не по возрасту, седина. Тишина. Слышно, как на стене тикают старые часы с маятником. Напряжение, непонимание происходящего, обречённость и безвыходность ситуации нервным клубком повисли в сумерках комнаты.

Осунувшееся лицо, впалые глаза говорили о многодневном пребывании в стрессе и сильных душевных переживаниях. Зина сидела напротив, всматривалась в до боли знакомые черты и не узнавала родного ей человека. Силилась понять те метаморфозы, что происходили с его замутнённым алкоголем сознанием, что снится ему ночью и что он видит днём в те моменты, когда так странно себя ведёт. Неужели он может в какой-то момент вот так вот уйти в мир мёртвых? Неужто это возможно и можно ли этого избежать? Как бороться с этой напастью или может просто уйти вместе с ним? Если бороться, то как, если Олег никак не может расстаться с бутылкой? А если вдруг стать трезвенником, то даёт ли это стопроцентную гарантию или же печать зависимости остаётся в человеке навсегда?

Частое и долгое пребывание в алкогольном беспамятстве изъедает душу, делая её слабой, беззащитной, расширяет сознание и позволяет вливаться в него всякого рода сущностям, невидимым созданиям из неких параллельных миров. Не зря же говорят «напился до чёртиков» - пьяные видят то, чего никогда бы не увидели трезвые. Не устоять такой душе перед натиском параллельного мира, в которых вдруг открылась прореха в нашем лесу.

— Олег! Что с тобой происходит? – Зина с болью в сердце смотрела на мужа, не зная, чем помочь. – Расскажи, что тебе снится?

Мужчина повёл головой, запуская пальцы во всклокоченные волосы, в ещё больший хаос приводя шевелюру, тяжело вздохнул.

— Да что снится? То же, что и всем. Сны у всех почти одинаковые, как в страшном кино, ей Богу.

— А днём? Что ты видишь днём, когда так странно себя ведёшь? – не унималась Зина.

Олег долго молчал. Сосредоточенно вспоминал что-то, вроде делая попытки начать свой рассказ, но потом останавливался, не находя, видать, нужных слов. Обессиленно уронил небритое лицо на ладони рук, упирающихся локтями в стол.

— Не знаю, как описать… - начал он свой рассказ. – Сижу, бывало, во дворе. Вижу, как в воздухе начинает что-то мелькать, как светлячки, только те видны ночью, а эти днём. Сам воздух становится, как над костром – шевелится. Потом он вдруг уплотняется и виден совершенно прозрачный силуэт человека, умершего. Но он не тёмный, а бесцветный и прозрачный.

Он говорит со мной, начинает вспоминать, что было в прошлом, как я его обидел. И теперешнюю мою жизнь знает, уже после его смерти. Всё кости мне моет. А я не могу игнорировать – где-то извиняюсь, где-то оправдываюсь, а где-то и грублю: «Не твоё это дело, проваливай!». А потом что-то случается, и я ничего не помню, когда прихожу в себя, то вижу результат – уже что-то натворил. Зачем несколько кур убил – до сих пор не знаю. Ну стал бы я – сама подумай.

— Вот оно как. – поразилась Зина. – Значит ты сосредотачиваешься на чём-то странном и удивительном в самом начале, а потом всё, уже не можешь отказаться от дальнейшего общения.

— Да! Это настолько мучает меня, изводит, как выжатый лимон после этого. – подтвердил Олег.

Долго ещё разговаривали супруги, обсуждали варианты выхода из небезопасной ситуации, вспоминали и ужасались всему тому, что слышали они о происходя-

щем в лесу и деревне.

***

— Может попросить отца Никона освятить поляну, и эта чёртова «дверь» закроется? – предложил как-то Макар.

Слава Богу он пока не пополнил ряды «странных», хотя от спиртного пока отказаться не смог – водку заменил пивом.

— И то верно. – согласилась Ярослава. – Завтра на службе попрошу об этом батюшку.

Отец Никон внимательно выслушал просьбу, попросил времени несколько дней: книги почитать, молитвы новые выучить, утварь необходимую подготовить. Дело сложное. Поляна, по его мнению, - место силы нечистого, которого изгнать необходимо.

В назначенный день отец Никон и ещё несколько деревенских из непьющих к полудню пришли на поляну. Выстроились в круг и пошли по часовой стрелке. Батюшка во главе процессии читал молитвы, ритмично махал дымящим кадилом, кропил пространство святой водой. Все шедшие за ним читали вполголоса «Отче наш», «Покрова» и «Да воскреснет Бог», крестились и кланялись. В руках держали зажжённые церковные свечи. Шло время, ничего не происходило. Монотонность молитв, запах воска и свет свечей, однообразие и ритмичность движений проводимого ритуала – всё это гипнотизировало, убаюкивало, расширяло сознание, открывало его для тех страшных сил, что обитали здесь.

Никто не заметил, как в центре поляны появилась первая туманная тёмная фигура, потом ещё несколько – умершие родственники, друзья, соседи присутствующих на поляне живых.

— Да приидет Царствие Твое… - читал отец Никон и запнулся.

Повернув голову к центру поляны, он увидел тёмные туманные фигуры. Одна из них быстро приблизилась к нему и резко сгустилась, уплотнилась, приняла очертания, как тогда, в случае с Макаром, когда он увидел мёртвые руки, обхватившие штакетник забора. Процессия остановилась. Все смотрели в центр поляны, узнавали своих усопших в тёмных фигурах. Вздохи ужаса сменили молитвы, ладони закрывали лицо, инстинктивно защищаясь от этого мрака, с которым они столкнулись вот так вот, днём, лицом к лицу. Поляна! Это территория мёртвых, это их место теперь, как и кладбище. Поэтому они могут появляться тут днём и зовут к себе тех «странных» живых, чтобы те помянули их – выпили и закусили на поляне, поговорили с ними, вспомнили обо всём, что было, о неприятном, о душевной боли и несправедливости! А так как пришедшие были нетрезвыми, то мёртвые их просто забрали с собой. Как это происходит никто пока не видел.

— Валя? – оцепенело прошептал Никон, не веря своим глазам. – Этого просто не может быть!!!

Мёртвая жена священника стояла перед ним и на лице её плескалась смесь любви, печали, умиления и тоски по любимому супругу.

— Пошли со мной. – услышал Никон её голос, чуть хриплый, но всё тот же родной. – Мы должны быть вместе.

Все остальные так же что-то слышали, что-то говорили в ответ, холодный пот непередаваемого ужаса стекал вдоль позвоночника. Неизвестно, закончилось бы это церковное действо очередной трагедией, новой потерей местных жителей, если бы кто-то не опомнился и не крикнул.

— Бежим!!!

Грубо растолкал всех присутствующих, сбивая с них гипноз и наваждение этого страшного места. Быстро придя в себя, люди с криками и молитвами побежали обратно в деревню, в церковь. Солнце садилось, хоть ещё и не успело стемнеть, но под впечатлением от всего увиденного, участники событий решили эту ночь провести в церкви.

***

Мёртвые помнят и умеют ждать. Уж чего-чего, а времени просто масса у тех, кто уже познал вечность. Кто бы мог предположить, предусмотреть такое невероятное событие, как посадка НЛО. Что нечто не с нашей планеты может нарушить эту грань между параллельными планами бытия, прорвать разрушительную брешь в мир мёртвых. И теперь мёртвые пришли взять своё, спросить за все обиды и несправедливости. А может просто скучают по своим и не хотят больше ждать, блюсти этот закон причины и следствия, выжидать положенный срок, отведённый ныне живущим до того момента, как и им придётся перешагнуть черту в неизведанное.

В ночь после того, как батюшка проводил ритуал чистки на поляне, практически всем жителям деревни снились кошмары. Все проснулись утром со странным, тянущим под ложечкой предчувствием чего-то страшного и неизбежного, что должно произойти вот-вот, в самое ближайшее время. Что-то такое, что сложно, практически не возможно предотвратить. Тяжёлое чувство обречённости тёмным грозовым облаком нависло над Потерянным Раем.

Позавтракав, жители занялись работой и бытовыми делами, стараясь приглядывать друг за дружкой на случай каких-либо странностей, необъяснимостей, которые могли бы привести к беде. Но внешне всё казалось хорошо, буднично и естественно. Подспудное чувство тревоги не покидало, хоть и заглушалось немного привычным ритмом жизни, днём, когда солнечный свет разгоняет все страхи и рассеивает ночные кошмары.

Жители деревни со «странным» поведением с самого утра чувствовали внутри себя зов – пойти в лес. Не сговариваясь друг с другом, прихватив бутылку спиртного, исхитрились совершенно незаметно улизнуть из деревни. С обеда и до самого заката сидели они на поляне и пили. Как только стало темнеть, их родные, не найдя их дома или у соседей, заподозрили неладное и устремились в лес, на поляну. Хотели взять с собой батюшку, но после встречи с покойной женой, тот наотрез отказался.

В лучах заходящего солнца, пробивающегося сквозь кроны деревьев, пришедшим предстала следующая картина. На поляне сидели их «странные» родные и соседи, пили и закусывали, о чём-то разговаривали, странно жестикулируя лицом и руками. Иногда громко выкрикивали что-то бессвязное. В закатном свете вдруг стало заметно, как из леса, просачиваясь между стволов деревьев, со стороны кладбища к поляне потянулись тонкие тёмные нити, на поляне они скатывались в туманные тёмные силуэты, а потом уплотнялись, густели, приобретая очертания кого-то конкретного, умершего в этой деревне. И он сразу же направлялся к живым, пьющим на поляне. Та трезвая и «нормальная» часть деревни, что пришла в поисках близких, хором ахнула, в ужасе прикрывая лица ладонями, округляя глаза, не веря в увиденное. Толпа оцепенела, застыла на одном месте, просто не зная, что делать, настолько сюрреалистичная предстала перед ними картина.

Мёртвые хватали «странных» руками за голову и присасывались каким-то жутким поцелуем к их губам, было видно, как из рта живых выходило что-то светлое и сверкающее, какая-то дымка, газ, и поглощалась, втягивалась ртом мертвеца.

— Уводите их отсюда!!! – крикнул кто-то из толпы.

Кто успел опомниться, бежал к центру поляны, хватал своего «странного» родственника и пытался оттащить его оттуда. Но всё происходило настолько стремительно, что уже практически ничего нельзя было сделать – «странные» умерли все. Спиртное, выпитое в большом количестве в этом страшном месте, полностью разрушило защитные силы организма, убрало духовный стержень, который бы позволил сопротивляться не только желанию выпить, но и противиться этому инфернальному зову мёртвых.

Поляна наполнилась криками и громким плачем. Все «странные» умерли на глазах у своих родных, у них на руках, когда те тщетно пытались увести их из этого гиблого леса. Завершив задуманное, мёртвые отступили назад, скрылись за стволами

деревьев, растворились в сгущающейся темноте.

***

Минуло две недели с тех жутких событий. Прошли похороны, на которых не было выпито ни капли спиртного. Чёрная вуаль траура накрыла Потерянный Рай. Царившие в нём страх, напряжение и непонимание происходящего усилились в сотни раз. Что же будет дальше? Тронут ли нас мёртвые, если мы не будем пить? Или же в какой-то момент мы сами, даже не притрагиваясь к спиртному, вдруг станем странно себя вести – разговаривать сами с собой, смотреть в одну точку, совершать неадекватные поступки, а потом совершенно не помнить об этом. И не будет уже рядом того, кто бы присмотрел за тобой, попытался защитить. Продолжат ли мёртвые свою страшную жатву, осилят ли непьющих или же только выпивающие были им подвластны.

В деревню приезжала милиция и следственная группа. Массовая смерть на поляне наделала много шумихи, но криминала в этом найдено не было – всё списали на слабое здоровье и большое количество выпитого за один день.

Оставшиеся жители деревни решили не испытывать судьбу. Прошло время, и они все переехали в посёлок городского типа в соседнем районе. Держались вместе, всячески поддерживая друг друга, они устраивали свою жизнь на новом месте. Молитвами и поминками вспоминали своих умерших близких. Но иногда страшные сны всё же заставляли с криком вздрагивать по ночам. Снились им улицы родной деревни, опустевшие и заросшие бурьяном, по которым плавно плыли, не касаясь земли, тёмные туманные фигуры. В закатных сумерках они клубились и уплотнялись, принимая узнаваемую форму умершего. Были среди них и лица тех, кто умер там, в лесу на поляне. Но… не находили здесь больше живых. На утро жители делились друг с другом увиденным.

— Всё-таки правильно мы сделали, что сбежали. – говорили одни.

— Надеюсь, что здесь они нас не достанут. – вторили им другие.

— Надо нам присматривать друг за другом и обязательно рассказать, если вдруг кому-то захочется выпить. – сказал Макар.

Все присутствующие переглянулись. Напряжённая тишина повисла в воздухе.

Отец

Валерий Неудахин

Старый алтаец сидел на камне. Сторона солнечная, время подходило к обеду. Несмотря на прохладный ветер, что веял по долине, шершавая поверхность нагрелась, и было комфортно и спокойно. Здесь, в альпийских лугах много необычного: к солнцу близко, но холодно, снега много - да поверхность гор прогревается в момент. Камень вообще быстро набирает тепло и остывает так же скоро. Нужно поймать время, чтобы согреть тело в эти короткие промежутки. Он внимательно наблюдал за далекой точкой, что появилась на склоне от перевала. Но это для чужого в горах – точка, Мерген (меткий, ловкий) и на таком расстоянии видел человека. Зрение даже в этом возрасте не подводило его, многим молодым фору даст.

Пеший спускался в долину. Незнакомец шел ходко, делая большие шаги и привычно ставя ногу на пятку с перекатом нагрузки на всю ступню. Но заметно, что прихрамывал на правую ногу, видимо, повреждена. Странно.

- Часа два пройдет, прежде чем доберется до места, - подумал старик. За это время будет переделано немало дел. В горах на стойбище всегда есть чем заняться.

И, почерпнув воды, поставил котелок на огонь. Главное правило гостеприимства – напоить пришедшего горячим чаем. Старика давно никто не посещал и услышать человеческую речь для него являлось подарком судьбы. Не так часто появля-

ются среди громад скал и бескрайности лугов идущие по своим делам. С ними всегда приятнее беседа. Люди по-особенному открываются здесь в горах и рассказывают о себе правду. Видимо, понимают, что после расставания маленькие тайны остаются с собеседником и на его совести поведать ли их еще кому. Как в поезде попутчик откроет все сокровенное и уйдет на очередной станции в стылый дождь или в раскаленное марево полдня.

Мерген поднялся и, прихрамывая, направился в аил, болела правая нога на непогоду, после ранения. От полученных увечий на фронте подчистую был списан и отправлен из госпиталя домой. С тех пор и носит боль в теле до сего дня. Вон уж, сколько лет минуло, а напоминает о себе. Тогда в госпитале думал, что не выживет, но все время вспоминал слова отца о том, что в человеческой судьбе после самой темной и черной ночи всегда должно приходить светлое утро. Ожидание помогло увидеть новый день. Мерген сделал этот шаг из глубокого горячего забытья и боли в мир госпитальной палаты, где окна были прикрыты короткими белыми занавесками.

Сегодня больших дел нет, день посвящен рутинной работе по хозяйству. Она выматывает эта мелочевка, кажется, сделал всего ничего, а день пролетел. Но он привык к такому времяпровождению: что еще делать старому скотоводу высоко в лугах, где и словом перекинуться не с кем. Только и собеседников, что горы, ветер, вершины да вода. Изредка сурок появится из норы, просвистит на своем зверином языке и исчезнет в траве по неотложным делам.

Ему же все грезится давно прошедшая война. Хорошо, если днем, а ночью зубы скрипят, стираясь от боли до корней. Сегодня вновь ходил в атаку. В ту, после которой и оказался в госпитале с тяжелым ранением, что определило всю дальнейшую жизнь. Они тогда взяли языка, все складывалось удачно до того момента, как добрались до своих окопов. Начался обстрел, Мерген еле перетолкнул здорового тяжелого немца через бруствер в окоп, прикрыв его своим телом, и получил несколько осколков в спину. Последней мыслью было: «Как неудачно, что в спину. Будут говорить, бежал от боя». Провалился в черную тягучую пустоту и пришел в себя спустя два месяца в тылу.

После долгого лечения вернулся в родное село. Худой, как свечка, от любого неловкого движения готовый погаснуть навсегда. Только помогли подняться и ожить горы и воздух, реки и озера, деревья и растения. Мать была удивительной травницей и большой души человек. Половину боли взяла на себя и ценой умирающего сердца подняла сына. Его-то подняла, а сама угасла, едва встретив весть о победе. Это он понял гораздо позже, когда и сам стал лечить людей, которые обращались к нему с просьбами.

В один из дней, почувствовал, что видит человека изнутри. Все его болезни и недостатки.

Словно духи ему подсказывали, что нужно разглядеть и сделать для того, чтобы помочь. Надо уметь видеть духов и общаться с ними, он стал прислушиваться к ним. А они ему давали предупреждения, что являются пробуждающим знаком. Это сила жизни, пытающаяся привлечь внимание к чему-то, что может стать причиной неприятностей. Но большинство людей не прислушиваются к ней. Ему это дано, и он слушал жизнь, совершая поступки, которые ему подсказывали предки.

Старик принялся за ремонт упряжи. Несложное занятие, но вблизи видел плохо и, орудуя шилом, то и дело накалывал себе пальцы. Седло и сбрую не доверял никому. Только своими руками выполнял простые операции, но затягивал каждый стежок намертво, любовно пробуя пальцами, чтобы не оставалось бугорков от узлов. Казалось, ну и что, немного узелок выступает? А коню он с каждым километром шкуру трет и отдает болью. Уж Мерген знает про боль много, испытал ее на своем теле.

Пришелец прошагал большую часть пути. Странность его движений поражала необычностью, человек то и дело останавливался, нагибался и что-то поднимал с

земли. Вскоре и это перестало удивлять старика, он признал в приближающемся седого геолога, работающего в партии, которая приезжала каждое лето и становилась недалеко от села. Они ходили по горам и находили полезные ископаемые, а вернее следы, говорящие о присутствии минералов. Раньше не доводилось встречаться с этим интеллигентным на вид человеком. Тем интереснее будет встреча и беседа.

Вскоре они пересеклись взглядами и пожелали друг другу удачного дня и здоровья. Пожилой геолог с удовольствием попил предложенной воды, и пока старик занялся чаем, принялся набивать трубку. Спросил разрешения прикурить от костра. Законы гор и обычаи местные знает. Мерген отметил для себя добротную обувь, в горах это в-первую очередь необходимо, легкую, н теплую одежду, нужное снаряжение. Неожиданно для себя засуетился, предлагая чай: время обеденное и стало непонятно, какой предложить. Белый или черный? У алтайцев с утра пьют забеленный молоком, нельзя предлагать черный – день испортишь. Только – белый. Видимо и эта традиция была знакома ученому человеку. Разговорились. Беседа пошла без раскачки, словно они были знакомы многие годы.

Геолог рассказал, что воевал и ранен. А по тяжелому ранению списан и для восстановления здоровья начал разъезжать по геологическим партиям. Они уже и впрямь оказались как братья и без утайки доверяли друг другу те воспоминания, которыми давно не делились с людьми. Мерген так и не женился после войны, а вот собеседник соединил жизнь со всей однокурсницей, молоденькой девочкой, которая не побоялась выйти за фронтовика израненного душой и телом. Трое детей обрадовали землю появлением на свет. Сейчас уже взрослые, устраивают жизнь. А они с женой разъезжают по геологическим партиям, как-то скрашивая свое одиночество. Шумно в доме только тогда, когда приезжают внуки.

- А у тебя жена, дети есть? – спросил геолог.

- Жены нет, однако. А детей?... - и старик задумался. Помолчав немного, принялся вспоминать.

- После госпиталя, когда вернулся, совсем доходягой был. Бабы смеялись вслед, мол, как с ним переспать-то? Умрет и дела не закончит, которое начал. Не со зла, конечно, смеялись, жалели. От безысходности этой и шутили. Многие женщины остались одинокими. С фронта только похоронку и дождались, ни детей, ни мужика. А женщине что в этой жизни нужно? Конечно, заботиться о ком-то: мужик ли, ребенок. А тут выкосила война сильный-то пол, бабы за них всю работу в колхозе делали. Уставали до смерти. А нутро, душа, значит, все одно просит заботиться о близком человеке. Как быть, коль нет этих близких?

Когда здоровьем поправился, начал табуны водить в луга альпийские, целое лето проводил высоко, близко к вершинам. Изредка председатель посылал когонибудь с продуктами. Привезут, переночуют и в обратный путь. Приехала в один вечер соседка Карлагаш, ласточка значит. Поужинали, спать легли. А ночь выдалась такая!.. Весь Млечный путь виден, в глубину и вдоль всего горизонта. Звезды падают с неба на землю, догоняя одна другую. Прямо игрище устроили, исполосовали весь небосклон белыми черточками. Костер погасил и сидел в темноте, боясь дыханием спугнуть эту красоту и необычность. Только услышал рядом с ухом горячее дыхание. Повернул голову… глаза в половину Луны. И шепчет:

- Возьми меня, Мерген. Мальчика родить хочу, помощник нужен в хозяйстве. Похоронка на мужа пришла, а жить- то надо. Ничего мне не нужно, сама подниму. Да без семени никак не растет дерево, белка детенышей не родит.

Под утро очнулся от жаркого дурмана. На коня подсадил ее, а она:

- Не жалей ни о чем, спасибо! Обязательно понесу от тебя, а знать никто не будет.

Через месяц приехала еще одна вдова. И слезно просила об этом. Помог и ей. Скоро стали к нему заезжать солдатки, и все с одной просьбой. А он и сам не знал тогда, сколько проживет на этом свете и помогал по мере возможностей и доброты

характера. Пусть родятся дети, кому-то нужно будет страну из разрухи поднимать. Не обижайтесь, мужики, глядя на это с небес.

Начали бабы рожать одна за другой. Все детки, на удивление, крепки здоровьем и к жизни приспособлены. Никто из бабенок не говорит, откуда «ветром надуло», хотя все вроде догадываются. Одно негоже. Как жениться, коли все село в родственниках ходит. А со стороны привези невесту, в один момент обозначат нравственные ориентиры. Так и упустил время – остался холостяком. Одно радует - дети подросли, многие уже и сами семьями обзавелись. Невест везли со всей краинки, женихи оставались в селе. Колхоз знатно прибыл населением. Как бабы умудрялись объясняться, чтобы кровосмешения не было?!

Одним словом в «одиночку» поднял село. Так и получается – не женат, а детей много.

Геолог молча слушал и кивал головой, толи одобряя, толи умиляясь этой дивной истории. Наконец последний раз выбил пепел из трубки о полено у костра, знает все же обычаи наши, и засобирался в путь.

Переночевать не остался, упирая на то, что будут ждать и беспокоиться. А до темноты еще время есть, доберется.

Обнялись, словно знакомы много лет. Один направился вниз в долину, а другой стоял возле костра, наблюдая за уходящим. У каждого своя судьба, с особенным переломным моментом. И обоим дала счастье существования и продолжения рода.

Мерген с удивлением качал головой – даже госпиталь им достался один и тот же. Только лежали в разное время.

Ночью быть дождю. Старик занялся приготовлением ужина. Много ли ему надо в этом мире?!

Арбуз

Дмитрий Копьёв

Мама поручила Коле, своему десятилетнему сыну, сходить в магазин и купить арбуз. Повод был как нельзя кстати. Настала осень. Жёлтые и рыжие листья усыпали тротуары и дворы, всюду яркими пятнами краснели гроздья рябины, морозный, с сладковато-горьким привкусом воздух сделался прозрачен, пространство раздвинулось, и все предметы и люди вокруг стали будто невесомы. Ожидание скорых холодов заставляло быть серьёзнее и заботливо-сосредоточеннее, и потому арбуз, как символ чего-то яркого и беззаботного, вполне подходил для того, чтобы в село попрощаться с летом…

Николай взял деньги и авоську, и направился в овощной магазин. Мама знала, что не только можно, но даже должно доверять выбор арбузов сыну, потому как у него был дар: он всегда угадывал, какой арбуз будет красным и сладким и никогда не ошибался. Чутьё у него было такое, особенное. Вот и теперь, Николай, после некоторых раздумий, выбрал один, самый большой арбуз из всех, какие только были в корзине, не меньше, наверное, пяти кило весу, так что продавщица посоветовала нести осторожно этакий тяжеленный арбузище, на что Колька ответил: «Ничего!..» и гордо зашагал домой...

Взойдя во двор, уже возле самого подъезда Колька нос к носу столкнулся с Клавой, которая жила в соседнем подъезде и была соучастницей в дворовых играх, а если выразиться точнее, заводилой всех этих игр. Она была на целый год старше, училась на четвёрки и, порою, даже на пятёрки, и была по этой причине значительно умнее и решительнее Кольки, равно как и его друга Мишки.

- Привет, Колька! – сказала Клава и с ходу взяла быка за рога. – Арбуз ку-

пил? Здоровый!

- Привет! – отозвался Николай. – Купил. Здоровый.

- Домой несёшь?

- Домой.

- Донесёшь?

- Донесу… А что?

- Да это я так, - сказала Клава. – Давно арбуза не пробовала.

- Я тоже.

- А спорим, я смогу одна съесть весь этот арбуз, а ты не сможешь!

- Нормально, - удивился Колька. – Да я и не собираюсь есть его один!

- Да ты не понял! - горячо воскликнула Клава, - Я-то смогу! Веришь?! На спор!

- Зачем мне спорить! - отозвался Колька. - Делать больше нечего…

Тут из подъезда вышел Мишка.

- Мишка! – закричала Клава. – Давай на спор. Вот он не верит, что я одна этот арбуз слопать могу. В один присест.

Мишка подошёл.

- Не понял, - сказал он. – Вы это о чём?

- Я говорю, что съем арбуз, а он говорит – что нет!

- Ничего я не говорю! – запротестовал Колька. – Врёт она всё! Я домой арбуз несу.

- Жадина, что ли? – сделала ход конём Клава. – Так и знала!

- Ха-ха-ха! – засмеялся Мишка.

- Кто жадина?... Я!? – возмутился Николай.

- А кто ещё!

- Ничего я не жадина!

- А чего тогда!

- Ничего!

- Ну и нечего!

- Чего нечего?

- Ничего нечего!

- Да я и ничего!

- Вот и нечего ничего, раз ты ничего!

- Да сама ты – ничего!

- Я-то как раз чего! Это ты – ничего-нечего! Понял!

- Я?!.. Я!... Да я…

- Да хватит вам! – не выдержал Мишка. – Давайте уже по делу.

- Действительно, - сказала Клава. – Нашли о чём спорить!

- Да кто нашёл-то! Ничего я не искал!

- Всё, - оборвала Клава. – Стойте здесь. Никуда не уходите. Я за инструментом.

И убежала.

- За каким инструментом? – запоздало спросил Колька.

Мишка пожал плечами.

- Так что, ждать её будем?

- Подождём, чего уж.

- Меня дома ждут, - сказал Николай.

- Кстати, - невпопад ответил Мишка, - Из половинки арбуза можно сделать отличный кораблик… А из двух половинок – два. Мачту воткнуть и парус… Хотя бы из газеты. Нормально выйдет…

- Какие кораблики? – спросил Колька. - Детский сад, что ли?

- Да нет, - ответил Мишка, - прикольно просто…

Тут вернулась Клава. Она запыхалась, и в руках у неё был пластиковый резак с тонким стальным лезвием и большая столовая ложка.

- Вот, - сказала она. - Резак. Ничего, пойдёт. Картон режет, как миленький.

- А ложка зачем? – спросил Мишка.

- А чем есть-то? Думал?

- Нормально, - удивился Колька. – Ложкой – арбуз!

- Другого выхода нет, - заверила Клава, - Щас, на две половинки его разрежем, а больше не получится… Остальное я вычерпаю.

- Отлично! – обрадовался Мишка. – Вот тебе и два кораблика! Запустим плавать!

- Да вы чего! – возмутился, наконец, Колька. – Без меня решили!

- Куда мы без тебя! - воскликнула Клава. – Давай сюда!

Она забрала из рук Николая авоську, достала арбуз, затем присела на краешек скамеечки, водрузила арбуз себе на колени и надрезала лезвием твёрдую зелёную корку.

- Ровнее веди, - посоветовал Мишка. – Кораблики не попорть.

- Помог бы лучше, - с сопением возразила Клава. - Советчик, тоже…

Мишка забрал у неё резак и дело пошло быстрее. Корка была надрезана, осталось разломить арбуз. Мишка подцепил место разреза пальцами, поднапрягся, лицо его покраснело, арбуз затрещал и - развалился на две половинки.

- Ба! – в восторге воскликнула Клава. – Красный какой!

- У меня все такие, - угрюмо констатировал Колька.

- Приступай, - сказал Мишка.

Клава вооружилась ложкой и принялась за дело. Она черпала сочную алую мякоть и отправляла в рот, не забывая выплёвывать семечки. На лице её сияла улыбка блаженства. Колька и Мишка молча наблюдали за процессом.

- Нет, - оценила Клава, выплёвывая очередную порцию семечек. – Что ни говори, Колька молодец. Такой арбуз выбрал!

- На здоровье, - откликнулся Николай.

- Не отвлекайся, - заметил Мишка. – Это только начало.

- Не завидуй, - сказала Клава.

- Дождёмся итога, тогда посмотрим, кто кому завидовать станет!

- Дождёмся!

С первой половинкой арбуза покончено было, впрочем, довольно скоро. Клава отложила сделавшуюся похожей на чашу корку в сторону, вытерла рукавом губы и объявила:

- Я сейчас.

И убежала.

Мишка повертел корку в руках и определил:

- Классный кораблик выйдет. Надо щепку найти для мачты.

Пока они вместе занимались поисками щепки, возвратилась Клава и сказала:

- Ну, продолжим!

Со второй половинкой дело пошло медленнее. Клава часто останавливалась, шумно выдыхала воздух и говорила:

- Никогда таких вкусных арбузов не пробовала! Молодец, Колька!

Или:

- Полезная вещь, ничего не скажешь!...

- Ты комментируй по делу, - высказал пожелание Мишка. – Как процесс вообще идёт… Утрамбовывается? Не то мы за тебя беспокоимся.

- Не беспокойтесь, - заверила Клава, - Процесс идёт как надо. Всё утрамбуется. Рекорд будет поставлен.

Лицо претендентки на рекорд округлилось и увлажнилось, однако улыбка сделалась менее лучезарной.

- Передохни, - пожалел её Мишка. – Некуда спешить…

Клава передохнула.

Николай молча наблюдал за происходящим, мысленно ища выхода из создавшейся ситуации.

Мишка нашёл пару щепок и сбегал домой за газетами.

Клава передохнула ещё раз.

Наконец, с арбузом было покончено.

Клава деревянно сидела на скамейке и беззвучно шевелила губами.

Мишка воткнул щепки с газетными парусами в арбузные чашки и, явно довольный своей работой, сказал:

- Ничего себе получились кораблики, правда?

- Нормально, - махнул рукой Колька.

- Ничего себе, - стараясь не расплёскивать слова, - согласилась Клава.

- Айдате, запустим!

- Без меня, - прошептала Клава, - Я вас здесь подожду.

- Ну, как хочешь.

Мишка с Колей отправились на речку. Первый кораблик оказался неустойчивым и быстро перевернулся, зато второй вполне себе уверенно держался на воде. Ребята следовали за ним сколько позволял берег, пока не упёрлись в прибрежные заросли. Арбузный кораблик, покачиваясь, уплыл в неизведанную даль…

- Представь, - сказал Мишка, - встретит его кто-то, вот удивится!

- Это что, - подхватил Коля. – Представь, сколько он сам, ну, в смысле, кораблик, увидит! Города, деревни, страны! Нам не увидать столько никогда!

- Чего это не увидать! – возразил Мишка. - Может, и увидать! Взрослыми станем, так и путешественниками заделаться можно.

Ребята приумолкли, мысленно представляя необъятные просторы Земли. Леса и поля, реки и горы, моря и океаны, города и страны, всё то, что можно будет увидеть собственными глазами, если только не сидеть дома…

… Когда они вернулись, Клава сидела как прежде, неподвижно.

- Ну, как ты? - спросил Мишка.

- Ничего… Как прошли испытания?

- Супер, - сказал Мишка, - Отличные ходовые качества.

- Что теперь делать будем? – после паузы спросила Клава.

- В каком смысле? – не понял Мишка.

- Как Колькиным родителям отвечать, куда арбуз делся.

- Спасибо, вспомнила, - вздохнул Колька.

- Да чего тут думать, - посоветовал Мишка, - Шёл по дороге, бац, и упал. Арбуз – вдребезги!

- Не хочу я падать, - возразил Николай.

- Чудак, это ж я понарошке говорю!

- Нет, - сказала Клава, - Ни понарошке, никак по-другому врать никто не будет, ясно?... Или ты собираешься? Ну, иди, ври!...

- Да чего ты! - оскорбился Мишка. - Я же так просто… Не врать, так не врать…

- Вот и хорошо, - успокоилась Клава и обратилась к Кольке. - У тебя сколько денег осталось?

- Немножко осталось.

- На арбуз хватит?

- Навряд ли…

- Ничего, я добавлю, - пообещала Клава и повернулась к Мишке. - Просто арбуз купим, делов-то!

- Здорово! - засмеялся Мишка. - Арбуз купим! Чтоб ты его снова слопала? Мало одного?

Клава не удостоила его ответом.

- Идёмте! - просто сказала она.

Они отправились в магазин. Клава шагала медленно, стараясь не делать резких телодвижений, что дало повод Мишке блеснуть своим остроумием. Он, называл Клаву то подводной лодкой, то баржей СУХАРБУЗОМ и советовал сильнее загребать руками, отталкиваясь от воздуха. Клава слабо реагировала на колкости, и, в общем, они благополучно добрались. Денег хватило на небольшой арбуз, килограмма этак на два с половиной, не больше. Но и то было хорошо.

- Всё равно, враньё получается, - подытожил Мишка на обратном пути, - Арбуз-то не тот. Тот – в животе у этой красавицы.

- Молчи про живот! – пригрозила Клава. – И вообще, иди уже домой. Тебе пора.

- Вот те на! - удивился Мишка. - А вы куда?

Они стояли возле Колькиного подъезда.

- Пока, - сказала Клава и добавила, обращаясь к Николаю. – Идём.

И вошла в подъезд.

Колька послушно последовал за ней.

Мишка постоял на месте, подумал, и пошёл домой.

Клава с Николаем поднялись по лестнице.

- Звони, - сказала Клава.

Колька позвонил. Двери открыла мама.

- А! – обрадовалась она. – Ребята!.. Здравствуй, Клава. Чего вы так долго?

- Мы…- начал Колька.

- Здравствуйте, Татьяна Александровна, - перебила Клава.

- Николаевна, - подсказал Колька.

- А, да! - продолжала Клава. – Татьяна Николаевна. А мы с Колей купили аж целых два арбуза, одновременно, и один уже съели. Так что спасибо вам!

- Ну и на здоровье, что съели, - сказала мама, - Только мне-то за что спасибо?

- Вкусный был арбуз, правда? – толкнула Клава Кольку.

- Ага, - согласился тот, - Очень… В смысле, вкусный…

- Вот и хорошо, - похвалила мама. – Молодцы.

В это время появился Колин папа. Он поднимался по лестнице и в руках у него был огромный, огроменный просто, арбуз.

- Ой, - ойкнула Клава.

- Привет, ребятня! – воскликнул папа. – А вы чего на пороге стоите? Смотрите, какой я арбуз купил! Идёмте его есть!

- Н-нет.., спасибо, - выдавила из себя Клава, - Я домой пойду, пожалуй…

- А чего так? – спросил папа.

- Нет, правда… Мне давно… уже пора, - не сводя глаз с арбуза, убедительно проговорила Клава, - До свидания. Спасибо…

Она повернулась и стала медленно спускаться по лестнице, переваливаясь, как утка.

- Ну, как знаешь, - пожал плечами папа.

- Пока! – сказал Коля.

Клава вместо ответа помахала рукой.

- Ну что! - провозгласил папа, - Айдате арбуз есть. Арбузнём, так сказать!

- Арбузнём! – согласился Колька.

Скалолазка

Дмитрий Копьёв

Как-то Коля, Мишка и Клава путешествовали по стройке. Новый район был застроен многочисленными высокими домами, но заселён ещё не был, поскольку отделочные работы только начались.

Разгуливать по пустынным помещениям было чрезвычайно интересно. Можно было бесконечно фантазировать, какие здесь будут жить люди, как они будут ходить и бегать по комнатам, играть с детьми, петь, ссориться и мириться, готовить обеды, принимать гостей, слушать на ночь бабушкины сказки, пылесосить ковры и развешивать бельё на балконе, читать газеты и смотреть телевизор… Как они расставят мебель, какого цвета обои у них будут, какие цветы на окнах… Будут ли у них домашние животные, кошки и собаки, или дело обойдётся хомячками и попугайчиками...

- А вот здесь у меня будет диван, - сочиняла Клава, жестами очерчивая размеры дивана, здесь – стол, письменный, тут гардероб, платья повешу, а сюда – книжные полки… Здесь креслице такое, качалку, поставлю, раскачиваться буду… Эту всю стену постерами заклею, а на потолке разными красками нарисую…. Здорово, правда?

Расположение и количество комнат было разное, и тем интереснее было представлять различные сценарии будущей жизни неизвестных людей, которые, когда поселятся и обживутся здесь, так и не узнают что когда-то, давным-давно, их жизнь уже сочиняли и разыгрывали незнакомые им дети…

Они обошли весь дом, забрались на последний этаж и сверху посмотрели на то, в каком большом городе они живут. Сверху всё было видно – и речка, и лес, и дома, и улицы, и автомобили, и прохожие. И всё это выглядело с высоты совершенно по-новому. И дома, и речка, и автомобили, и люди, и шныряющие туда-сюда кошки и собаки, все были смешными и маленькими и – главное, вели себя совершенно беспечно, так, как будто они одни на этом свете, независимые и самостоятельные, и могут делать то, что только взбредёт им в голову, и не подозревали, наивные, что за ними всеми с огромной-преогромной высоты наблюдают три пары любопытных глаз …

- Какие они маленькие…- засмеялась Клава. - И как будто понарошку, все такие ненастоящие, кукольные…. Смотреть смешно….

- Да, отсюда мы - великаны, – согласился Колька. – И всё на свете видим. И знаем обо всём на свете. Вообще, отсюда - всё - совсем другое. И мы тоже – другие! Правда?...

- Вот, спустимся вниз, и станем такими же, - сказал Мишка.

- Жаль, - продолжал Коля. - Вот бы остаться такими, как сейчас. Не такими, как все….

- Ага! - подхватила Клава. - А все остальные - пускай останутся как сейчас - кукольными. И мы могли бы тогда делать с ними что захочем.

- Ну и фантазии у вас!- удивился Мишка.

- Нет, правда, - сказал Николай, - Тебе разве не хочется быть… э-э-э… самым главным?

Мишка подумал и ответил:

- Хочется... – и прибавил, - иногда.

- Вот! - сказал Коля.

- Чего «вот»? Всё равно, ничего не получится.

- Чего не получится?

- Ну, того самого, самыми главными быть!

- Почему это не получится?

- Потому. Потому, что всё это – оптический обман! Потому что сверху смотрим. А на самом деле, мы – такие же, как все, да ещё дети к тому же… И взрослые нами правят! Понятно?!

- Никакой в тебе романтики, Мишка, - вздохнула Клава. - Помечтать-то ведь можно?...

Потом подумала, и прибавила:

- К тому же, никто мной не правит! Пусть только попробуют!!... Хо-хо!!!...

- Ну-ну, - усмехнулся Мишка.

Наконец, утомившись, они спустились вниз. Входная дверь была распахнута настежь. Однако, когда ребята подошли ближе, в дверном проёме неожиданно возник силуэт огромного мужчины в рабочей одежде, сапогах и каске.

- Ой! – испугалась Клава, останавливаясь. Ребята замерли на месте.

- Аааaа! – страшным голосом закричал силуэт, - Вот вы где! Попались, хулиганы! Вот я вам!!!

Клава взвизгнула и бросилась вверх по лестнице. Ребята последовали за ней. Они мигом взлетели Клава на второй, Колька на третий, а Мишка аж на четвёртый этаж. Однако мужчина, вместо того, чтобы заняться преследованием, с грохотом захлопнул входную дверь и загремел замком.

- Вот, сейчас милицию вызову, будете знать, как хулиганить! – объявил он громко. - И родителей заодно! Они вам покажут, как по стройкам лазать!

И затопал сапогами куда-то прочь.

Некоторое время в пустом здании царила тишина, затем пленники начали с осторожностью сползаться навстречу друг другу. Собравшись, они молча постояли, переживая случившееся, затем Мишка подвёл итог.

- Это сторож, наверное, - сказал он. - Мы влипли.

- Милицию грозил вызвать, - поделился Колька.

Одна Клава выразилась оптимистично.

- Не дрейфь! – воскликнула она бодро, - Нас не догонят!

На всякий случай они попробовали на прочность запертую дверь, но тщетно.

- Выход один, - подвела итог Клава, - Через окно.

- Тут же окон нету, - возразил Мишка.

Первый этаж предназначался, по всей видимости, для какого-нибудь магазина, и потому входа туда не было.

- Со второго этажа, - решила Клава, - Чего такого!

Ребята поднялись на второй этаж, вышли на балкон.

- Высоко! – определил Мишка.

- Надо найти какую-нибудь верёвку, - огляделась вокруг Клава, - По ней и спустимся.

- Ты что, с ума сошла? – заволновался Мишка, - Какую верёвку! Как спустимся? Грохнемся, как папы Карло… И кстати, где она, твоя верёвка? Специально для тебя приготовили? В уголке лежит?

- Найдём, - уверенно проговорила Клава и отправилась на поиски.

- При чём тут папа Карло? – спросил Колька, - Куда он грохался?

- Да погоди ты! - отмахнулся Мишка, - Папа Карло, не папа Карло, какая разница!..

- Нашла! – закричала Клава.

Ребята побежали на зов. В соседней комнате стоял какой-то железный ящик на колёсиках, обмотанный длинным-предлинным, толстым, заключённым в резиновую оболочку электрическим кабелем.

- Это что? - спросил Мишка.

- Сварочный аппарат, - высказал предположение Коля.

- А ты откуда знаешь?

- А может, и нет, - пошел на попятную Николай.

- И даже рукавицы есть, - обрадовалась Клава, - Спускаться будет удобно.

- Да ну вас, - сказал Мишка, - Оборвётся.

Коля сказал:

- Не. Этот как раз не оборвётся. Только удержаться будет трудно.

- Потащили, - скомандовала Клава. - Время даром тратим. Сейчас вся милиция сбежится!

Все вместе они взялись и покатили железный ящик к выходу на балкон.

- Смотрите, - принялась объяснять Клава, - сделаем так. Я сейчас уцеплюсь, а вы меня тихонечко спустите. Вдвоём. Только осторожно.

- Не удержишься, - забеспокоился Коля.

- Удержусь, - уверила Клава, - Вы главное, не бросайте.

- Надо петлю сделать, - посоветовал Мишка. - Завяжем вот эдак, она усядется, и спустим.

- Голова! - похвалила Клава, - Здорово придумал!

Они попытались завязать кабель узлом. Не с первого раза, но получилось.

- Только крепче держись, - сказал Мишка, - Обеими руками.

- Хорошо.

Клава уселась в петлю и спросила:

- А дальше как?

- Полезай через перила.

Клава перелезла через перила и встала на краешке балкона.

- Ох, мамочки! - ахнула она, - Страшно!

- Не бойся, - сказал Мишка.

- Вы только держите крепче, - попросила Клава.

- Не бойся, - повторил Мишка.

- Ну, я пошла!

Коля и Мишка уцепились за кабель.

Клава шагнула вниз.

Кабель натянулся.

- Вира по майну! - скомандовала Клава.

- Чего это она? – спросил Колька.

- Держи крепче! – прохрипел Мишка.

Они начали осторожно, перебирая руками, отпускать помалу кабель.

- Тяжёлая! – заметил Мишка.

- Ой, как здорово! – закудахтала Клава. – Только осторожно, мальчики! Я такая хрупкая!

- Далеко до земли? - спросил Коля.

- Я на полпути! Аккуратненько, аккуратненько!...

Наконец, спуск был завершён.

Ребята выглянули с балкона. Клава стояла внизу и весело махала рукой.

- Здорово! Давайте теперь вы!

- Я тебя не удержу, - сказал Коля.

- Тяните кабель, чего застыли! - поторопила Клава.

Мишка вытянул кабель.

- Не удержу я тебя, - повторил Николай.

- Так что делать? – спросил Мишка.

- На руках спускаться.

- Здорово! – восхитился Мишка, - А ты пробовал когда-нибудь? Со второго этажа? Да по кабелю?

- Нет, - признался Колька.

- Вот именно, - сказал Мишка, - Тут-то и будет тебе папа Карло!

- Ну, чего вы там! – закричала Клава. – Время ведь теряем!

- Да погоди ты! – крикнул Мишка. – У нас даже рукавиц нет! Ты забрала.

- Ну, так ловите! Я бросаю!

- Думаешь, добросишь?

Клава скомкала рукавицы в комок и, как все девчонки, нелепо выворачивая руку за голову, бросила. Комок не долетел и трети пути.

- Эх ты, - засмеялся Мишка, - Метательница ядра…

- Я сейчас! – ответила Клава.

Она поискала немного и нашла подходящий по размерам камень, положила его в рукавицу, сверху заткнув второй.

- Ну, ловите!

- Э! Э! Э! – забеспокоился Мишка, - Ты нам в лоб не засвети!

- Так спрячьтесь!

Мишка и Колька нырнули за железную решётку балкона. Клава бросила. Раздался звон стекла.

- Ой! – испугалась Клава, - Я что-то разбила?

- Форточку, - сказал Мишка, поднимаясь, - Хорошо, витрину в магазине не высадила!

- Я не нарочно!

- Сейчас сюда весь район сбежится, - запаниковал Колька, - Драпать надо!

Но было поздно. Раздался топот сапожищ и истошный вопль:

- Аааaа! Хулиганы! Вы чего творите! Стёкла бить удумали! Ну, я вам задам!!!

Клава взвизгнула и пыльной кометой унеслась прочь. Ребят сдуло с балкона. Сторож затопал к двери и загремел замком, приговаривая:

- Ну, я вам задам! Ишь, повадились, стёкла бить! Я вам!… Вы у меня поплящете!... Я вам… Все уши пообрываю!

В экстремальной ситуации скорость ног обычно опережает среднюю скорость мысли. Не сговариваясь, Колька с Мишкой нырнули в соседнюю квартиру и притаились за углом. Сторож с грохотом пробежал мимо, и в тот же миг, не дожидаясь очередного подарка судьбы, ребята скатились по лестнице и, не разбирая дороги, полетели домой. По пути из ближайшего проулка выскочила Клава и закричала:

- Ураааа! Нас не догонят!

… Очутившись во дворе, долго не могли отдышаться. Потом Клава сказала:

- Я всё видела! Ловко вы его облапошили! Молодцы!...

Мишка сказал:

- Ага!

Но Клава добавила:

- Только вот по верёвке одна я спустилась! Так что я геройка! Скалолазка!

- Но-но, скалолазка! Не задавайся! Если б не твоя меткость, мы бы ещё круче спустились, понятно!

- Это ещё неизвестно, - подначила Клава. - Это ещё доказать надо!

- Во, даёт! – возмутился Мишка. – Нет, вы только её послушайте!

- А чего тут слушать? Вот спустились бы, тогда бы и говорили!

- И спустились бы! В два счёта!

- Да-да-да! Спустились БЫ! Вот именно! Давайте, идёмте обратно, и вы покажете, как вы спустились БЫ!...

- Ага! – усмехнулся Мишка. - Идёмте! Чтоб нас дядька этот сцапал, да?!... Нетушки, спасибо!

- Вот и выходит, что струсили!

- Мы струсили! – закричал Мишка. - Ах так! Ах так!...

Неизвестно, что последовало бы за Мишкиным «ахтак!», но тут в спор вмешался Коля.

- Погодите, - рассудил он, - Правда, Клавка, ты чего! Мы же тебя... на собст-

венных руках!.... Чуть не уронили, во!... Но спасли!.. Хоть бы спасибо сказала!

Клавка подумала и сказала:

- Ладно, спасибо! – и прибавила: – Мир, дружба!

- То-то же! - заключил Мишка.

- Всем ведь досталось, - продолжал развивать мысль Николай, - Меня до сих пор колотит.

- Вот-вот, - подхватил Мишка. – И у меня коленки дрожат!

- Так и я о том же! - заключила Клава. - Так что скалолазкой остаюсь одна я!

…Спор вспыхнул с новой силой…

Котёнок под капотом

Дмитрий Копьёв

Клава, Колька и Мишка играли на крошечной спортплощадке в бадминтон. Точнее, играли кто-нибудь двое, а третий судил. Лучше всех играла, разумеется, Клава, и в большинстве случаев легко обыгрывала мальчишек. Точно так и сейчас: счёт был давно в её пользу, а она всё обыгрывала и обыгрывала... По правде сказать, всем, и тем, кто выигрывал, и тем, кто проигрывал, немножко поднадоело это занятие и хотелось уже, так сказать, сменить пластинку.

В это самое время во двор въехал автомобиль красного цвета. Вообще, для парковки машин возле дома было отведено особое место. Однако там всё было занято, и потому красный автомобиль, прижавшись к обочине, остановился поодаль, прямо напротив кустов сирени. Из машины вышел человек, захлопнул дверцу и направился в крайний подъезд, очевидно, к кому-то в гости.

Спустя некоторое время неожиданно послышались крики: «Стой! Стой! Мурзик! Куда же ты! Стой, Мурзик! Мурзик!» и во дворе появились какие-то незнакомые девочка и мальчик. Они бежали со всех ног, преследуя, как легко можно было догадаться, какого-то Мурзика.

Мишка, Коля и Клава бросили игру, наблюдая за разворачивающимися событиями.

Незнакомые девочка и мальчик подбежали к красному автомобилю и принялись кружить возле него, продолжая звать Мурзика. Затем они стали заглядывать под автомобиль.

- Кыс-кыс-кыс! – взывала девочка. - Кыс-кыс-кыс, Мурзик, дурачок! Вылезай! Не бойся!

- Кыс-кыс-кыс! – вторил ей незнакомый мальчик.

Клава, Коля и Мишка подошли ближе.

- Чего случилось? - прямо спросила Клава. – Кота потеряли?

- Котёнка, Мурзика! – сообщила девочка. Голосок был у неё тоненький и жалобный, и сама она была также маленькая, под стать своему голосу. – Только не потеряли, а он собаки испугался! Мы гуляли с ним, а тут собачища!...

- Да! - подхватил мальчик. - Как бросится! Он – дёру! Мы – за ним! Он – под машину!

- Ничего, сказала Клава, - сейчас достанем!

Она заглянула под автомобиль и позвала:

- Как там тебя, Мурзик! Кыс-кыс-кыс! Вылезай!...

Потом она выпрямилась и объявила:

- Нет там никого. Не видно, по крайней мере.

- Дай я, - вызвался Мишка и полез под автомобиль.

Он долго вглядывался, звал «кыс-кыс-кыс», но без толку. Котёнка не было.

- Нет никого, - сказал Мишка, поднимаясь. – Куда он делся?

Под машину залез и Коля, исследовал, и пришёл к такому же выводу.

- Нет никого!

- Может, он дальше побежал? - спросила Клава.

- Нет, - ответила девочка. – Точно. Он здесь. Никуда не убегал больше.

- Я тоже видел, - подтвердил мальчик.

- Дела! - посетовала Клава и подвела итог. – Ясно. Он внутрь машины забрался!

- Ой! - сказала девочка. – И что же теперь делать?

- Не знаю, сказала Клава и постучала по крышке капота. – Эй! Отзовись! Мурзик!

Повторили попытки обнаружить котёнка под автомобилем, звали на разные лады, ничего не помогало.

- А почему он молчит? - спросила Клава. – Немой, что ли?

- Да нет, - объяснила девочка. - Не немой. Просто испугался.

- Он в шоке, - присовокупил мальчик.

- В шоке! - патетически воскликнула Клава. - Он в шоке!

- Что же теперь делать? - жалобно повторила девочка.

- Не знаю, - сказала Клава.

- Надо его как-то выманить, - сказал Мишка.

- Или чем-нибудь, - уточнил Коля.

- Валерьянка есть? - спросила неожиданно Клава.

- Чтоооо?! - удивился Мишка.

- Не что, а валерьянка! Коты валерьянку любят. Надо налить немного, он и вылезет.

- Наш Мурзик не любит валерьянки, - немножко обиделась хозяйка котёнка, - Он молоко любит.

- Молоком не выманишь, - убедительно проговорила Клава, - Тут нужен сильный запах.

- Смотря какой запах… - неуверенно вступился Коля. – Валерьянкой выманивать… Сомнительно…. Может, лучше рыбой?

- Рыбой!!!... – с неописуемым выражением воскликнула Клава. – Тухлой рыбой!!!..

Колька, осознав свою ошибку, вздохнул и поправил очки.

- Я тоже сомневаюсь, - высказал своё мнение Мишка.

- Ну и сомневайтесь! - отрезала Клава. – На здоровье! Только делать-то что-то надо!

Мишка пожал плечами и огляделся вокруг в поисках чего надо.

- Так что валерьянка всё равно нужна. Сто процентов! – заключила Клава.

- У нас, кажется, есть! - вспомнил Мишка, - Я сейчас!

Он убежал и вскоре вернулся с лекарством.

- Вот, - сказал он, - В таблетках, правда.

- Ты чего!? – воскликнула Клава. – Это же валидол, а не валерьянка!...

- Какая разница? - спросил Мишка.

- Такая! - ответила Клава, - Тем более, в таблетках. Как ты ему таблетку подсунешь?

- Аааа! - сообразил Мишка.

- Жидкость нужна. В пузырьке, - втолковывала Клава, - Валерьянка. Старички её пьют, по каплям, понятно?

- Где же мы старичка возьмём? - спросил Коля.

- Не надо старичка брать, - вступился тут незнакомый мальчик, - Вон там за углом аптека. Я сбегаю.

- А тебе дадут? – спросила Клава.

- Я лекарства для бабушки покупаю, дадут, - заверил мальчик и убежал.

Пока он отсутствовал, ребята продолжили попытки вызволения пленника. Принялись даже раскачивать машину, но впечатления на котёнка это не произвело.

Вернулся мальчик с валерьянкой. Чтоб не мелочиться, под машину вылили весь пузырёк….

По двору распространился сильный запах лекарства.

- Ооооо! – протянула, схватившись за нос, Клава. – Ого-го!... Вот это запах! Как только старички его пьют!

- Так они понемножку, - возразил незнакомый мальчик.

- Ладно, - сказала Клава. - Надеюсь, котёнку вашему хватит.

- Хватит, - подтвердил мальчик. – Надо только подождать…

Стали ждать.

Котёнок не подавал признаков жизни.

- Может, на маленьких не действует? – высказал предположение Коля.

Незнакомый мальчик пожал плечами.

- Ндаа…, - протянула Клава. – Фокус не удался.

- Что теперь делать? – в третий раз спросила маленькая хозяйка котёнка.

- Не бойся, что-нибудь придумаем.

- Давайте, скорее будем думать, не то он залезет совсем куда-нибудь не туда. Или съест что-нибудь не то.

- Там есть нечего, - успокоила девочку Клава. – И вообще… Он ведь у вас не совсем ду… глупенький?

- Не совсем, - согласилась девочка, - но он очень, очень маленький!...

В это время из того подъезда, в котором скрылся водитель красной машины вышел какой-то дяденька. Клава подскочила к нему.

- Здравствуйте! – выпалила она. - Вы ведь здесь живёте, в нашем доме?

- Здравствуй, девочка, - удивился дяденька. - Да, я здесь живу.

- А вы не знаете, чья это машина?

- Которая? Эта? Нет, не знаю.

- Жаль.

- А что случилось?

- Понимаете, у нас тут котёнок сперва под машину залез, а потом прямо внутрь, в мотор.

- Быть такого не может! – удивился дяденька, оглядывая собравшуюся детскую компанию.

- Может, - сказала Клава. - Так оно и есть.

- Он под капот залез, - уточнил технически подкованный Мишка, - Спрятался там.

- И мы никак его выманить не можем, - заключил незнакомый мальчик.

- А зачем он туда залез? — желая прояснить ситуацию до конца, спросил дяденька.

- Испугался! — раздался хор голосов.

- Чем же вы его так напугали?

- Это собака напугала, а не мы, — поведала Клава и, чтоб добиться большего доверия, добавила: — Большущая!… От такой куда угодно спрячешься!…

- Дааа, дела! - задумался дяденька. – А вы не видели, куда пошёл водитель?

- Я не видел, - сказал Мишка.

- Я тоже не видел, - сказал Коля. – То есть, краем глаза видел, что машина подъехала, а куда водитель пошёл, не видел. Мы в бадминтон играли. Заняты были.

- Да он куда угодно мог пойти, - пояснила Клава. - К кому-нибудь в гости в нашем доме, или вон, в магазин за углом, или вон, в контору…

- Или в аптеку, - подхватил незнакомый мальчик.

- Нда, - сказал дяденька. – Короче, ищи-свищи…

- Может, громко покричать? - предложила хозяйка котёнка.

- Все вместе, хором, - подхватил мальчик.

- Ага! - сказала Клава, - Только никто ничего не поймёт и подумают, что пожар начался.

- Так давайте и крикнем, что пожар начался! - подхватил идею Мишка.

- Нет-нет! - испугался дяденька, - Пожар кричать не будем. Я, кажется, знаю, что надо делать.

Все заинтересованно замолчали.

Дяденька достал из кармана мобильный телефон и сказал:

- Я сейчас позвоню в ГАИ и скажу, что меня заперли… То есть мою машину заперли… Иными словами, что эта красная машина не даёт мне отъехать. Пускай найдут владельца и позвонят ему…

- А откуда они узнают, что это он? – спросил Мишка.

- Так просто, - объяснил дяденька, - У них все данные есть о владельцах, а я им номер этой машины дам.

- Класс! – восхитился Мишка.

Дяденька набрал номер и принялся объяснять:

- Здравствуйте! Это ГАИ?... Да… А! Ну да, я это и имел ввиду… Да… Спасибо… Вы знаете, дело в том, что мою машину заперли…. Да… Нет… Да… Не могу отъехать… Опаздываю в аэро… В общем, сильно опаздываю… Да… Красный «Опель» номер… (он назвал номер)… Да… Сообщите, пожалуйста… Срочно… Моя?... Смирнов Алексей Петрович …. Семёрка…Номер (он назвал номер)… Да. Спасибо. До свидания.

По окончании разговора Алексей Петрович нажал кнопку отбоя и сказал:

- Ну вот, всё в порядке. Осталось подождать.

Стали ждать.

Спустя некоторое время из подъезда выскочил человек. При виде толпы детей возле своего автомобиля, он ускорил шаги и, подойдя, обеспокоенно спросил:

- Что случилось? Почему…

- Извините, пожалуйста, не беспокойтесь, - перебил его Алексей Петрович. - Это мы звонили. Точнее, я звонил….

- Мне сказали, что я кого-то запер! – возмущённо воскликнул водитель красной машины.

- Да, да, вот я и объясняю, - продолжал Алексей Петрович, - Дело в том, что у вас под капотом сидит котёнок!

- Чтооо???!!! – закричал водитель красной машины. - Какой ёщё котёнок!?...

- Вот у этой девочки, - и Алексей Петрович указал на Клаву, - убежал маленький котёнок.

- Только не у этой девочки, - поправила Клава, - А вот у этой. У неё сбежал.

- Да, это мой котёнок, - подтвердила маленькая хозяйка котёнка.

- Ну, всё равно, - согласился Алексей Петрович, и продолжал. – Короче этот самый котёнок залез под машину, а потом, видимо, пролез дальше. Через колесо, очевидно… Нам ничего не оставалось делать, как разыскать вас… таким вот способом… Вы уж нас извините…

Водитель красной машины помотал головой и сказал:

- Никогда бы не поверил… Дела… Ну, да ничего, разберёмся…

Он открыл дверцу, залез внутрь, нажал какую-то кнопку.

- Посмотрим, посмотрим…. – сказал он затем, вылезая, - Что там за зверь сидит… Смотрите, чтоб снова не убежал.

Он взялся за крышку капота и осторожно поднял её и заглянул внутрь.

Все остальные заглянули тоже, а хозяйка котёнка привстала на цыпочки.

- Ну, где ты там?.... - позвал водитель, - Аааа! Точно!.... Вижу, вижу! Хорошо спрятался, разбойник!... Ну-ка, ну-ка… Осторожно, осторожно…. Так, так….

Приговаривая всё это, водитель машины запустил руки в самую глубину мо-

тора и затем осторожно вытянул оттуда маленького котёнка.

- Ура! - воскликнула хозяйка котёнка. – Мурзик!

- Мурзик, говоришь? - проговорил водитель, - Вот ты какой, Мурзик! Как же это тебе в голову пришло залезть сюда? А!?... А если бы я мотор завёл?... Представляешь?... То-то же!... Повезло тебе, Мурзик!

Котёнок был маленький и разноцветный, с чёрными и рыжими пятнами. Самое большое рыжее пятно красовалось у него вокруг левого глаза. На шее котёнка была повязана красная ленточка.

- Дрожит весь, - сказал водитель красной машины, - От страха, должно быть…. Держите скорее…

- Дайте мне подержать, - сказал вдруг Алексей Петрович, Как-никак, я тоже способствовал его спасению.

Он взял котёнка в руки, повертел, осматривая с разных сторон, затем потрепал по загривку и сказал:

- Ничего, ничего, молодец…

- Дайте мне, - сказала Клава.

Она крепко прижала котёнка к себе и принялась гладить, приговаривая:

- Дрожит весь… Ничего! Больше ничего не бойся, всё хорошо, всё будет хорошо…

Постепенно котёнок перестал дрожать. Клава передала его Мишке. Мишка заглянул котёнку в глаза и тот впервые за всё время коротко и жалобно мяукнул. Мишка засмеялся и передал беглеца Коле. Коля почесал котёнку за ухом. Тот уже совсем освоился и в благодарность боднул Кольку в плечо. Затем котёнок перешел в руки незнакомому мальчику и, наконец, очутился в руках хозяйки. Та принялась его целовать, приговаривая:

- Мурзик, Мурзик! Больше никогда так не делай, понял! Никогда!...

- Ну ладно, я поехал, - сказал водитель красной машины, - Теперь всегда буду заглядывать под капот. Вдруг ещё какая живность залезет.

- Или заползёт, - сказала Клава.

Водитель засмеялся.

- Нет уж, не надо,- сказал он и неожиданно прибавил, принюхиваясь, - Лекарством вроде каким-то пахнет. Здорово пахнет!... Странно…

Ребята переглянулись. Запах валерьянки не улетучился и, кажется, даже усилился.

- Это… Это куст вон этот пахнет, - нашлась Клава, указывая на куст сирени. – Скорее всего, то есть… Вон он какой, видите?... И вообще, огромное вам преогромное спасибо!

- А! Ничего! – сказал водитель.

- Спасибо вам! – закричали все вразнобой

- Ничего, на здоровье! – повторил водитель красной машины и уехал.

- Я тоже пойду, - сказал Алексей Петрович. – Удачи вам, ребята!

- Спасибо вам, - сказала Клава.

- Спасибо! - прошептала хозяйка котёнка.

Алексей Петрович засмеялся и быстрым шагом направился со двора.

- Спасиибоооо! – закричали ему вслед все хором.

Алексей Петрович помахал издали рукой.

- Ну что, сказала Клава, обращаясь к незнакомым мальчику и девочке, - Как вас хоть зовут-то?... Меня – Клава.

- Меня – Маша, - сказала девочка.

- Сеня, - представился мальчик.

- Николай, - сказал Колька.

- Мишка, - сказал Мишка.

- Ну вот и познакомились, - сказала Клава. – Вы ведь в соседнем дворе живё-

те, Маша и Сеня?

- Ага!

- Так что заходите к нам, запросто. У нас тут весело бывает.

- Зайдём, - пообещал Сеня.

- И берегите Мурзика, - заключила Клава. - Не отпускайте больше одного.

Маша, прижимая Мурзика к себе, кивнула головой.

Затем они побежали в свой двор.

Клава долго смотрела им вслед, затем раздумчиво сказала:

- Котёнка, что ли, завести?....

«Город» - «герой» – Николаевка

Андрей Панченко

Меня как самого молодого и перспективного – послали…

Сразу после школы, отправился на покорение вселенной.

Узнал, что в Калининграде есть мореходное училище, где всего за год, можно получить профессию. Во всём союзе обучают два, три, и даже четыре года, а там всего за год.

И вот: - «У него походочка, как в море лодочка, а клёши длинные как корабли».

Этого конечно не каждый сейчас знает, а вот тогда….

Тогда брюки клёш – это было что-то великолепное. Идёшь, а брюки внизу аж вокруг ноги заворачиваются. Все девчонки оборачиваются. Чёрная форма, белый кашне! Э-э-э-эх!

О! Я ж не об этом. Ну и вот. Мореходочка. Затем долг Родине и вот уже поезд мчит меня к родным берегам.

Вернулся. Осень. Чего сидеть? Кого ждать? Пошёл искать работу. Предложили два места. Завод и техникум. На заводе конечно престижно, но техникум, да ещё пищевой промышленности. Только посмотреть зашёл, а там такой девичий «цветник» не то что при входе клумба.

Я-то в форме, а у них улыбочки, смешки за спиной. Ну какой тут завод устоит? Вот и я не устоял.

И вот я уже работаю в этом цветнике, ой нет, в техникуме. А девчонки? Беленькие, рыженькие, брюнеточки и блондиночки. Другим не до работы, а я нет. Наоборот. Хочется для них приготовить что-нибудь такое, эдакое, необычное!

И что? Я не сказал? Что выучился на кока? Ну, на повара, по земному? Да! Выучился и не плохо это у меня получалось. Вообще лучшие повара мужчины. Я один из них.

Как сварю борщ, все тарелки пустыми возвращаются. А пирожки? С картошечкой. С капустой….

Э-э! Опять меня не туда понесло. Только слюнки глотаю от воспоминаний.

До лета доработал. А тут и каникулы. Разъехались девчонки кто куда. По домам. Что делать? В отпуск на три месяца – многовато. А тут директриса:

- Андрюша! У меня сестра в Николаевке, в пансионате работает. Людей катастрофически не хватает. Езжай, помоги. А в сентябре я тебя жду. И смотри мне там, на курорте. Знаю я этих отдыхающих. Не оставь мне техникум без столовой.

Ценит!!!

Ну и что вы себе думаете?

Меня как самого молодого и перспективного – послали…

Шумно отметив свой день рождения, отправился в великий «город» - «герой» Николаевка. Знаете, сколько героев и геройств родил этот курорт?

Это только вечером послушать, так почитай в каждом пансионате по десятку героев наберётся. Такого по на рассказывают! У-у! А девчонки то верят.

Тю ты!

Короче. Поехал я после дня рождения в Николаевку. В пансионат «Восточный». Личико слегка примятое. Ну сами понимаете, после дня рождения. Да к тому же не во фраке и без бабочки. Так как был в штанах и футболке, так меня знакомый и довёз. Вечером обещал домой забрать. Не судилось.

Пройдясь по набережной увидел надпись –«Пансионат Восточный». Калитка открыта. Зашёл. Уютненько. Маленькие домики, много цветов. Из кухни доносились ароматы. А мне туда и надо. Свернул к открытой двери.

Нарисовался, так сказать, в полный рост, не сотрёшь. Ну это типа я в дверном проёме стою. Я с солнца их не разгляжу в темноте

А они меня не рассмотрят на солнечном фоне.

Присмотрелись.

- Вы что-то хотели?

Спросила женщина в возрасте, в белом халате. А я и ответить что-то сразу не соображу, что. Рядом с ней, возле сковороды, мельтешит прекрасная роза. В высокой, накрахмаленной и красиво уложенной косынке.

- Да я это. Меня Людмила прислала!

- А? Так ты Андрей. Вот и хорошо, что ты приехал. Видишь, самой приходится на кухне готовить. Совсем людей нет. А это Света!

Работа

- Что ты умеешь готовить?

- Всё.

- Нет. Я к тому что на чём ты стоял? На первых или на мясе, овощах?

- А куда поставят.

- Ну хорошо. Сегодня я уже доработаю, а завтра, с утра, ты и заступишь.

- Как завтра? Я и дома не предупредил.

- Вот два дня отработаешь и поедешь, предупредишь. И не возражай. Иди, обустраивайся.

Немного оторопевши, что так всё быстро решается, я вышел с кухни.

Цветы везде. Между домиками и цветами, узкие дорожки. Пошёл осмотреться.

Вот душевая. Туалет. Столовка что уже увидел.

Отель

Море! Нежнейшие голубые воды.Тепло. Кое где по воде пробегают белые «барашки».

С разбега нырнул в обжигающе – тёплые воды.

Почему обжигающе?

Когда находишься на солнце, кругом раскалённые стены города и дороги, то вода просто обжигает разгорячённое тело.

Море – это счастье. Это любовь и красота.

Даже когда море злиться, чёрные волны яростно бьют опостылевший берег, это выглядит как невинная ссора влюблённых. И только когда разыграется сильный шторм, понимаешь, что у влюблённых назревает огромный конфликт.

Но чаще всего это только до утра.

С восходом солнца море и берег мирно живут и ласкают друг друга. Отлив.

Вода отступает, давая берегу свободу. Но не на долго. Только чтобы всё ус-

покоилось.

Потом прилив, и часть берега опять под пятой. Чисто женская психология – отступить, чтобы занять новые территории.

Тело остыло. Вышел из воды и уселся прямо на песок. Лёг.

Благодать.

Тут с террасы раздался голос Валентины:

- А! Вот ты где! Ну я так и подумала. Пошли покажу где будешь спать.

Я поднялся по ступеням на террасу.

- Вот. Смотри какие виды. Теперь ты будешь это часто видеть. Два дня любуешься, а два работаешь. У нас такой график. Сегодня Светочка с Любой работали. Только Любочка приболела, и я её отпустила по раньше. А завтра Тамара с Аллочкой должны заступать, но ты вместо Аллы. Я ей отпуск обещала. Пусть отдохнёт. Домой, к матери, в деревню съездит. Там помочь надо. Ты за неё.

Мы стояли на террасе и смотрели на море. Отдыхающие после обеда медленно спускались по лестнице на пляж. Занимая свои привычные места.

Люди едут в Крым со всего союза. Вот сидит парочка белых как сметана молодожёнов. Постоянно обнимаются, в тихую даже целуются, если видят, что на них никто не смотрит. Белые – значит недавно приехали.

А вот парочка уже коричневые. Почти негры. Им видимо скоро уезжать. Быстренько окунулись и загорать. Успеть получить все солнечные ванны.

Пары разные. По одному почти никого нет. Да и пансионат этот типа семейного. Домики разделены пополам и в каждой половине по две кровати.

И только на террасе комнаты на одного, троих и даже пятерых человек.

Вот к одной такой комнате мы и подошли с Валентиной. Она открыла дверь.

- Вот смотри. Тут девчонки спят, твоя кровать возле Катьки, посудо мойщицы, в углу.

- Что, вместе с девчонками?

- Ну Катька уже давно не девчонка. Ей за пятьдесят, да ещё и пьяница. Тут у окна Света спит. Ты её уже видел на кухне. В том углу Любы кровать. Вторая – Тамары, а третья Аллы. Ну ничего, со всеми познакомишься. Я надеюсь вы найдёте общий язык. Осваивайся. Постельное у кастеляшки, возле столовой. На ужин не опоздай.

И ушла.

Осмотрелся. Ну что тут делать? Единственное надо постель застелить, чтобы вечером не возиться. Вышел на террасу. Стою. Смотрю на море. Тут сзади голос:

- Тебя как звать-то?

- Андрей.

Сказал и повернулся на голос.

Передо мной стояла худая, со сморщенным лицом женщина.

- Вот. Валя сама взяла для тебя бельё. Идём я застелю.

- Да я сам.

- Нет. Мне Валя сказала – я сделаю. Меня Катя зовут.

- Я так и понял. Она мне вас описала.

- Вот только на «Вы» не надо. На кухне, когда работаешь, некогда отчество вспоминать.

- Так-то ж во время работы.

- А ты заранее привыкай.

- Хорошо. Катя, есть какие нюансы здесь на работе?

- Да всё как у всех. Ты же не первый день?

- Ну конечно. Училище, практика, армия и вот уже больше года в техникуме.

- Учишься?

- Работаю.

- Женат?

- Свободен.

- Это хорошо. У нас все девочки свободные. Только Люба замуж собралась, да Алку зимой снасильничали. А так – любую выбирай.

- Да я ещё погулять хочу. Мне то всего чуть за двадцать. Пожить надо.

- И то правда. Не спеши хомут одевать.

Постель была застелена.

- Катя. Я смотрю тут двери не закрываются.

- А что здесь брать? Ну у туристов может и есть что, так они мусорным ведром дверь подпирают. А когда в комнатах то крючок на двери у всех есть. Ты что – что-то ценное привёз?

- Только себя.

- Ну такого добра тут чуть меньше половины. На всех девок не хватает. Так что если тебя и украдут, то я думаю, не пожалеешь.

- А где все наши? На море, что ли?

-Да зачем им море? Это первые пару дней купаешься, а теперь или по домам разъехались или в центре. Там кино, танцы, магазины, рынок и просто народ. Это у нас здесь тишина. После обеда отдыхают. В центре всегда жизнь бурлит. Ну всё. Отдыхай. Вижу у тебя тоже видок примятый.

Ну и чем заняться? До ночи ещё далековато. Правильно! Это они пресытились морем, а я-то нет.

Всё оставшееся время я провёл с огромной пользой. То замокал в тёплой воде. Даже лучше, чем в ванной, дома. То жарился на опускающемся к горизонту солнце.

- Андрей! Иди ужинать.

Это Катерина меня с террасы окликнула.

Натянув брюки и футболку, отправился в столовую. А ведь и правда-усиленно отдыхая я проголодался.

-Иди к раздаче. Сегодня на ужин макароны по-флотски. Света тебе насыплет.

Не привычно это, входить в столовую через зал. Всегда ведь со служебного входа заходил. Но тут. Встал в очередь из трёх человек.

Зато можно рассмотреть тот цветочек, что днём видел у плиты.

А ничего себе такая девица. Надо бы присмотреться. Хотя куда спешить? Здесь же курорт! Много такого добра подберётся.

По ужинал и опять на море. И только когда в комнатах на террасе начали включать свет, решил идти к себе.

Подошёл. Постучал. Тишина, но свет горит. Открыл дверь и вошёл.

- Ой! Стучаться надо.

Это сказала высокая девушка, в ночной рубашке и с подушкой в руках. Стоя на кровати.

- Он стучался. Это ты, лошадь, тут скачешь и ничего не слышишь.

Ответила первой, девушка со второй кровати. Я так понял-Тамара.

При этом первая не очень-то и смутилась этой ситуации.

- Заходи и дверь закрой, а то Алка ещё час по кроватям будет прыгать и бить комаров.

- Это у тебя шкура толстая и тебе всё равно, а меня они постоянно кусают, и я хожу вся в красных пятнах.

- Так ты прыгая и нас подавишь. А ты чего стоишь? Проходи. Валя тебе угловую кровать отдала? Вот и ложись.

- Да я вроде как представиться хотел.

- И кто тебя не знает? Тут Катька всё и всем разнесла и три раза тебя женила, а ты стоишь как жених не решительный.

- Ну что ты на него так? Ведь он же пришёл в наше женское царство. Его Валя подселила.

- Да я ничего. Не смертельно. Ты проходи. Меня не бойся, я Тамара. А вот Алла. Её бояться надо. Она, когда за комарами гоняется ничего не видит. Ка-ак прыгнет сверху! Кровати скрипят, а стены дрожат. Во! Вишь! Для тебя даже новую ночнушку одела.

- Тфу на тебя, Томка. Скажешь такое. Для него.

- Да ты не смотри что он ниже тебя. Сутра накрасишься и в столовку, к раздаче. Там себя покажешь во всей красе. А тут и посмотреть то не на что. Ложись уже.

- Андрюха. Ты случаем ночами не храпишь? Наша Катька, когда выпьет, трели выводит. Теперь ты рядом с ней. Будешь её в бок толкать.

- Э! Нет. Это без меня. Я так, вечером лёг, утром встал. Что ночью происходит не знаю и не ведаю. Но с армии знаю, что храпеть не приходилось. Не обучен.

Сказал и прошёл, сел на кровать.

- Вот и славненько. А ты что, совсем без вещей?

- Только штаны и футболка. Да я же ехал только узнать за работу и всё

- А тут Валя тебя в оборот взяла. Так что Алка ты завтра домой. Можешь и не красоваться. Ты в отпуске. А когда приедешь, мы его уже окрутим.

Пришла Катя и девочка повариха. Света.

- Во. С этими двумя тебе тоже знакомиться нет необходимости. Валя нас опередила.

Света стояла в нерешительности. Катя подошла к кровати рядом с моей и села на край.

- Ну что? Все наши дома. Эти устали и спать хотят, а нам с тобой вставать пол пятого. Так что ты отвернись к стене, мы ложиться будем.

-Тома, толкнёшь меня утром. Я быстро встаю.

Сказал, лёг и отвернулся к стене носом.

Свет потушили. Но из-за луны, светящей в окно, в комнате было довольно светло.

Хотя после вчерашних возлияний и сегодняшних волнений, и купаний, меня сильно клонило в сон.

За спиной уже стихли шорохи и скрип кроватей. Только не понятные шаги раздавались в тишине.

- Да улягся ты, Светка! Чего мельтешишь?

-Ага! А вдруг он смотрит!

- Кто?

- Ну он!

- Да он сопит уже во всю. Прикрой шторы и ложись. Иначе сама встану и уложу. Он к стене отвернулся. Спит.

- А вдруг у него зеркальце……

Дальше только темнота и толчок в плечо:

- Вставай.

Вскочил. Быстро одел штаны и футболку. Вышел в след за Томарой. Белая куртка на ручке двери в столовой.

Весь день как белка в колесе. Нормально. Для меня привычно.

Вечером, Тома, хлопнув меня по спине, сказала:

- Прекрасно. С тобой можно работать. Валька даже ни разу не зашла к нам помогать. А когда мы с Алкой работаем, то часто зашивались. Не успевали. Устал?

- Да нормально. У нас вся работа не курорт. Здесь ведь даже людей меньше чем в техникуме кормлю.

- И как это наша Валька тебя к себе не переманила?

- Наверное сестра ей меня не отдаёт. Я ведь у Людмилы работаю.

- Ну только что. Так она к себе всё что по лучше легко переманивает.

- Да звала и предлагала, только Людмила меня определила в техникум и не отпускает.

Мы вернулись в нашу комнату. Девчонки уже спали. Или нет? Не всматривался.

Тамара прошла к своей кровати и стала раздеваться. Катька за мной.

Скинул футболку и брюки, и плюхнулся на койку.

- Вставай.

И толчок в плечо.

Вот и завертелось. Два дня на работе, два дома. Так бы может всё и продолжалось, но тут у Вали сменились планы.

Через две недели Аллу отозвали из отпуска. У Любы началась подготовка к свадьбе.

Алла вышла на работу с Томой, а мне прищлось отработать четыре дня, без выходного. Теперь я в смене со Светой.

И да. Валя постоянно помогает им на кухне. И на ужин они варят сосиски или колбасу. На полдник компот и печеньки. Как наша смена, то на полдник блины или оладьи, а на ужин макароны по-флотски или котлеты. Да и саму Валю к нам не заманишь. Даже заглядывает на кухню только через окно раздатки.

И что вам сказать? Как известно: - «Совместный труд, он это, ну короче, он объединяет». Сближает как-то.

Тут нам зарплату Валя принесла.

Посчитал. Расписался. А ничего!!! Очень даже ни чего. Почти вдвойне после техникума. Отрадно. На выходных собрался отвезти домой. Тут Света:

- Ты домой едешь завтра?

- Еду. Денег надо маме отвезти.

- А моим не завезёшь? Мне тут постирать надо, да и дежурю я по комнате. Моя очередь убирать.

- Да завезу. Давай адрес.

На следующий день я уехал домой. Еле нашёл дом Светланы.

Постучал. Вышел парнишка лет четырнадцати. Наверняка брат. У меня у самого такой же.

Я спросил кто он и его фамилию. Услышав ответы, передал завёрнутые в газету деньги.

В ближайшие выходные, когда мы работали, произошло некое событие, перевернувшее всё вверх дном. Но. По порядку.

Суббота. Работаем со Светой как всегда, на пару. Без помощников. Девять утра, только закончили раздавать завтрак.

Прошёл к мясорубке. На обед шницеля. Нужен фарш. Пока Света подготавливает кастрюли, кручусь.

- Андрей! Выйди на минутку.

- Катя. Я занят. Не когда. Что там у тебя?

- Да на минутку выйди и всё.

- Катя. А подождать это не может7

- Нет. Выйди.

Ну что тут сделаешь? Мужик на кухне, хоть помощь, когда надо поднять или переставить тяжёлое. Бегу.

Вышел на улицу с кухни и зашёл в посудо моечную.

- Ну что? Давай быстренько. Что поднять?

- Всё. Уже ничего. Иди.

- Ты чего, Катя? Работы не мерянно. Обед скоро, а она игрушки играет.

- Это не игрушки, как ты говоришь, а смотрины.

- Чего?

- Видел вон мужик с женщиной? Это Светкины родители. Они на тебя посмотреть приехали.

- Ты Что? Совсем дура? Пить надо меньше.

- Пить-то пить. Только все уже видят что у вас со Светкой любовь. Вот и рордители догадались. Приехали на тебя посмотреть, что бы ты дочку их не испортил. До свадьбы.

- Да идите вы все. Тебе ничего не надо? Так и нечего меня звать. Только отвлекла от работы. Я ведь всегда с тобой хорошо, а ты….

- Глупый, и я тебе хорошо хочу…

Но я уже пошёл опять на кухню. Только мельком глянув на указанных Катькой людей.

День пролетел как обычно. Идя после работы в комнату, сказал Свете:

- Присядем.

Мы сели на лавочку на террасе.

Я хотел расспросить что за приколы с родителями. Но мы просто, молча, просидели часа два, смотря на лунную дорожку, простирающуюся через всё море к нашим ногам. И как-то по-особому пахли розы. И мирно шептались у нас за спиною цветы. Море в ожидании прекратило шелест волн.

Мы замёрзли. Встали и молча пошли спать.

Следующим вечером я успел заскочить в комнату и взять своё одеяло.

Так, на террасе и просидели до утра.

Когда из нашей комнаты, тихо перешёптываясь девчонки пошли на кухню, работать, мы отправились спать.

Какой уж тут ездить домой?

Вечерами дискотеки, прогулки, танцы. Днями прогулки по центру или на рынке. Вместо обеда арбуз расколотый по полам об коленку и съеденный под улыбки прохожих и собственный смех без единого столового прибора. Просто руками и зубами.

Все ночи на террасе под одеялом. И говорили. Говорили. Говорили.

О звёздах. О мире. О жизни, ожидающей нас. Мечтали. Говорили и целовались.

Целовались везде. И в холодильнике, заскочив на секунду за нужным продуктом. И на раздаче, пока один клиент сменял другого. И даже в море, выходя иногда поплавать вместе.

Про нас много судачили. Говорили разное. Но мы были счастливы только тем, что есть друг у друга.

Ну и как обычная любовь – она не могла пройти без огорчений.

В августе Свету отправили в отпуск.

Тут уж на все выходные в город.

Правда родители не отпускали Свету на ночь в город гулять. Но мы были счастливы и тем что сидели на лавочке возле её дома.

Лето кончилось. Прощай «город-герой» Николаевка. Я вернулся в свой технткум. Света ещё немного дорабатывала в пансионате, а потом вернулась на свою прежнюю работу. Но все вечера всегда оставались нашими.

И пришёл месяц ноябрь. И была свадьба. А через год с небольшим у нас родился первинец.

Продавец кукол

Козлов Владимир

1.

Тихая и размеренная жизнь небольшого провинциального городка была нарушена громкой музыкой, доносящейся из проезжающего по улицам огромного трейлера, который тянулся за новейшим тягачом Peterbilt 579. Автомобиль был выкрашен в черный цвет и в его лакированной поверхности, как в зеркале, отражались близлежащие дома и случайные прохожие. Автомобиль остановился у недавно отреставрированного здания ратуши, теперь на нем красовалась вывеска «Магазин кукол Авонавилона», на двери висела табличка «Скоро открытие»…

Обветшалое здание ратуши долгое время стояло заброшенным, еще год назад оно выглядело обветшалым и готовым разрушиться. Власти округа уже рассматривали возможность его сноса, как вдруг нашелся человек готовый его выкупить и отреставрировать.

После этого начались странности, сначала вокруг здания появился высокий и глухой забор. Никто не видел, как его установили, вечером, когда жители близлежащих домов ложились спать, то видели из своих окон полуразрушенное здание, а утром вокруг здания был уже забор, причем даже жители последних этажей не видели, что происходит внутри.

Особо любопытные пытались исследовать это ограждение, но они оставались разочарованными. Вблизи оказалось, что забор представляет собой монолитную конструкцию и в ней не удалось обнаружить даже дверей.

Местный бомж, чадя перегаром, пытался рассказать, что видел, как ночью вокруг здания бегала стая то ли собак, то ли койотов, потом они забежали внутрь здания и после этого забор вырос прямо из земли. Но все только смеялись над его рассказами и крутили пальцем у виска. Через неделю бомж исчез, и все решили, что он перебрался в другой квартал, так как тут стало шумно, и даже по ночам из-за забора раздавались звуки строительных работ.

Звуки работы техники раздавались непрерывно неделя за неделей, но ни один житель не видел, как подвозят строительные материалы или вывозят мусор. По городу ходили слухи, что под зданием ратуши были проложены подземные тоннели, или даже линии метро для эвакуации населения в случае войны и именно их используют строители, но документальных подтверждений этому в городских архивах не было.

Прошел почти год и забор исчез также неожиданно, как и появился, просто пропал как будто его и не было, открыв вид на полностью обновлённое здание. И вот теперь возле здания остановился длиннющий трейлер, площадь наполнилась звуками торжественной музыки, и торжественный голос объявил:

- Приветствую вас, гости и жители города! Завтра состоится долгожданное событие, открытие «Магазин кукол Авонавилона», это не просто магазин, а целый мир кукол! Здесь найдут куклу своем мечты не только девочки, у нас есть что предложить и мальчикам! Ждем всех Вас завтра! А пока приглашаем всех, и больших, и маленьких, на небольшое представление!

В этот момент двери бывшей ратуши открылись и на площадку выбежали артисты и клоуны. До вечера с площади доносились звуки праздника и детский смех. Рано утром трейлер покинул город в полной тишине.

2.

- Мама! Папа! Вставайте быстрее, сколько можно спать, сегодня же открытие

магазина! Пойдем пораньше, пока весь город к магазину не пришел, - десятилетняя Алина прыгала на кровати родителей, пытаясь их разбудить.

- Алиночка, сколько времени? – спросила, открыв глаза мама, и посмотрев на часы продолжила, - Всего шесть утра, магазины в такую рань не открываются, ложись поспи еще.

Но девочка не думала отступать и надув губки сказала:

- Мама, а кушать хочу.

Этого мама уже проигнорировать не могла, пришлось вылезать из-под одеяла и накинув халат идти на кухню. Алина с радостным видом проследовала за ней, оставалось придумать как вытащить из кровати еще и папу.

Поставив на плиту кастрюльку и налив в нее молока, мама спросила:

- Как спалось сегодня?

- Опять бабушка приснилась, - начала Алина, - я пытаюсь с ней говорить, а она молча смотрит на меня, потом показывает рукой на зеркало и что-то пытается мне сказать, но я ничего не слышу и вижу только как она шевелит губами, потом идет к зеркалу и через него выходит из комнаты.

- Может сходим к врачу, мистеру Грину? Ты сильно переживаешь из-за смерти бабушки, вот и видишь ее теперь каждую ночь.

- Нет, мам, не стоит. Все хорошо.

Женщина засыпала хлопья и размешав их выключила плиту и накрыла кастрюльку крышкой.

Немного погодя, когда девочка уже ела свой завтрак на кухню вошел и отец, потрепал дочку по голове:

- Что, не спится, егоза?

- Угу, сегодня же открытие магазина, давайте быстрее сходим и посмотрим?

После завтрака вся семья отправилась на прогулку, конечной целью которой был магазин кукол.

3.

Здание ратуши было построено в готическом стиле и представляло собой трехэтажное здание с высокой башней с часами по центру здания и небольшими башенками по краям здания. Перед окнами первого этажа находился ряд арочных колонн, фасады второго и третьего этажей были украшены скульптурами изображающих первых переселенцев и их борьбу с местным населением - индейцами. На площади перед зданием уже стояла толпа народа, все ждали открытия магазина.

Ровно в девять часов двери магазина распахнулись, и толпа сплошным потоком хлынула внутрь.

При входе в помещение Алина с родителями попали в огромный зал, по краям которого тянулись ряды колонн, с изображением различных животных. В конце зала была лестница, ведущая на верхние этажи. За рядами колонн первого этажа находились два крыла в которых находились стеклянные витрины. Алина потянула родителей в левое крыло и как только они прошли под арочными сводами, то оказались в еще более впечатляющем размерами зале с неисчислимым количеством витрин внутри которых находились куклы. У девочки от этого великолепия округлились глаза, и перехватило дыхание. Куклы были всевозможных размеров от практически миниатюрных пупсов до впечатляющих размеров с взрослого человека. Все куклы были одеты по-разному, от шикарных вечерних платьев до вполне повседневной одежды. Алина ходила между рядами витрин с открытым ртом, все куклы были разные, не было ни одного повторяющегося лица или одежды. При всем этом в глубине души нарастал необъяснимый страх, ей казалось, что она постоянно слышит какой-то шепот, доносящийся откуда-то изнутри витрин, но там были только куклы.

- Могу Вам чем-то помочь? – прервал ее размышления глубокий бархатный голос.

От неожиданности девочка вздрогнула и оглянулась, перед ней

Стоял высокий худощавый мужчина, одетый в черный фрак с бабочкой на шее, на голове у него была высокая шляпа. Своим видом он напомнил ей рисунки президента Авраама Линкольна из учебника истории.

- Позвольте представиться, я владелец магазина, Максимилиан Койот. - мужчина улыбнулся, но взгляд его оставался холодным.

- А мы с родителями пришли посмотреть, на ваш необычный магазин и может быть купить мне новую куклу, - ответила Алина и с надеждой посмотрела маме в глаза. – У вас очень необычный магазин, я еще не видела ни одной повторяющейся куклы, они все разные. Как вам это удается?

- Этих кукол делает одно индейское племя, живущее здесь неподалеку в одной из резерваций. Эти куклы очень особенные, если их взять в руки, то ощущаешь тепло живого тела. – Мужчина открыл одну из витрин и достал маленькую куклу. – Вот возьми, подержи.

Алина протянула руки и взяла в них куклу, она оказалась тяжелее, чем можно было бы предположить. Руки ощутили идущее от куклы тепло, это было так необычно, и ей даже показалось, что под пальцами она ощущает биение сердца. Она провела пальцем по щеке куклы и была поражена ощущениям, казалось, что это настоящая кожа. Восхищенная такой тонкой работой, девочка вернула куклу хозяину. Тот опять открыл витрину и поставил куклу на место, а когда уже собирался закрыть дверку взгляд Алины остановился на соседней кукле. Это была девочка лет семи с грустными глазами одетая в красную кофточку и джинсы, на ногах ее были кроссовки. Когда взгляд Алины пересекся с глазами куклы, она отчетливо услышала:

- Помоги! - она аж вздрогнула от неожиданности.

- А можно мне вот эту куклу, мистер Койот? – спросила она у мужчины, показав пальцем на куклу.

- Конечно можно, - в его голосе появились нотки удивления, он взял куклу и протянул девочке.

Немного подержав ее в руках, она повернулась к родителям:

- Мам, пап давайте ее купим?

- А сколько она стоит? – спросила мама, обращаясь к хозяину магазина.

- Видите ли, мэм, у нас благотворительный магазин. Фиксированных цен на товары нет, на выходе из магазина стоит почтовый ящик, положите туда столько, сколько считаете нужным. Все эти деньги пойдут на содержание резервации индейцев, изготовивших эти куклы.

На выходе Алина видела, как отец опустил в ящик несколько купюр, но ее не интересовала цена, она вновь соприкоснулась взглядом с куклой и опять услышала детский голос:

- Спасибо тебе, девочка. – она очередной раз вздрогнула и чуть не выронила куклу. Оглянувшись на магазин, она увидела, как его хозяин внимательно следит как они с семьей, уходят.

4.

До вечера Алина проиграла с новой куклой, она была восхищена ей. Кукла не только внешне была похожа на человека, но и имела практически такую же подвижность конечностей, даже каждый палец имел подвижность. Голоса куклы за все это время она больше не слышала и уже начала думать, что это ей показалось. Перед сном она посадила куклу на столик, стоящий у изголовья кровати и забравшись под одеяло уснула.

- Алина! Алина! Ты меня слышишь? - раздался детский голосок.

Сквозь сон девочка кивнула.

- Тебе надо бежать из этого города вместе с родителями, и чем скорее, тем лучше. Этот продавец кукол страшный человек. Везде где он открывал свои магазины остаются только города-призраки. Алина! Ты слышишь, что я говорю? Беги отсюда вместе с родителями, пока не поздно.

Девочка проснулась и уставилась на куклу, сидящую на столе.

- Ты умеешь говорить? – прошептала она, глядя ей в глаза.

- Нет, но ты каким-то образом слышишь меня. Я не знаю, как это возможно.

- Так ты живая?

- Я не знаю. Я когда-то жила в городе Джером, это был славный городишко. Отец работал на медном руднике, мама преподавала математику в местной школе. Однажды в городе, в здании старого отеля «Коннор», открылся магазин кукол. Для детей тогда устроили целый праздник, а спустя несколько дней в городе стали пропадать люди, целыми семьями… Однажды ночью я легла спать в своей комнате, а проснулась в каком-то подвале, рядом стояло высокой существо, внешне похожее на человека, но с головой койота и глазами, горящими как угольки в костре. В руках он держал тряпичную куклу и склонившись над спящей мамой отрезал с ее головы несколько волос. Вложил их внутрь куклы и зашил ее, после этого взял огромную иглу и проколол мамин палец. В этот момент мама проснулась и закричала от боли, но он крепко держал ее за руку. Пара капель крови упало на куклу, и она превратилась в точную копию мамы. Я хотела закричать, но все тело казалось парализованным, не получалось даже пальцем пошевелить.

- Ты наверно мне снишься, после смерти бабушки я стала слышать и видеть много странностей. – перебила ее Алина, - Наверно мне стоит согласиться с мамой и сходить к врачу.

- Возможно в этом и причина, что ты слышишь меня. Ты недавно перенесла смерть близкого человека…

- А что было дальше в твоей истории? Как тебя зовут?

- Я Саманта Джефферсон. Дальше начались жуткие вещи. Как только кукла окончательно превратилась в маму, ее тело высохло и стало похоже на мумию, и буквально еще через минуту превратилось в прах и рассыпалось по кушетке. Затем существо положило куклу в ящик и подошло ко мне. Внимательно оглядев меня, оно достало из коробки очередную тряпичную куклу и проделало все те же операции. Я все чувствовала, но ничего не могла сделать. Все тело было скованно и мышцы не слушались меня. После того как на куклу попали капли моей крови, я ощутила перемещение из своего тела в эту куклу и видела, как превращаюсь в мумию и рассыпаюсь по кушетке как пыль…

- Алина! Проснись! С тобой все в порядке? – услышала девочка, сквозь сон, и почувствовала, как ее тормошат за плечо.

Открыв глаза, она смотрела на маму, несколько секунд смотрела на нее непонимающим взглядом, а потом сказала:

- Да мамочка, все хорошо.

- Ты как-то беспокойно спала, стонала и вся вспотела. Точно хорошо себя чувствуешь?

- Да, мамочка, не переживай, просто дурной сон.

Когда мама вышла из комнаты, Алина посмотрела на куклу, она уже почти убедила себя, что это был просто сон, как вдруг опять услышала знакомый голосок:

- Почему ты ничего не рассказала маме? Ты мне не веришь?

- Я не знаю, как рассказать, я думала, что это был просто сон…

- Доченька, с кем ты там разговариваешь? Пошли завтракать. – донесся голос с кухни.

Алина вылезла из-под одеяла и надев тапочки пошла на кухню, прямо в пижаме. За завтраком мама поинтересовалась, что же такого ей приснилось, и Алина вкратце рассказала ей свой сон.

- Ты заставляешь меня волноваться, может всё-таки сходим к врачу?

- Давай сходим, мамочка. – почти шепотом ответила девочка, и быстро проглотив медовые кукурузные хлопья, залитые теплым молоком, убежала в свою комнату.

***

Забежав в свою комнату Алина запрыгнула на кровать, и взяв со стола ноутбук положила его себе на колени. Первым делом она набрала в поисковике «город Джером» и нажала «поиск». И перейдя по одной из ссылок прочитала:

«Среди подобных городов-призраков одним из самых крупных является Джером в солнечном штате Аризона, обязанный своим появлением месторождению полиметаллических руд, ценнейшими из которых были медь, серебро и золото. После возникновения населенного пункта в 1876 году к 1920-м его население достигло почти 15 тыс. человек…

Джером расположился в 100 километрах к северу от Финикса, столицы и крупнейшего города штата. Благодаря легкодоступности руды его население росло чрезвычайно быстро, особенно после начала Первой мировой войны, значительно увеличившей спрос на медь. Джером сумел превратиться из унылого шахтерского поселка в полноценный город с капитальной кирпичной застройкой и полноценным набором городских учреждений: банковскими отделениями, отелями, церквями, магазинами, почтой, школой, барами….

С истощением месторождений и падением цен на производимую тут продукцию к середине XX века прибыльность местных шахт существенно снизилась. Рудники постепенно закрывались, и последний из них был законсервирован в 1953 году…»

- Сколько же тебе лет? –спросила Алина, глядя на куклу.

- В 1948 было 8 лет, с этого момента я не веду учет времени, и даже не предполагаю какой сейчас год.

- Сейчас идет 2019, тебе могло бы быть 71…

Алина еще почитала различные статьи, попыталась делать различные поисковые запросы и в конце концов отложив компьютер обратилась к кукле:

- Не смогла найти ничего про магазин кукол в этом городе. Все склоняются к версии, что люди сами покинули город. – Немного подумав она наклонилась к компьютеру и набрала очередной запрос в поиске.

- О! смотри что я нашла. Газета «Жизнь Джерома». – И стала пересказывать только что прочитанную новость, изредка подглядывая в монитор. - 15 сентября 1948 года в розыск была объявлена семья Джефферсонов. Отец семейства Дэн, должен был 13 сентября выйти на работу, но не вышел, так же в этот день пропала его жена Мэри и их восьмилетняя дочь Саманта. У своих родственников в Финиксе они не появлялись. Всем, кто владеет хоть какой-то информацией обращаться по телефо… - она заткнулась на полуслове, чуть погодя продолжила. - Тут есть фотография, мужчина, женщина и между ними девочка… точная твоя копия. Ты можешь видеть?

- Да я вижу все вокруг. Покажи мне, что ты нашла.

Алина бережно взяла в руки куклу и поднесла к монитору. И услышала звуки рыдания.

- Да, это наше семейное фото, - услышала она сквозь всхлипывания.

5.

Мама с дочкой приближались к небольшому двухэтажному дому. В этом до-

ме жил семейный врач Льюис Грин, а часть первого этажа было оборудовано под клинику, где он и принимал пациентов. Подойдя к дому, они заметили, что двери распахнуты настежь, это было странно так как по близости никого не было видно.

Немного постояв у входа, мама предложила войти внутрь, и девочка согласно кивнув шагнула через порог вслед за ней.

- Мистер Грин, Вы дома? - громко спросила женщина.

В ответ стояла тишина. Из рабочего кабинета раздался шелест бумаги, девочка, подойдя к открытой двери заглянула внутрь. По всему полу были разбросаны бумаги, стол был опрокинут на середину комнаты. Стул наполовину свисал на улицу через разбитое окно, наполовину оставался в комнате.

- Мам, нам наверно, лучше вызвать полицию…

Женщина уже стояла за спиной дочери и набирала номер полицейского участка.

***

- Да что же это за день сегодня, это уже восьмой вызов за сегодня, и везде пропажа людей. – пробубнил себе под нос офицер, осматривая кабинет врача.

- И везде эти звериные следы, - продолжил он, сдвинув с пола бумаги.

На полу выделялись следы какого-то животного, вероятнее всего собаки.

- Ладно, вы пока свободны. – сказал его напарник вызвавшим их посетителям клиники, записав их показания. – Надо вызывать кинологов, пусть попробуют пройтись по следу. – Продолжил он, обращаясь уже к своему сослуживцу.

6.

Вечером за ужином собралась вся семья, Алина сидела, уставившись в одну точку и ковырялась вилкой в тарелке со спагетти.

- Может всё-таки уедем из города? – с надеждой спросила она.

- Как же мы уедем, у нас с папой работа, у тебя учеба в школе. Теперь еще и этот случай с врачом, нас как свидетелей могут в любой момент вызвать в участок.

- Мам, вчера полицейский же сказал, что это не первый случай, а сегодня у нас в школу не пришло пятеро детей. Двое из них учились со мной в одном классе. Мы пытались дозвониться до них, но это не удалось.

- Может просто заболели, и лежат в постели… - пытаясь отвлечь дочь от мрачных мыслей ответил отец.

- Нет пап, учитель пыталась позвонить их родителям, но до них тоже не удалось дозвониться. Мам, ты рассказывала папе про мой сон с куклой? – Алина перевела взгляд на мать.

- Что еще за сон?

Алина в очередной раз пересказала все, что было во сне. Потом принесла ноутбук и показала найденную фотографию. В этом же выпуске газеты было еще несколько заметок с фотографиями о пропажах и других семей.

- Думаю мы сможем взять недельку выходных и съездить к твоим родителям, - сказал папа, обращаясь к своей жене. – Алине это не помешает, нам надо немного отвлечься.

- Давай попробуем, а позвоню маме, предупрежу что мы приедем на этих выходных.

- Мам, может лучше завтра с утра и поедем, до выходных еще почти целая неделя? – умоляющим тоном произнесла дочка.

- Нам с папой надо отпроситься на работе, потом еще и в школе надо написать заявление, узнать, что вы будете проходить в это время, что бы ты могла самостоятельно позаниматься и не отстать от одноклассников.

- Ладно мам, я пойду спать…

***

Следующим вечером вся семья опять собралась за столом. Алина сидела нахмурившись, было видно, что произошло что-то серьезное. Отец поинтересовался, что случилось.

- Наша учительница, мисс Макдауэл, пропала, ее телефон недоступен. Уроки сегодня вела директор школы. Может просто уедем отсюда, мне страшно.

- Мы подумаем об этом, - мама тоже выглядела обеспокоенной.

***

Ночью, когда Алина уже спала крепким, но беспокойным сном родители говорили у себя в спальне вполголоса.

- Тонни, может на самом деле бежать прямо с утра? У нас на работе сегодня тоже часть персонала не вышла. В полиции только руками разводят. Говорят, пытаются привлекать специалистов с собаками, но те всегда теряют след недалеко от площади рядом с этим злополучным магазином.

- Я тоже об этом думаю, Лиз. Я с утра пошел договариваться о б этом, не очередном отпуске, но секретарь сказала, что начальник уже пару дней как пропал и не выходит на связь. Его зам, сегодня тоже не вышел на работу. Давай с утра собираем вещи и бежим отсюда…

***

- Алина! Немедленно проснись! Они здесь, у тебя в квартире! Алина-а-а-а-а-а, просыпайся и беги, они в комнате твоих родителей, и ищут тебя…

Девочка стонала, ворочалась во сне, но проснуться у нее не получалось.

- Алина, проснись! Они уходят, им почему-то не удалось тебя найти. Проснись, твоим родителям нужна помощь!

Но эти призывы не давали эффекта, Алина продолжала свой беспокойный сон. Ей снилось что-то ужасное, и эти слова лишь накладывались на ее сон, отчего он становился еще беспокойнее…

Проснулась она только со звуком будильника, она села в кровати, вид у нее был разбитый. За окном было темно, по небу плыли темные свинцовые тучи, лил дождь и сверкали молнии. В квартире было подозрительно тихо и у нее по спине побежал холодок и тело покрылось мурашками.

- Алина, почему ты не проснулась, когда я тебя звала? Они были здесь ночью, но тебя почему-то не нашли.

- Мне снилось что-то страшное, какие-то люди с масками животных ходили по нашей кварти… Мама! Папа! С ними все в порядке?

- Не знаю, я пыталась тебя разбудить, когда почувствовала их присутствие, но мне не удалось.

Алина выскочила из-под одеяла и побежала в спальню родителей. То, что она там увидела привело ее в ужас. Постель была перевернута и по всей комнате были звериные следы.

Немного успокоившись Алина позвонила в полицию и села за стол на кухне подперев руками подбородок. Монотонно раздавалось тиканье часов, но за временем она не следила, просто продолжала сидеть, смотря в одну точку. Из этого состояния ее вывел звонок в дверь.

На пороге стоял молоденький сержант полиции, на поводке он держал служебную овчарку. Алина пригласила его войти, с отсутствующим видом рассказала, что пропали родители.

- Что-то странное творится в этом городе, у нас в отделении тоже стали пропадать люди. Скоро и на вызовы некому будет выезжать. – сказал полицейский пройдя в комнату родителей.

Пока он осматривал комнату, девочка быстро переоделась и накинув теплую куртку ждала пока сержант осмотрит квартиру. Дав собаке понюхать следы, он дал команду идти по ним. Пес рванул к открытому окну. Но, квартира находилась на

четвертом этаже и за окном не было никаких карнизов, по которым можно было бы добраться до окна. Они вышли на улицу и прямо под окнами собака опять взяла след. На газоне виднелись следы очень похожие на собачьи, и их было очень много. Собака уверенно вела по следу, но как только вышли к площади у магазина кукол, вдруг встала и растерянно закружилась на месте.

- Как всегда, след теряется практически в одном и том же месте…

- А Вы не пробовали проверять этот магазин? Ведь все началось, как только он открылся. – робко спросила Алина.

- Проверяли, но ничего подозрительного не нашли. В подвале все заставлено ящиками с куклами, которые не поместились на витринах, вот и все что мы нашли. Тебе есть к кому пойти? Может временно поживешь в приюте?

- Нет, спасибо, я поеду к бабушке с дедушкой, маминым родителям.

- Хорошо, но, если что понадобится приходи в участок, поможем.

7.

Когда полицейский скрылся за углом, Алина пошла в сторону магазина. Изнутри доносились звуки веселой музыки, она открыла дверь и вошла внутрь. Посетителей почти не было, лишь несколько человек бродило вдоль витрин с восхищенным видом рассматривая кукол. Дойдя до лестницы на второй этаж, она остановилась, откуда-то снизу раздавались крики о помощи. Но она не видела прохода, ведущего в подвал.

Немного постояв она заглянула за лестницу и увидела там небольшую дверь, почти не выделяющуюся на фоне стены. Ручек на двери не было, и девочка не придумала ничего лучше, как толкнуть дверь. Дверь поддалась и с легким скрипом открылась. За дверью находилась винтовая лестница, ведущая вниз и скрывающаяся в темноте подвала, казалось, что она бесконечна. Крики о помощи стали громче. Алина переступила через порог и стала спускаться, дверь за ее спиной закрылась, настала почти полная темнота. Лишь откуда-то из ступеней шло легкое свечение, благодаря ему по лестнице можно было спускаться, не боясь оступиться.

Спустившись вниз она попала в комнату, где находилось с десяток кушеток и два ящика. В одном лежали тряпичные куклы, другой, по-видимому был практически пустой, и, чтобы заглянуть в него Алина прошла через всю комнату. В ящике на дне лежали куклы такие же совершенные, как и на витринах магазина, но разглядеть их лица не удавалось из-за недостатка света. За спиной раздался шорох, девочка оглянулась и застыла в ужасе, там стоял хозяин магазина.

- Доброе утро Алина, ведь тебя так зовут? Я был удивлен, что мои посыльные не смогли найти тебя, но теперь вижу причину.

- Кто вы?

- Ты еще не догадалась? Я Койот. – с этими словами он снял с лица маску, за ней оказалась голова животного, похожего на собаку. Алина хотела закричать, но от страха смогла издавать только хрипы.

- Не бойся меня, я не смогу причинить тебе вреда. Ты могла слышать о том индейские мифы, в которых койоты являются защитниками племен от колонизаторов. Вот я и являюсь одним из них.

- Что тебе надо? Верни моих родителей.

- Знаешь кто такой Авонавилона? Это «Великий Дух» в вере индейцев. Когда битва с колонизаторами была практически проиграна, верховные анжины всех племен собрались и провели ритуал обращения к нему с просьбой защитить их от уничтожения.

- Но колонизация давно закончена, прошли уже сотни лет. Почему ты появился только сейчас?

- У меня нет ответа на этот вопрос. Я просто появился и пока не закончу

предписанное не смогу остановиться, когда это произойдет я тоже не знаю. Если анжины смогут провести ритуал отмены вызова защитника, то, возможно, я смогу остановиться…

- Неужели никто не пытался остановить тебя силой?

- Это невозможно. Был такой шахтерский городок Сентрейлия. Там добывали уголь. По неосторожности я построил магазин прямо рядом с выходом породы на поверхность. Когда местные жители заподозрили в чем дело, они подожгли магазин. Тогда сгорели почти все куклы, какой крик ужаса тогда стоял… Ты же слышишь кукол? Понимаешь, о чем я говорю? – Он посмотрел на девочку, и она кивнула в ответ.

- Вместе с магазином огонь перебросился и на уголь, и по его прожилкам ушел глубоко под землю. Некоторое время жители думали, что беда их миновала, но они ошиблись. Да, я вынужден был покинуть этот город, но они сами себя уничтожили. Уголь продолжал гореть и в городе стали появляться провалы. Дым шел прямо из земли. В конце концов от перегрева взорвались емкости с бензином на заправках. Огонь тогда повредил только мою одежду, сам я остался невредим. Город этот сейчас тоже необитаем, там живет менее десяти человек.

- А что с моими родителями?

- Открою тебе тайну, они не твои родители, иначе мы бы с тобой тут не разговаривали. Как я вижу, они тебя удочерили, когда были по работе в одной далекой стране. Удивительно, но жители этой страны тоже пытались колонизировать наш материк, но у индейцев нет ненависти к ним. Все потому что, они не вели захватнических войн с нами, а пытались взаимосотрудничать, обучали наши народы судостроению и много еще чему. Жаль, что они вынуждены были покинуть эти земли.

- Не может быть, они бы мне рассказали об этом. Отпусти их!

- Отпустить их я уже не могу, но думаю, они собирались это сделать. А теперь мне пора за работу. Навредить тебе я не могу, но ты похоже можешь мне помешать. Извини, но я вынужден изменить время вокруг тебя.

После этого он погрузился в туман и растворился в воздухе. Алина стояла в пустой комнате. Все окружающие предметы пропали, не было ни кушеток, ни ящиков с куклами. Девочка побежала к лестнице и быстро поднялась по ней. Когда она подбегала к двери, то увидела, что у магазина опять находится огромный черный трейлер. Стая койотов загрузила в него последний фанерный ящик и запрыгнула внутрь. Высокий человек закрыл двери и повернулся в сторону магазина.

Алина стояла в открытых дверях и смотрела на происходящее.

-А, это ты? Не думал, что сможешь так быстро вырваться из ловушки времени. У меня есть для тебя подарок. – с этими словами он положил на тротуар небольшую коробочку, в подарочной упаковке, и сел в кабину грузовика.

Алина смотрела как огромная махина бесшумно тронулась с места и поехала к выезду из города. Город казался вымершим, почти во всех домах были открыты окна из них смотрела чернота. На город опускалась ночь, но света в окнах не было. Подойдя к коробке, она услышала знакомые голоса. Быстро разорвав упаковку и открыв ее, она села прямо на тротуар из-за того, что там увидела. Внутри лежали куклы ее родителей. Они просили у нее прощения, что не послушали ее просьб. В то же время они были рады, что она избежала их участи.

***

Оказавшись дома, Алина распечатала на принтере карту штата с указанием, где находятся резервации индейцев. Сложила в рюкзак запасы еды и положила сверху своих кукол. Она вышла из дома с твердым намерением собрать всех индейцев в одном месте, чтобы они провели обряд отмены и спасти население этого континента, пока он окончательно не покрылся городами-призраками.

Умирал Гриша Гольцман

Семён Баранов

1.

Люди, не знающие близко "усопшего", провожая в "последний путь", интересуются его возрастом. Получив ответ, они говорят: "А что вы хотите?", мечтательно разводя руками, или, растягивая слова, будто напевая: "Ему бы жить да жить...", качают в такт головой, устремив взгляд в никуда.

Друг Гриши Гольцмана как-то сказал ему, что в его возрасте умирать не стыдно…

Умирал Гриша Гольцман, лёжа в полутороспальной кровати, в отдельной комнате (он сам настоял на этом), ярко залитой лунным светом, слыша посапывание его любимой Сары, доносившееся из соседней комнаты…

Умирал Гриша Гольцман так, как мечтал умереть - дома, в одиночестве, ночью, чтобы ни Сара, ни безумно им любимые дети не видели его лицо, искривлённое трудно выносимой сердечной болью, разрывающей грудную клетку…

- Третьего инфаркта вам не перенести, - сказал ему доктор, выписывая Гришу Гольцмана из больницы. Гриша Гольцман улыбнулся, понимающе кивнул головой, и, сделав прощальный жест рукой, быстрым шагом пошёл к встречающей его Его Саре.

Как Гриша Гольцман гордился собой и как гордилась им Сара, когда, это было ещё до второго инфаркта, он исполнил свой "супружеский долг". На следующий день, выйдя из подъезда на прогулку, Сара назло, сидящим на скамейках по обе стороны дорожки, старушкам взяла Гришу Гольцмана под руку и прижалась к ней так, что он чувствовал тепло её пышного тела. Она преданно смотрела ему в глаза и улыбалась. В довесок ко всему, Сара пыталась выписывать попой восьмёрки. Когда они прошли мимо старушек, Гриша Гольцман оглянулся… Старушки молча смотрели им вслед завидущими глазами. Потом, выйдя со двора, они долго смеялись… Смеялись…

И сейчас, вспоминая этот эпизод, Гриша Гольцман попытался улыбнуться, но боль искривила губы…

Гриша Гольцман подумал о детях. Несмотря на то, что дети выросли, обзавелись семьями, Гриша Гольцман считал, что они всё ещё нуждаются в его защите. Эта "защита" была его тайной: он просил Бога, чтобы всё плохое, что могло бы их коснуться, Он отсылал бы к нему, Грише Гольцману. Просьба повторялась многократно. При этом он манипулировал руками, как бы отбирая это "плохое". И когда что-то внутреннее шептало "достаточно", Гриша Гольцман прекращал своё деяние. Если бы кто-нибудь увидел бы его в это время... Этот "кто-нибудь" с уверенностью сказал бы, что перед ним сумасшедший.

"Как жаль, - подумал Гриша Гольцман, - что я не смогу их больше оберегать… Хотя, кто знает, может у меня ещё будет такая возможность, находясь там, наверху…".

Гриша Гольцман считал самым ценным изречением для сохранения нравственности человечества, изречение "Momento more" ("Помни о смерти"). Шумеры, коим принадлежит авторство, вкладывали в него иной смысл, в отличии от смысла Гриши Гольцмана. Он считал, что изречение включает в себя все библейские заповеди. Прийти к смертному одру нужно, по возможности, незапятнанным, чтобы не дать душе терзаться в другом мире. Гриша Гольцман следовал этому принципу всю жизнь. Нет, он не был безгрешным. Он "любил" женщин… Но Сара стала его первой и последней любимой женщиной… Он был любителем выпить… Но не напи-

вался… Он за всю жизнь, как ему казалось, не сделал ни одной подлости… Гриша Гольцман был готов предстать перед Божьим судом.

Вдруг Гриша Гольцман почувствовал… У каждого человека в жизни случается что-то "вдруг". Гриша Гольцман всегда боялся это "вдруг". Он считал, что пусть уж не случится неожиданно хорошее, если есть шанс случиться чему-то неожиданно плохому. При этом он прекрасно понимал, что сие от него не зависит.

И так, вдруг Гриша Гольцман почувствовал, что кто-то присел на край кровати… И в то же мгновение куда-то ушла боль и стало легко дышать… Гриша Гольцман оглянулся и в лунном свете увидел человека. Он сидел боком к нему.

"Что у него за спиной? - подумал Гриша Гольцман. – Крылья!?"

Они встретились взглядом.

- Я твой ангел, - сказал ангел и в доказательство пошевелил крыльями.

- Я так и понял, - растерянно сказал Гриша Гольцман и попробовал сесть. Ему это удалось. – Значит у каждого человека действительно есть свой ангел…

- Да, но далеко не каждому суждено с ним встретиться.

- И чем я обязан этой встрече?

- Мы поспорили, - сказал ангел и боднул головой вверх, - и решили дать тебе шанс начать жизнь ещё раз с любого мгновения твоей жизни. Назови только дату, время и место… Если ты, конечно, этого хочешь. Ты можешь отказаться и умрёшь без боли.

-Поспорили на что? – спросил Гриша Гольцман.

-В настоящий момент для тебя это не важно. Ты только скажи, согласен ли ты воспользоваться предоставленным шансом?

Гриша Гольцман задумался.

- Я, пожалуй, соглашусь, - сказал Гриша Гольцман и посмотрел на ангела так, словно проверял, не пошутил ли тот.

Их взгляды встретились вновь.

- Хорошо, - сказал ангел. – Тогда скажи, когда и где ты хочешь начать новую жизнь.

- Девятого августа пятьдесят третьего года, в шесть часов пятнадцать минут вечера, в этом же городе, у ресторана "Ивушка".

Ангел положил руку Грише Гольцману на лоб... Глаза Гриши Гольцмана закрылись, и он почувствовал такую лёгкость, кукую, наверное, испытывает только душа, необременённая телом…

Вывеска ресторана "Ивушка", омытая дождями, как показалось Грише Гольцману, плакала потёками краски, встречая его. Это было самое популярное молодёжное место в городе, где до полуночи не смолкал смех, громкий подвыпивший разговор и музыка джаз – бэнда.

- Гришенька, - навстречу ему шла Клава, - а мне сказали, что час тому назад ты встретил Сару и вы ушли. Вот вруны…

- Я ошибся! - прошептал Гриша Гольцман. - Я ошибся на целый час…

- Гришенька, - Клава подошла и прижалась к нему так плотно, что казалось её упругая грудь оставит вмятины на его груди. Она обвила его шею руками. – Вспомни, Гришенька, как нам было хорошо вместе, как, просыпаясь по утрам, нам не хватало ночи любви…

- Клава, - Гриша Гольцман сжал её лицо ладонями и, глядя в глаза, говорил надрывным шёпотом, - он оставил мне память о прошлой жизни и, зная что я промахнусь во времени, предложил новую… Зачем?

- О чём ты, Гришенька? – Клава смотрела на него испуганными широко открытыми глазами.

- Он сказал, что они поспорили… На что?...

- Кто "Он", Гришенька? – Клава опустила руки и попыталась отстраниться от

него.

- На мою совесть! – Гриша Гольцман разжал ладони и Клава, почувствовав свободу, со всех ног бросилась прочь.

- Они поспорили на мою совесть, - ещё раз прошептал Гриша Гольцман. – Они не понимают, что, если бы у меня осталась даже крупица памяти о моей прошлой жизни, я бы не смог предать её забвению... Господи, что мне делать? Как мне вернуться в свою жизнь?..

Гриша Гольцман долго бродил по старому городу, по тем местам, где встречался с Сарой, по бульварам и паркам, где они гуляли с детьми… У этой скамейки малыш упал и разодрал коленку. Он взял его на руки и крепко-крепко прижал к себе. Успокоившись, малыш положил головку на его плечо и уснул, изредка всхлипывая… А здесь маленькая собачка своим лаем испугала дочурку. Она бросилась к нему, обхватила ногу и уткнулась в неё личиком. Потом она всем рассказывала, как спряталась от собачки в его ноге…

Гриша Гольцман не заметил, как оказался на старом деревянном мосту. Он вспомнил, как в детстве ребята с его двора прыгали с него "солдатиком" в реку. В этом месте течение реки ровное, спокойное. До воды было метров пять. Не бог весть какая высота. Но тогда Гриша Гольцман так и не смог побороть страх высоты. Ребята над ним подсмеивались, называли трусом…

Со скрипом раскачивались подвесные фонари, освещая мост тусклым светом. На мосту, кроме него, никого не было. Гриша Гольцман взобрался на ограждение, постоял немного, прошептал: "Я не трус!" – и прыгнул вниз.

Когда Гриша Гольцман открыл глаза, он увидел ангела, сидящего на краю его кровати.

- Ну что, ты выиграл или проиграл? – спросил у него Гриша Гольцман.

Ангел ухмыльнулся ему в ответ.

- У меня к тебе просьба, я хотел бы умереть с улыбкой на лице… Чтобы Сара и дети не думали, что я с болью покидал этот мир.

Утром Сара зашла в комнату Гриши Гольцмана. Мёртвый Гриша Гольцман улыбался Саре счастливой улыбкой.

2.

"Где я? Почему вокруг кромешная тьма? Ведь только что я видел себя умершим… Неприятная картина. Ангел обещал, что умру с улыбкой на лице… Он сдержал слово… Но эта, так называемая, улыбка на безжизненном жёлтом лице… Жуть, просто жуть!

Знаю, что у меня есть руки и ноги, но я их не вижу... и не чувствую... Скажешь кому-нибудь – засмеют. Пытаюсь приложить ладонь к ладони – пустота. Коснуться рукой ноги… Пус - то - та… Может я просто потерял чувствительность, и её потеря является следствием моего нахождения в этом месте?..".

Я покрутился, надеясь найти ещё что-то кроме кромешной тьмы. И, как не странно, увидел яркую светлую точку. Я побежал, потеряв боязнь споткнуться и упасть. Сколько времени бежал сказать трудно, но вдруг остановился и подумал о том, что я совсем недавно умер.

"Ничего себе покойничек! А бегаю быстрее любого живого!".

То, что я бежал – факт, потому что точка становилась всё больше и больше.

"Может это туннель, о котором говорили люди, пережившие клиническую смерть. Если это туннель, значит, у него должны быть стены…".

И я пошёл в сторону стены, чтобы удовлетворить своё любопытство, выставив вперёд руки… А потом вспомнил о потере чувствительности.

"Ну, хорошо, дойду до стены, упрусь в неё… Но я не буду знать, что дошёл... Я даже не увижу её в этой тьме. Боже, чертовщина какая-то".

Я повернул лицо в сторону света, сплюнул и вновь побежал.

"Наверняка в то время, когда умер я, ещё умерло на Земле не один десяток тысяч человек. И что, для всех - отдельный туннель? Какое расточительство…".

Вдруг я подумал о том, что при потере чувствительности в этом туннеле может находиться множество умерших людей, спешащих к свету.

- Эй! – закричал я что было силы. – Кто-нибудь слышит меня?! Эй! Эй!

Я… не услышал… своего… крика…

Я шёл медленно, еле волоча ноги, но свет нёсся мне навстречу так, словно я увеличил скорость бега в несколько раз. Теперь он с точки превратился в размер большого окна. Меня почему-то не радовало его приближение. Наоборот… Пугало…

И вновь это "вдруг". Я почувствовал! Я почувствовал, что иду по мокрому песку… Я слышу шум прибоя, и морская волна коснулась моих ног. Коснулась и откатила, словно спрашивая: "Ну как? Хочешь ещё?". Потом накатила более мощная волна, и мои ноги погрузились в воду. Вода была прохладной. И от этой прохлады у меня защемило сердце…

- Сердце… - с иронией прошептал я.

Я увидел себя, идущего с Сарой по песочному морскому берегу босиком по краю волны. Солнце тонуло на горизонте, окрашивая небо в малиновый цвет. Я обнял Сару, и она обняла меня. Мы слились в поцелуе. Как был он вкусен. Моя рука коснулась её упругой груди, а пальцы другой нежно поглаживали спину, в поиске застёжки бюстгальтера. Её наманикюренные ноготки легко укололи мою спину. Мы опустились на мокрый песок. Я чувствовал себя желанным. Наше учащённое дыхание, сливаясь со страстью поцелуев, переходило в блаженный стон.

- Ещё… ещё… ещё… - шептали её губы.

Глубоко вздохнув, Сара протяжно застонала, тело задрожало и улыбка, Сарина улыбка – самая очаровательная, самая желанная, - осветила её личико. И я, пытаясь сдержать стон блаженства…

Потом появилось другое видение: Сара держит за руки ещё маленьких Лёлю и Колю. Они бегут по краю моря. Бегут ко мне! Солнечные лучи подхватывают брызги, вылетающие из-под их ног, и превращают в радугу. Они смеются и бегут. Но почему-то вместо того, чтобы приближаться, видение всё удаляется от меня, удаляется… и исчезает. Я тянул к видению руки, пытаясь ещё на мгновение задержать его…

А затем туннель выплюнул меня в абсолютно белый зал бесконечных размеров, заполненный обнажёнными женщинами и мужчинами. Вслед за мной из него выскочил, озираясь "дикими" глазами, высокий лысый мужчина крепкого телосложения. Рефлекторно он опустил руки, прикрывая производящий впечатление "агрегат". Мужчина попытался себя оглядеть, но ничего не увидев, махнул рукой, выставив его на обзор.

- Мы себя не видим и по-прежнему ничего не ощущаем. Зато видим других, а это уже хорошо, - сказал я ему и, улыбаясь, глядя на него, добавил: - Впечатляет.

- Если бы мы ощущали, - сказал он, оценив взглядом, находящихся в зале усопших, - то события в Содоме и Гоморре, показалось бы детской забавой.

Вдруг в толпе мелькнуло знакомое лицо. Не извинившись перед лысым мужчиной, я бросился бежать, пронизывая толпу словно призрак, вращая головой в поиске ЕГО.

"Потерял!".

Я остановился и, что было силы, крикнул:

- Ан-гел!... Ан-гел!

- Да слышу я тебя, слышу. - раздался тихий голос за моей спиной. – Что ты так кричишь?

Я смотрел на ангела и плакал… Или мне казалось, что я плачу. А плакал я,

потому что увидел знакомое лицо, потому что он слышит меня, и я его…

- Ангел, - прошептал я, - как рад тебя видеть…

- Вообще-то мне здесь быть не положено, но…

- Ты, наверное, много выиграл? – я смотрел в его глаза словно преданный щенок. – Смею предположить, что кроме меня тебя никто не видит…

- Твоё предположение верно.

- Скажи мне, ангел, ради чего мы прошли сквозь туннель и оказались здесь?

- Я скажу тебе, - ответил ангел, - хотя это ничего не изменит и останется только между тобой и мной, потому что скоро, совсем скоро тебя призовут… Тебя это пугает?

- Нет, - сказал я . – Меня уже нет. Я умер.

- А душа? Я же сейчас с ней разговариваю.

- Душа… Для чего душа?… Каково её предназначение?

- Ты хочешь знать ради чего живёт человек?... Самый распространённый ответ, чтобы отделаться от вопроса, – ради детей. А дети?.. Ради своих детей?.. И двигателем всего этого является секс… Человек работает, зарабатывает деньги для содержания детей, покупает еду для поддержания своей внутренней энергии и секса. Так чем человек отличается от животного?.. Но человек читает, сочиняет стихи, любуется цветами, вдыхая их аромат, мечтает, ездит за границу познать другую культуру, плачет, слушая музыку, любуется луной и звёздами… Всё это и, конечно же, секс, обогащает великое чувство - ЛЮБОВЬ, которое дано далеко не каждому. Это самый редкий дар Создателя человеку. ЛЮБОВЬ всеобъемлюща. Никто никогда не смог объяснить, что такое ЛЮБОВЬ… И не сможет. Это чувство можно только увидеть, - ангел посмотрел мне в глаза и добавил: - Ты обладатель этого дара и поэтому очень ценен Создателю. Но и те крупицы любви, которые есть в каждом человеке, ему тоже важны… Ты хочешь знать предназначение человека? В течение жизни человек накапливает

ЛЮБОВЬ и, умерев, отдаёт её Создателю. А Создатель маленькими порциями наполняет ЛЮБОВЬЮ души новорождённых. Сменится не одна сотня поколений, прежде чем появится множество людей подобных тебе. И тогда на Земле будет править ЛЮБОВЬ. Люди, покоряя пространство, поделятся ею со всей Вселенной… - ангел сделал паузу, а потом продолжил: - В туннеле душа очищается от ненужной "шелухи". Перед тем, как покинуть его, душа "стимулируется". Ты видел видения?

- Да… Это было прекрасно.

- Это как перед дойкой коровы - опытная доярка тёплой рукой поглаживает вымя, соски… Корове кажется, что её лижет телёнок, который через мгновение будет сосать молоко…

- Значит предназначение человека – дарить будущему поколению ЛЮБОВЬ? - прошептал я и добавил: - И это прекрасно!

- Гриша Гольцман! - прозвучал чей-то голос, и сверху спустилась стеклянная кабинка. Дверца раскрылась, приглашая меня вовнутрь.

- Ты проводишь меня, ангел?

- Если ты хочешь.

Я кивнул и вошёл в кабинку. Она начала подниматься, и я увидел, как ангел расправил крылья и полетел вслед за мной.

Я сидел окутанный трубками с присосками, передо мной стояла прозрачная ёмкость… Мой ангел смотрел на меня почему-то печальными глазами.

Я увидел, как ёмкость наполняется нежно-розовым цветом.

"Таким цветом улыбается ребёнок".

Чем больше наполнялась ёмкость, тем меньше у меня оставалось сил.

- Спасибо тебе, ангел, - еле слышно прошептал я.

- И тебе спасибо, Гриша Гольцман.

Бесы кружат

Дёмина Ольга

Татьяна Георгиевна была женщиной вдумчивой и крайне осторожной. Осторожной во всем – в словах, поступках и, более того, даже в мыслях. Как при таком раскладе ее угораздило выйти замуж – остается загадкой. Впрочем, спустя год после свадьбы, муж благополучно отошел в мир иной, оставив Татьяне Георгиевне трехкомнатную квартиру в центре города. И зажила Татьяна Георгиевна в этой квартире, как сказали бы в старину, наособицу. Работала она методистом в своем родном ВУЗе; ей посчастливилось занять эту должность сразу после получения диплома. В этом, конечно, ей помог будущий на тот момент муж, царствие ему небесное. Он был проректором института, и с его легкой руки, Татьяна Георгиевна координировала работу преподавательского коллектива вот уже без малого двадцать лет. За всю ее, спокойную и упорядоченную, жизнь не произошло ничего из ряда вон выходящего – такого, что могло бы нарушить ее душевное спокойствие.

Хотя две истории все же приключились – 6 лет назад ее затопили соседи сверху, а три года назад умер ее кот Винсент, названный так в честь Ван Гога. Нового кота она не брала, хоть и предлагали не раз. Второй раз переживать смерть любимца, пусть и через много лет, Татьяна Георгиевна была не согласна. Так или иначе эти две истории она воспринимала как происки некой темной силы, противоположной Богу. У нее и выражение было для таких случаев – «бесы кружат».

Тем удивительнее, при таком образе жизни, была предпринятая ею поездка в крупный торговый центр. Случилось это 31-го октября, как раз в канун заморского праздника Хэллоуина. Про этот праздник Татьяна Георгиевна совершенно забыла, и теперь корила себя за это. По дороге в торговый центр ей навстречу постоянно попадались веселые молодые компании, замаскированные под нечистую силу. Торговый центр тоже был украшен к празднику – все пять этажей сверкали электрическими гирляндами, повсюду были развешаны тыквы и летучие мыши. Играла музыка, кое-где проводились конкурсы, и, конечно, народу было море. Вообще, она в такие места не ходила, предпочитала недорогие магазинчики рядом с домом. Но вчера коллега сообщила о грандиозной распродаже зимних сапог – качественных, и почти вдвое дешевле, чем обычно. Как тут было не поддаться искушению? Тем более, что коллега наглядно продемонстрировала покупку, притащила сапоги на работу.

Татьяна Георгиевна поднялась на лифте на самый верх, нашла заветный магазин, и была жестоко разочарована. Модели, попадавшие под акцию, были исключительно на каблуках, а каблуки она не признавала категорически. Для виду походив немного по торговому залу, она отправилась в обратный путь. Было безумно жаль потраченного времени, лучше бы холодильник разморозила – вторую неделю льдом зарастает.

В центре торгового зала были установлены прозрачные шахты с панорамными лифтами. Татьяна Георгиевна впервые ездила в таком лифте, и, надо сказать, натерпелась страху пока поднималась вверх. Возникало ощущение, что ты паришь в воздухе безо всякой опоры. Она уже зашла в лифт, собираясь ехать вниз, как в последнюю секунду в кабину с разбега ворвалась девушка.

- Успела! – радостно выкрикнула она.

Татьяна Георгиевна придала лицу постное выражение и отвела глаза. Как и все скромные люди, она не любила проявления эмоций на публике. Девушка наполнила маленькую кабину густым ароматом лилий, которые держала в руках. Сильных ароматов, как и сильных эмоций, Татьяна Георгиевна тоже не любила, поэтому девушка ей определенно не понравилась.

Лифт медленно поехал вниз по стеклянной шахте, и почти доехав до четвертого этажа, остановился. Татьяна Георгиевна с девушкой переглянулись. Потом, не сговариваясь, стали нажимать все кнопки подряд. Лифт не реагировал. Напротив них, в соседней шахте, точно также завис лифт, ехавший наверх. Ну, может быть, чуть выше. Только в нем было больше людей.

- Хорошо хоть прозрачный, - простонала девушка, прислоняясь к стеклянной стене, - боюсь замкнутого пространства.

Татьяна Георгиевна, не только не боялась замкнутого пространства, она его, пожалуй, любила, в нем ей было комфортнее находиться. Вот высоты она боялась, поэтому старалась не смотреть вниз. Хотя бы пол в лифте, слава Богу, был не прозрачный.

- Говорят, когда лифт падает, нужно подпрыгивать, и тогда в момент удара об дно есть небольшой шанс находиться в воздухе, - жизнерадостно сообщила девушка.

- Наверное, сейчас все починят, - неприязненно отозвалась Татьяна Георгиевна. Сквозь стекло было видно, как к ним бежит человек в костюме с бейджиком и рацией в руках, наверное, охранник. Подбежав, он принялся что-то им кричать, но толстое стекло заглушало слова. Девушка стала показывать ему жестами, чтобы он написал на бумаге, и, кажется, он понял. Снова убежал, а вернулся с листом, на котором было крупно написано «Ждать 15 мин».

Вокруг людей, зависших между этажами в прозрачных кабинах, уже собралась толпа. Видимо, лифт действительно пытались починить, потому что в какой-то момент кабина дернулась и проехала несколько сантиметров. Девушка бесцеремонно уселась на пол, вытянув ноги в высоких сапогах на каблуках. Она явно собиралась где-то отмечать сегодня Хэллоуин – лицо было искусно разукрашено черно-белым гримом, в длинные темные волосы вплетены какие-то бусинки и блестки, и в целом это выглядело довольно эффектно.

- Садитесь, тетя, - она приглашающе махнула рукой с алыми длинными ногтями, - неизвестно сколько висеть тут будем.

Татьяна Георгиевна проигнорировала приглашение, лишь тяжело вздохнула и подумала про неразмороженный холодильник.

- Лилии ваши совершенно не в тему, - с укором сказала она девушке, - запах сильный.

- Это да, - легко согласилась девушка и достала из сумки бутылку виски, - жалко здесь курить нельзя.

Татьяна Георгиевна лишь недоуменно покачала головой.

- Вы что, это пить собираетесь? Здесь? – спросила она.

- Хотите? – девушка протянула ей початую бутылку, - стаканов нет, но я не заразная, не бойтесь!

И когда Татьяна Георгиевна отказалась, продолжила:

- Давайте хоть познакомимся. Я – Варя, а вас как зовут?

- Татьяна Георгиевна.

- Вы, наверное, учитель? – спросила Варя.

- Почему вы так подумали? – удивилась Татьяна Георгиевна, - Не учитель, но в каком-то смысле, пожалуй, да.

- Ну, у вас вид такой - учительский! – Варя рассмеялась, - очки, прическа, выражение лица.

Татьяна Георгиевна пригладила волосы, которые неизменно собирала в строгий пучок на затылке.

- А что не так с моей прической? – осторожно спросила она.

Варя как раз сделала глоток виски, закусила шоколадной конфетой, и задумчиво уставилась на Татьяну Георгиевну.

- Все, - решительно ответила она, - но для учителя нормально.

Следующие несколько минут они молчали. Татьяна Георгиевна привыкала к запаху лилий вперемешку с запахом виски. Варя разглядывала свой грим в маленькое зеркальце.

- Будете отмечать сегодня? – наконец спросила Татьяна Георгиевна. Стало интересно, куда едет вся эта разукрашенная молодежь.

- Да, сегодня концерт в «Сталкере»!

- В «Сталкере»?

- Клуб такой. Там сегодня молодые группы играют. Ну, и тематическая вечеринка. По поводу Хэллоуина. Я так, просто за компанию иду. Там мой бывший в одной группе играет, проходки дал, - разговорилась Варя.

- Муж? – уточнила Татьяна Георгиевна.

- Ага. Второй.

- А… а сколько их всего?

- Бывших два, - снова рассмеялась Варя, - а нынешний один!

Только сейчас Татьяна Георгиевна заметила у нее на безымянном пальчике золотое колечко.

- Сколько же вам лет? – поразилась она.

- Старая уже. Тридцать восемь. Через неделю тридцать девять будет. Седьмого ноября.

Татьяна Георгиевна уставилась на нее во все глаза, пораженная совпадением чисел.

- Что вы так смотрите? – спросила Варя.

- Мне тоже седьмого ноября будет тридцать девять лет, - медленно произнесла Татьяна Георгиевна.

Варя и Татьяна Георгиевна словно по-новому взглянули друг на друга. Варя смотрела недоверчиво, как будто не могла поверить, что они одного возраста.

- Вот это поворот! Я думала вам за сорок, если честно. Ближе к пятидесяти, - призналась она.

- А я думала тебе… вам не больше тридцати.

- Да, - протянула Варя, - неловкая ситуация. Как же вы так?..

И запнулась, но суть вопроса Татьяна Георгиевна все равно уловила: как же вы так ужасно выглядите в свои тридцать восемь? Во имя спасения своего душевного спокойствия она стала срочно думать про неразмороженный холодильник, но получалось плохо. Варя тоже смущенно молчала. Потом сделала еще один глоток виски и повторно протянула его Татьяне Георгиевне, которая в этот раз не отказалась. Виски обжег горло, но по телу разлилось бодрящее тепло.

- Да, Варя, - задумчиво сказала Татьяна Георгиевна, - вот как-то так. Всю жизнь не пила, не курила, питалась правильно, а вот… И мужа у меня нет. Был один, и тот умер. И кот тоже умер.

- И что вы, совсем одна живете? – сочувственно спросила Варя.

- Совсем.

- Знаете, что, - Варя начала рыться в своей сумке и достала оттуда блокнот с ручкой, - вот вам мой телефон. Вас же Татьяна зовут? Так вот, Татьяна, придете домой, оденьтесь нормально, ну, не знаю, волосы распустите, и приезжайте в «Сталкер». Я вас там встречу у клуба. И выпьем с вами, и покурим, и мужа нового вам найдем. Надо же когда-то начинать, правильно?

Татьяна Георгиевна взяла листок с Вариным телефоном и адресом клуба, и в тот же миг лифт поехал. Едва они приехали на первый этаж, Варя схватила свои лилии и умчалась в туалет, крикнув на прощанье:

- Я буду ждать! Звоните!

А Татьяна Георгиевна, оглушенная и растерянная, поехала домой. Ее нико-

гда прежде не приглашали в клубы, и никогда прежде она не пила виски из горла с незнакомой девушкой. Как там Варя сказала? Надо ведь когда-то начинать? А почему бы и нет, в конце концов, холодильник подождет. Татьяна Георгиевна была словно в тумане, ничего вокруг не замечала и не слышала. Возможно, виной тому был глоток виски.

Зайдя в квартиру, она сразу подошла к шкафу, распахнула дверцы. Варя сказала одеться нормально, но что значит «нормально» в ее понимании? Подумав, Татьяна Георгиевна достала из шкафа длинное черное платье, которое она одевала один-единственный раз по случаю траура. Платье было строгое, полностью закрытое, но для вечеринки нечисти сойдет. Распустила волосы. Достала косметичку, к которой не прикасалась уже несколько лет. В тушь пришлось добавлять воды, а остальная косметика была вполне пригодна для использования. Все же, талант разукрашивать себя – в крови у каждой женщины, как редко бы она этим не занималась. Через полчаса на Татьяну Георгиевну из зеркала смотрела симпатичная ведьмочка, правда в очках. Не колеблясь, она сняла очки и преобразилась окончательно. Повседневный черный плащ пришелся к траурному платью как нельзя более кстати. Татьяна Георгиевна глубоко вздохнула и вышла из квартиры. Она чувствовала себя Маргаритой из романа Булгакова, которая отправляется на бал сатаны. Никогда раньше она не испытывала ничего подобного, ну, разве что перед экзаменами много лет назад. Пожилая соседка с нижнего этажа испуганно шарахнулась от фигуры, закутанной в черный плащ, и даже не поздоровалась. Скорее всего, не узнала.

На одном дыхании Татьяна Георгиевна доехала до клуба «Сталкер» и стала искать в кармане плаща листок с Вариным телефоном. Листок все не находился. И тут Татьяна Георгиевна вспомнила, что оставила его дома, на злосчастном холодильнике. Это был крах. Даже подумать о том, чтобы одной зайти в абсолютно незнакомое место, было немыслимо для Татьяны Георгиевны. Она стояла прямо у входа и беспомощно смотрела, как, так называемые, ведьмы и вампиры радостно заходят внутрь. Из клуба слышалась музыка и гул голосов. На улицу вывалилась развеселая компания.

- Эй, ведьмочка, поехали с нами! – задорно крикнули ей.

Татьяна Георгиевна поняла, что с нее хватит. Резко развернувшись, она почти бегом бросилась к метро.

Позже, сидя дома в любимом кресле, Татьяна Георгиевна пыталась осмыслить произошедшее. Сапоги. Лифт. Варя. Черное платье. Клуб. Что это такое было? Что за наваждение нашло на нее и заставило ехать непонятно куда и непонятно к кому? Еще и вырядилась как чучело. Татьяне Георгиевне было безумно стыдно за свой порыв. Стыдно за то, что представляла себя Маргаритой, что напугала соседку, что вообще показалась на людях в таком виде.

В который раз за день Татьяна Георгиевна вздохнула и прошептала:

- Бесы кружат… Не иначе, бесы…

Петины картинки

Дёмина Ольга

- Мне мерещатся всякие картинки! – с порога заявил Петя, едва зайдя в кабинет психотерапевта.

Психотерапевт, полный бородатый мужчина, восседал за столом и сосредоточенно что-то записывал.

- Присаживайтесь, молодой человек, - сказал он, не поднимая головы.

Петя сел, положил на стол карточку из регистратуры, МРТ головного мозга

и выписку из больницы.

- Итак, - врач наконец поднял взгляд на пациента, - для начала здравствуйте.

- Здравствуйте, - буркнул Петя.

Психотерапевт внимательно изучил Петину выписку из больницы.

- Черепно-мозговая. Средней степени тяжести, - прочитал он, - понятно.

Петю так и подмывало спросить, что именно ему понятно, но он промолчал.

- Ну, давайте знакомиться, - продолжил врач, - меня зовут Борис Анатольевич, я буду вас наблюдать некоторое время. Как же вас так угораздило, Петр Ильич? Написано – ДТП. Машина сбила?

- Сам упал, - ответил Петя, - с мотоцикла.

- Мда… и шлем не помог?

- Я без шлема был.

- Никто больше не пострадал кроме вас?

- Нет. Я один был.

Борис Анатольевич сокрушенно покачал головой и что-то записал в карточке.

- Что же вы так поздно ко мне пришли, Петр Ильич? Выписались из больницы месяц назад, а пришли только сейчас?

- Сначала все хорошо было, - угрюмо ответил Петя.

- Черепно-мозговые травмы, тем более такие как у вас, практически никогда не остаются без последствий, - психотерапевт погрозил Пете пальцем, - и не всегда эти самые последствия проявляются сразу же, бывает, что проходят недели, и даже месяцы, прежде чем травма напомнит о себе. Головные боли беспокоят? Сон нормальный?

- Боли иногда беспокоят, но не сильно, как у всех. Если погода плохая. Сон нормальный.

- Аппетит?

- Аппетит тоже нормальный.

- А теперь давайте-ка разбираться с тем, что вас беспокоит. Как вы сказали – видите картинки? Какие картинки? Как часто?

Петя подумал с минуту.

- Иногда несколько дней ничего не вижу, ну, в смысле, картинок не вижу. А иногда они мне целый день мерещатся, одна за другой.

- Что это за картинки, Петр Ильич?

Петя снова задумался. Вот как объяснить нормальному человеку то, для чего и слов-то не подобрать.

- Можно я пример приведу лучше?

Борис Анатольевич кивнул.

- Я к вам сейчас шел в поликлинику. По улице. Мне навстречу велосипедист ехал. А за мной какая-то бабуля шла. Велосипедист мимо меня проехал, и тут я слышу за спиной – грохот, крики. Ну, я сразу понял, что он эту бабулю сбил. Обернулся, смотрю – а ничего этого не было, понимаете?

- То есть, слуховые галлюцинации тоже присутствуют? – уточнил Борис Анатольевич.

- Получается, присутствуют, - согласился Петя.

- А еще какие картинки у вас бывают?

- Ну, например, иду я по улице, вижу женщину с коляской, в ней ребенок. И я вижу, как этого ребенка похищают у матери вместе с коляской. Или человек переходит дорогу, а я вижу, как его машина сбивает. Или как кто-то с лестницы падает, с самого верха.

- Я так понимаю, вы все эти образы видите только на улице?

- Все равно где. Когда вижу других людей, я про них эти картинки вижу. Хотя… не только про людей. Я на выходных был у друга на даче – я там про дом картинку увидел. Кто в нем раньше жил. А потом друг рассказал, что все так и было, как я увидел.

- А как вы увидели?

- Увидел семью, которая распалась. И поэтому дом продали.

Борис Анатольевич потер виски и снова стал что-то записывать.

- Какая длительность у этих… видений? - спросил он, - Минута, пять минут, доля секунды?

- Скорее доля секунды. Я как-то в один момент это все вижу, будто мне фотографию показывают.

- Петр Ильич, получается, что вы видите только негативные ситуации, где происходит только плохое?

- Ну да, - Петя вздохнул, - иначе я бы к вам и не пришел. У меня иногда такое ощущение, что я чувствую эмоции других людей, но это не специально, не по заказу, это само собой получается, неожиданно. Чувствую их настроение, вижу их страхи. Ничего хорошего я ни разу не видел. Одно плохое.

- И началось это именно после аварии?

- Недели три назад это началось.

- Понятно, - снова протянул Борис Анатольевич, - у невролога были?

- Был. Вчера.

- А, да, вижу, есть запись, - Борис Анатольевич пролистал карточку, - это замечательно, Петр Ильич, что вы так хорошо отслеживаете свои галлюцинации, это поможет нам выбрать наиболее подходящую терапию.

- Доктор, пропишите мне что-нибудь, чтобы я ничего этого не видел, - попросил Петя, - невозможно уже смотреть.

- Пропишем, Петр Ильич, пропишем обязательно. Алкоголем, кстати, балуетесь? Может наркотики?

- Наркотики – никогда не пробовал даже. Алкоголь – очень редко, я же водитель.

- Это вы правильно, хвалю! После такой травмы, кстати, алкоголь вообще противопоказан, вы в курсе?

Петя уныло кивнул. Психотерапевт задал еще несколько вопросов, потом долго записывал что-то в карточке. Петя разобрал слова «посттравматическое расстройство» и «шизофреноподобный психоз», ужаснулся и пожалел, что вообще сюда пришел. Борис Анатольевич, словно уловив его настроение, улыбнулся и ободряюще сказал:

- Ничего страшного. Я выписал вам рецепт, купите эти таблетки, пропить нужно целый курс, там в аннотации почитаете. Через месяц забудете о своих картинках. А ко мне - милости прошу на следующей неделе.

Петя вышел на улицу, на яркое июльское солнышко, и пошел в аптеку. На светофоре горел красный свет, и Петя остановился. Рядом стоял мальчик лет десяти, на поводке он еле удерживал маленькую собачку, которая что есть силы рвалась перебежать дорогу. Внезапно у Пети перехватило дыхание – он явственно увидел, как этот мальчик неподвижно лежит на дороге, весь в крови, рядом дергается собачка и валяется синий мобильный телефон с треснутым стеклом.

В этот момент мальчик вытащил из кармана точно такой же, как видел Петя, синий телефон и посмотрел на время. Зажегся желтый свет. Собачка снова рванула поводок, и мальчик сделал шаг вперед. Плохо понимая, что делает, Петя схватил мальчика за шиворот. В ту же секунду мимо, на бешеной скорости, про-

неслась «Скорая помощь» с мигалками. Люди на переходе оторопели, но, слава Богу, никто еще не начал переходить дорогу. Собачка заскулила и ткнулась мальчику в ноги. Петя выпустил из рук воротник детской куртки и посмотрел на спасенного ребенка. Мальчик глядел на него расширенными от удивления глазами, похоже, он даже не понял, что произошло. Потом дернул за поводок и быстро перебежал через дорогу вместе со своей собачкой.

Ни в какую аптеку Петя, конечно, не пошел. Он сел на первой попавшейся скамейке и закурил.

- Так, - сказал он себе, - это все правда. Я все это видел. Я спас ребенка от смерти. Это было на самом деле. Это было.

Посидел, покурил, успокоился. Немного получилось взять себя в руки. Вспомнил, что у друга на даче он тоже все верно угадал про семью, которая продала дом. У них были проблемы с детьми, один сын был наркоман, другой - художник, который уехал жить заграницу. И в итоге родители остались одни – никому не нужными стариками.

Вывод получался неутешительный. Получалось, что после аварии, Петя обрел некий дар, и мог с помощью этого дара даже предотвращать трагедии. Другой вопрос – как с этим жить? Постоянно видеть вокруг боль и смерть – мучительно. Практически невыносимо. Так и с ума сойти недолго.

- И будет у меня тогда самый настоящий «шизофреноподобный психоз», - подытожил он. Поднялся со скамейки и пошел в аптеку.

На несколько дней картинки оставили Петю в покое. А потом он снова стал свидетелем несбывшейся трагедии на детской площадке. Несбывшейся потому, что в этот раз поверил своему видению и подошел к мамаше, которая болтала по телефону, не обращая внимания на свою дочь.

- Вы бы сказали девочке, чтобы не бегала рядом с качелями, - просто сказал он, - так можно сотрясение мозга получить.

Мамаша, не задавая вопросов, тут же стала звать своего ребенка, и Петя потихоньку покинул площадку.

Упаковка таблеток так и осталась нераспечатанной.

Ровно через неделю после первого визита, Петя снова зашел в кабинет психотерапевта.

- О, Петр Ильич, здравствуйте! – узнал его врач.

- Здравствуйте, - улыбнулся Петя, протягивая ему карточку.

- Как ваши картинки? Появляются?

- Нет, - соврал Петя, - как начал пить таблетки, картинки совсем пропали.

- Так быстро? – удивился Борис Анатольевич, - Что ж, значит, все было не так серьезно, как мне показалось! Я очень рад! Однако, как я верно назначил вам именно этот препарат!

- Да, теперь меня вообще ничего не беспокоит.

- Так и запишем, - Борис Анатольевич принялся строчить что-то в карточке, - если все хорошо, ко мне можете больше не приходить. Но если у вас возникнет хоть малейшее подозрение, что галлюцинации возвращаются, сразу бегите в поликлинику!

- Обязательно! – заверил его Петя.

Врач закончил писать и протянул Пете руку.

- Тогда всего доброго, не ездите больше без шлема!

- Ни в коем случае.

Петя пошел к двери, но на пороге обернулся и сказал:

- Борис Анатольевич, не подскользнитесь сегодня нигде.

И закрыл за собой дверь.

Влюбленные в небо

Комиссарова Татьяна

Пилотам и всем влюбленным в авиацию посвящается.

Глава 1

Мальчик лежал в высокой траве. Над ним висело огромное, страшащее и манящее, своей голубизной небо. В этом бездонном, завораживающем своей красотой океане, кружила, распластав крылья, птица. Стальная птица. Фюзеляж красиво поблескивал на солнце, шум двигателя разносился по небу, и словно устав, ложился на землю и кутался в густой траве.

Мальчишка достал обломок зеркала, поймал солнечный луч и вот в небо уже бежит строка «морзянки». Полетели в высь точки и тире: «Удачной посадки».

Самолет сделал поворот, махнув на вираже крылом, и начал снижение. Мальчик вскочил на ноги и побежал вслед за удаляющимся самолетом.

Вот сейчас он скроется за верхушками леса, а потом стрекот будет становиться все тише и тише, а затем и вовсе смолкнет. Он опять не догонит самолет и не увидит, как он садится на землю. А ведь так было интересно посмотреть. Несколько раз он ходил в ту сторону, откуда прилетал самолет, но в лесу одному было страшно и заблудиться он не хотел. Деревенские бабки рассказывали, что лет пять тому назад ушел в лес мужик и не вернулся. Поговаривали, что Леший унес.

Шум уже давно смолк, а мальчишка все стоял, закинув лицо к небу, в надежде, что самолет опять появится над верхушками леса. Но он не вернулся.

Еще постояв несколько минут, мальчик пошел в сторону села. Много раз он возвращался по этой дороге домой, но всегда он возвращался бегом, поднимая над собой серые тучи горячей пыли. Сегодня он шел спокойно. Он обдумывал свой поход к аэродрому. Он не знал сколько ему придется идти. На всякий случай он решил взять с собой горбушку хлеба с завтрака и пару сырых картошек. Костер разводить он умел, дрова в лесу можно было найти всегда. А Леший? Так он от него убежит. Мужик то тот, говорят, с поклажей шел. Куда же он убежит? А он молодой и ноги у него резвые. На этом он и закончил свои размышления.

В сарае отыскался перочинный ножик, найденный прошлым летом в овраге за селом. Мальчишка повертел его в руке, лезвие красиво блеснуло на солнце. Это была его гордость. Все мальчишки в селе ему завидовали. Он улыбнулся, закрыл лезвие и кинул нож в мешок. Порывшись еще немного в хламе, он нашел фляжку и огниво.

Со двора послышался мамин голос. За плечами у нее висел внушающих объемов мешок. Она тяжело поставила его на крыльцо и озиралась по сторонам.

-Леша! Да где же тебя носит!? Помоги в дом занести.

Леша засунул сумку со своим добром под поленницу и побежал к матери.

-Перебери грибы и помой, вечером приду- с картошкой грибов нажарим, а остальные на зиму засушим.

Лешка затащил волоком мешок в сени и заглянул внутрь. От грибов тонкой струйкой текла прохлада, аромат грибов смешивался с почти неуловимыми запахами мха и перепрелой прошлогодней листвы. С трудом перевернув мешок, Леша высыпал все на дощатый пол в сенях. Коричневые шляпки усыпали весь пол, маленькие, большие. Леша сгреб часть грибов в большую корзину и пошел во двор. Прихватив два ведра, он направился к деревенскому колодцу.

Возле колодца хвастались своими рогатками соседские мальчишки.

Алешка подошел к ним, деловито поздоровался со всеми. Он был старше их и считал себя взрослым. Ему осенью идти в школу. Как бы невзначай он сказал маль-

чишкам, что завтра пойдет к самолетам. Пара ребят начали проситься пойти с ним. Маленький Павлик стал совать ему в руку моток веревки. Хорошая бечевка. Толстая. Крепкая. Только вот хотел Лешка пойти сам. Он уже взрослый, а они еще маленькие. Какой с них прок, а если Леший? Он то сбежит от него, а они?

Набрав воды, он гордой походкой пошел домой.

К вечеру все грибы были почищены и развешаны на нитках под навесом. Белея боками, в тазике лежала картошка. Мать пришла совсем поздно. Лешка уже успел заскучать. Он так хотел расспросить ее о самолетах, но только мать появилась во дворе, он передумал. Мать опять начнет ворчать. Не любила она, когда он ее спрашивал про стальных птиц. Не понимала она, как это можно в небе летать. Всегда отвечала: «Это люди летают те, кому на земле не сидится. Их все в небо тянет. Не к добру тяга такая. Умрут рано». На этом их разговоры о самолетах заканчивались.

Скоро на столе появился горшочек с горячей картошкой, запахло в избе печеным хлебом, в кружках забелело молоко. Лешка всегда удивлялся откуда у мамы столько сил. Казалось, что она и не устает совсем. Всегда смеется, балуется с ним. Пошурудив угли в печке, она присела на лавку рядом с сыном.

-Знаешь, сегодня утку в пшенице на гнезде нашли. Утята вылупятся, к себе забрать можно. Заберем?

Лешка двинул плечами и немного подумав спросил: «Мам, птицы крыльями машут, а самолет как летит? У него же крылья не двигаются?»

Мать с укором посмотрела на сына. Отвернулась к окну: «Ну что тебе эти самолеты то сдались? Ну никому из деревенских эти самолеты не нужны. Ну летает он и летает! Один ты... как не от мира сего...» Она встала из-за стола и стала ходить по комнате взад-вперед.

-Поел? Давай умывайся иди. Куда хлеб понес?

-Во дворе доем- соврал Лешка.

Он прошмыгнул в сарай и сунул кусок хлеба в мешок. Там уже лежали картофелины и пара морковин, спертых с соседского огорода.

Глава 2.

На утро, заслышав скрип калитки, Лешка открыл глаза. С дороги слышались крики пастуха, веселый говор доярок, где-то заливался лаем пес. Начался новый день.

Полежав еще чуток, он соскочил с кровати. Пружины весело скрипнули в матрасе. Нужно поторопиться. Ему предстоит трудный путь, и тянуть время совсем не хочется.

Наспех позавтракав молоком с сухарями, он ринулся в сарай. Под поленицей его ждал походный мешок. Закинув его за плечи, он двинулся к калитке, но тут же опомнился.

- Вот встречу я тетю Фросю, спросит она куда я иду, потом со мной захочет. Кому не интересно посмотреть на самолет вблизи? А я сам хочу его найти. - думал Алешка, перебираясь через соседский плетень.

Вскоре он был у самых крайних дворов. Дальше простирался луг, а за ним в тумане голубел лес.

Лешка вышел на дорогу, и дорожная пыль обволокла сырые от росы ноги. Потоптавшись в пыли и оглянувшись на дома, он двинулся в путь. Солнце уже озарило верхушки леса, туман спадал, и неприятная сырость стала сменяться теплом.

Дорога, плавно сделав изгиб, ушла в другую сторону. До леса нужно было идти по густой высокой траве. Взрослому человеку она была по пояс, а Лешке доставала до самой шеи.

Не без труда преодолев высокую траву и вымокнув до нитки, мальчишка оказался в лесу.

Солнечные лучи еще не проникли сквозь густую крону деревьев. Среди берез

струйками лежал туман, и белые стволы, казалось, растворяются в нем, как-будто там и нет никакой земли, и растут они из самой этой молочной дымки. Лешка поежился. А вдруг из этой дымки выскочит Леший? Стало боязно, но вспомнив про самолеты, он приободрился. Теперь нужно было создать дальнейший план действия. Для начала Лешка решил разыскать тропинку.

-Ведь если люди ходят в лес, то и тропа должна быть. - Рассуждал он.- Пока пойду прямо.

Вскоре он вышел на хорошо укатанную телегами дорогу. Солнце уже поднялось высоко, и березы откидывали красивые узорчатые тени. Из придорожной травы слышался стрекот кузнечиков, иногда перед самым лицом пролетали мелкие пташки...

Лешка прибавил шаг.

- Вот и дорога, - Думал мальчишка.-нашлась. Теперь я точно выйду к самолетам.

Но дорога становилась все хуже и хуже, а лес - все гуще и гуще. Постепенно колея превратилась в узенькую заросшую травой тропинку, но Лешка не обращал внимание.

-Подумаешь, дорога исчезла...так ведь не каждый день к самолетам ходят...

Впереди показались кусты малины. Наевшись и набрав полный подол ягоды, он двинулся в путь. Теперь тропинки уже не было видно, и лес окружал со всех сторон. Среди берез стали попадаться сосенки, по которым проворно скакали белки. Прямо под ногами проскочили два проворных комочка и, озорно треща, взобрались на березу. Засмотревшись на них, Лешка зацепился за корень и упал.

Малина в подоле рубахи раздавилась и превратилась в сочную кашу.

-Ну вот! Растяпа! Как я в таком виде перед людьми покажусь? - Подумал Лешка.

Собрав горстями в рот раздавленную ягоду, он осмотрелся. Резко встал, и понял, что он не знает куда ему идти. Справа береза, слева береза, сзади и спереди сосны. Потоптавшись на месте, он глянул на корень...с какой стороны он споткнулся об него? Но листва оказалась сильно перерытой. Он снова попробовал споткнуться, но попробовав и так и этак, он оставил свои попытки. На макушку больно свалилась шишка, а следом раздался знакомый треск.

-Ух, зверюга! Из-за тебя я дорогу потерял! Вот из тебя воротник сшить!

Он погрозил белке кулаком и двинулся в путь. Вскоре березы исчезли совсем, и их место заняли сосны. Высокие шершавые стволы уходили вверх, а там на самой верхушке раскидывалась широкая крона.

Идти стало сложнее, ноги кололи опавшие шишки и иголки. Вскоре на ногах появились ранки и мозоли, которые кровоточили при ходьбе. Лешка присел и облокотился о ствол. Прислушался. Кругом тишина. Солнце уже закатывалось к горизонту, и в лесу стало совсем серо. Становилось тоскливо.

-Мама скоро с поля придет...а я что? А меня дома нет. Искать начнут...

В ногах загудело и он вспомнил про то, что деревенские бабки лечат нарывы и раны сосновой смолой. Разжевывают, а потом размазывают вокруг ранки. Вспомнил он и про Лешего. Как же без него?

Теперь в лесу было совсем темно, солнце освещало только самые верхушки деревьев.

Нужно было подумать о костре. Дров не было. Совсем. Но было много шишек, которые вполне сгодятся для костра.

Поужинав, Лешка решил ложиться спать. Но обернувшись, он заметил пляшущие по деревьям зловещие тени: вот из глубины леса появляется чья-то когтистая лапа, чьи-то зубы пытаются разорвать кого-то в клочья, а стена деревьев сжимается в плотное кольцо и вот-вот раздавит и сожмет его.

Решив, что в темноте он не увидит этих жутких теней, он засыпал костерок, и

тут же его окутала тьма, и почувствовался ночной холод, который тонкой проворной змейкой пробирался под одежду.

Упавшая в ночи с дерева шишка, заставила мальчика разжечь костерок снова. С ним спокойнее. Не подберется лесное чудище незамеченным. Всю ночь он не мог сомкнуть глаз. Всюду ему чудились Лешие и сказочные чудовища. Под утро он и сам не заметил, как забылся тяжелым сном.

Глава 3.

С первыми лучами солнца лес стал оживать: с ветки на ветку запрыгали сороки, где-то с верхушки сосны послышался стук дятла. Лес огласился веселым птичьим гомоном. Лучи солнца быстро сползали по стволам сосен к земле. Начинался новый день.

Сквозь сон Лешка услышал знакомый звук. Вот он, совсем рядом! Где-то за деревьями.

Он резко вскочил на ноги, и прислушался. Да. Сомнений никаких не могло быть. Это самолеты. Подхватив мешок, он пустился бегом на звук. Лес расступился неожиданно, открыв взору Алешки широкое поле.

Там на противоположной стороне поля стояли самолеты. С такого большого расстояния они казались совсем маленькими, почти игрушечными. Но вот один начал приближаться все ближе и ближе, Лешка даже немного испугался. «А вдруг не взлетит и в меня врежется?» Но только он об этом подумал, как самолет поднялся в воздух, и вот уже пролетел над самыми верхушками леса, оставив за собой колышущиеся ветви.

Лешка замер с поднятой головой: «Вот это да! Кому расскажешь- не поверят!»

Теперь можно было поворачивать обратно к дому, но как узнать дорогу? Да и потрогать самолет хотелось.

Мальчишка пустился бегом через поле. Вот они! Совсем рядом! Пробежать совсем немного!

Вдруг под ноги с веселым лаем бросился щенок. Лешка едва не споткнулся об него. Заливаясь веселым лаем, тот начал хватать зубами подол рубахи, виснуть на походном мешке.

Сзади послышался смех.

-Дружок! А ну хватит! К нам гости уставшие, а он сразу играть! - Парень подхватил песика на руки.- Ну и откуда ты такой чумазый взялся?-Парень уже обратился к Лешке.

Лешка смотрел на парня во все глаза. Зеленая форма, начищенная бляшка блестела на солнце, пилотка с красной звездой. Никогда еще в жизни Лешка не видел такой красоты.

Парень выжидающе улыбался.

-Ну чего молчим? Немой что ли? Пошли к командиру тебя отведу. Там разберемся откуда ты такой...

-Я самолеты пришел посмотреть. У нас над полем всегда один летает, но он высоко и его плохо видно, а я пришел хорошо его рассмотреть.

-Ладно, все с тобой понятно. Есть хочешь?

Только теперь Лешка понял, что ужасно хотел есть. С вечера он ничего не ел. А картошек, которые он съел вечером, даже не почувствовал. В животе громко заурчало.

Щенок, наконец вырвавшийся из рук, ринулся в сторону самолетов.

-Пошли. Горемыка. С какого поселка пришел? Тебя поди ищут везде.

-Антоновка. За лесом он. Точно где, не скажу. Заблудился.

-Разведчик из тебя никакой, скажу я тебе.

Показалось небольшое здание непонятного серо-желтого цвета. Ранее неза-

метное на фоне пожухлой травы, оно выросло неожиданно, словно появилось из-под земли. На крыльце стоял мужчина в такой же форме, только на голове была надета фуражка.

-Товарищ капитан, я тут гостя привел. Говорит самолеты увидеть хочет.

Капитан удивленно посмотрел на мальчишку.-Самолеты говоришь? - И тут же насупил брови. Из-за чего, те превратились в одну большую бровь.

Лешка попятился назад и спрятался за парня. В деревне эта фраза ничего хорошего не значила. Обычно после этой фразы нужно было скорее убегать. Но парень ловко вытолкал Лешку вперед. Теперь уже никуда не денешься. Бежать-догонят.

Но наказывать его никто и не собирался. Командир спустился с крыльца и присел рядом на корточки.

-У, да я смотрю глаза у тебя на мокром месте. Пошли в дом. Там и потолкуем, что теперь с тобой делать.

В здании было прохладно. На стенах плакаты с солдатами и самолетами. Проскочив короткий коридорчик, они остановились у распахнутых дверей. Командир легонько подпихнул Лешку в спину.

-Ну, давай, заходи, - гостем будешь. Где же ты так измазался?

-О корень споткнулся и малину подавил.

-Давай рассказывай откуда взялся. В деревне то тебя поди уже спохватились. Куда тебя везти теперь?

-Я вчера утром ушел. Думал к вечеру вернусь, а так и не вернулся. Заблудился.

-Лет тебе сколько?

На столе появился ломоть хлеба и банка с тушенкой.

-Семь скоро будет. Мне в школу осенью. - Лешка приободрился, пусть не думают, что он совсем маленький.

-Большой парень. - Мужчина улыбнулся и потрепал Лешку по голове. - Сейчас поешь и пойдешь отмываться.

За окном громко прогудели два пролетевших самолета.

-А Вы тоже летаете?

-Летаю. Курсантов учу летать. Так с какой ты деревни?

-Антоновка. - Лешка с трудом затолкал ломоть хлеба в рот.

-Ешь, ешь. Так ты давно значит на самолеты любоваться в поле бегаешь? И «морзянку» значит знаешь?

-Знаю. Меня дядя Паша-сосед научил. Он на войне был связистом. -Я зеркальцем всегда самолету удачной посадки желаю.

-Так вот кто такой добрый! -Капитан засмеялся. - Тебя как звать, добряк?

-Леша.

-А меня дядей Валерой зови. А теперь марш в душ.

После душа Лешку потянуло на сон, и он так и не дождавшись прилетевшего самолета, уснул на стоге скошенной травы.

Глава 4

Кто-то тронул его за плечо.

-Алексей Степанович, просыпайтесь.

Он открыл глаза.

-Сань, сколько время?

-Почти четыре. У нас рейс в восемь. Пора уже вставать.

Саня- второй пилот. Сегодня его пятый полет в роли второго пилота. Непоседливый молодой пацан. Ему сейчас все впервой.

Сколько таких "чижиков" было у него на стажировке? и сколько еще будет?

Алексей вспомнил себя. Еще не отпустившее сновидение навеяло на него детские воспоминания.

Каким ему тогда казался огромным Ан-2. Куча приборов в кабине. Детские глаза разбегались по приборной доске. Руки хотели все пощупать. Дядя Валера (жив ли еще?) не успевал отвечать на его детские вопросы, объяснял тщательно подбирая слова, чтобы он понял какие приборы для чего. Высотометр, радиокомпас, тумблеры, манометр давления... Столько неизвестных и непонятных слов проникало в его голову.

Тесная кабина, рассчитанная на двух человек. Если кто-то хотел зайти в кабину, то приходилось опираясь об арку двери, стоять в дверном проеме.

После "Кукурузника" были и другие самолеты: Яковлевы, Илюшины и вот теперь, - красавец Туполев 154.

-Алексей Степанович, Вам чай заварить? Или кофе?

-В аэропорту попью. Ты поел?

-Ага...

-Ну? К взлету готов? - Алексей Степанович хлопнул второго пилота по спине. -Пошли что ли?

***

И снова все то же манящее небо,
И снова высокий полет.
А там внизу на земле,
Мелкий мальчонка мечтает о небе,
И маме о "птице" вопрос задает.

Нити Купидона

Олива Ильяна

Купидон - лукавый почтальон любви.

Темноволосая девушка в бежевом халате сидела за столом и смотрела в окно, украшенное морозными узорами. Её ладони с синими ногтями грелись об кружку горячего шоколада. Она протянула руку к батарее и недовольно сморщила нос:

- Что за безобразие?! Среди зимы отключают отопление!

Поёжившись, девушка отхлебнула обжигающий напиток. Из коридора послышалось:

-Бры, как холодно! Нонна, тебе посылка!

Нонна клацнула кнопку электрического чайника, машинально поправила самодельную открытку, приставленную к хлебнице, и вышла в коридор.

- С праздником, мамуль! - она чмокнула маму в щеку, - От кого посылка?

- Не поверишь - от Купидона! Наверное, твой Шурик постарался!

- Пойду, открою!- радостно пропела она и схватила легкую коробку, - На столе моя открытка!

Нонна с лёгким румянцем на щеках, села на диван и принялась разворачивать подарок. Под оберткой нашла валентинку с необычными стихами:

Ночью в парке городском,
Кинь клубок перед собою,
И найдешь любовь свою!

Девушка с любопытством заглянула в коробку и нашла

клубок красных ниток, «Неужели, это от Шуры? Он у меня такой практичный! Хотя он знает, что я люблю сюрпризы. Может он приготовил особый вечер, на котором сделает предложение!» - с надеждой подумала Нонна. Ведь её так хотелось

детей, но Александр считал, что надо сначала встать на ноги. Девушка машинально взяла клубок в руку: «Тёплый! Как странно?!» Замигал сотовый, на дисплее высветилось: «Любимый » Смуглое лицо Нонны украсила нежная улыбка:

- Привет. Как ты хорошо придумал с подарком! Я заинтригована!

- Что за подарок? Никаких подарков, я не посылал! Будь готова к семи, я заеду за тобой!

Нонна сразу сникла, но чтобы не портить День всех влюблённых, протянула:

-Ладно. Люблю тебя! До вечера!

- И я тебя. Целую. - как-то буднично произнес он.

Отключив телефон, сердито прошептала:

-Циник!

Внимательно перечитав записку ещё раз, девушка сморщила лоб и задумчиво пробормотала:

- Кто же тебя прислал?

Из коридора послышался бас её подруги - Киры, Нонна опомнилась и стала одеваться.

Городской

центр в час пик, был полон шума и суеты. В воздухе сновали воздушные шары в форме сердечек. Какой-то мужчина нес роскошный букет роз. Морозный холодный ветер играл с мехом на воротниках прохожих. Подруги шли с тяжелыми пакетами из торгового центра. Кира накупила всего для романтического ужина с мужем, а Нонна - прелестный пеньюарчик. Усталые, но довольные, они сплетничали о мужчинах. Нонна рассказала подруге о странной посылке, на что та ответила:

- Глупышка! Ясное дело, Шура готовил тебе сюрприз, а ты его испортила!

Мимо них пробежал белокурый мальчуган и задорно подмигнул Нонне. Девушке показалось, что она его уже где-то видела.

Нонна недоумевающее оглянулась и увидела, что возле его ног скакали клубки разноцветных ниток. «Что за…». Из мечтательности вывел недовольный голос Киры:

- Нонна, ты меня слушаешь?

- Да, - растеряно произнесла Нонна, стараясь не упустить из виду «Повелителя клубков»

-Что с тобой? Я тебе говорю, зайдем в кафе, а ты- ноль эмоций! Нонна, ау!

Кира энергично дернула задумчивую подругу к крыльцу кафе. Нонна потеряла мальчугана из виду.

- Да что с тобой? Кого ты там увидела?

- Никого. Просто задумалась! Зайдём скорее, я замёрзла!

А сама подумала: «И всё-таки, жаль, что клубок не от Шуры!». Подруги зашли в уютное кафе. За столиками сидели влюбленные парочки, кто-то смеялся, ходили официанты. К девушкам подошел парнишка в фартуке и предложил пойти за свободный столик. Нонна взглядом зацепилась за целующуюся пару, мгновением позже, поняла, что это её Шура! Девушка, закусив губу, решительно подошла к ним:

- Привет, Шура, и что это значит?

- Саша, кто это?- нахмурилась русая незнакомка, отдернув руку.

- Никто, - глухо ответил он, - Видимо, девушка обозналась.

- Как, никто? - завелась Нонна, нависнув грозой над бабником, и выпалила, - Я твоя девушка!

- Это я его девушка…-растерянно произнесла незнакомка и заглянула в глаза ухажеру.

-А он -подлец!- подытожила Кира, подошедшая к ним.

Саша посмотрел на девушек и начал что-то выискивать в чашке кофе. Увидев Александра в ином свете, девушка подумала: «Да зачем он мне нужен?» Нонна с разочарованием отстранилась, взяв подругу под руку, заявила:

-Мне всё ясно. Мы уходим.

Когда они отошли от столика, Кира прошептала:

- И ты так просто сдашься? Откажешься от любви?

Нонна, закрыв глаза, прислушалась к себе, на душе почему-то стало легко, как будто сбросила тяжелую ношу, глубоко вздохнув, ответила:

- А любовь ли это…

- Вы же встречались два года!

- Знаю, - уныло пробубнила она.

Кира обняла незадачливую подружку:

- Да, ну этих мужиков! Пойдем, по пивку возьмем!

- Нет, я хочу домой.

- Ладно.

Нонна рассказала обо всём маме и заперлась в своей комнате. Ей не хотелось никого ни видеть и ни слышать, в душе была пустота. Она вытащила запрятанную коробку конфет, врубила «Yiruma» и села на диван. За окном шёл снег, «Как нелепо, расставаться в такой день!» - подумала она, - «Хотя и наши отношения были сплошной глупостью!». Девушка смотрела на падающие снежинки, и только через какое-то время, поняла, что шепчет те стихи:

Ночью в парке городском,
Кинь клубок перед собою
И найдешь любовь свою!

Нонна вспомнила того мальчишку с клубками и встрепенулась. «Кто это был? Таких совпадений просто не бывает!» - мелькнула мысль.

- Купидон, - вслух сказала она и быстро достала посылку из-под кровати.

- Я спятила! Точно спятила! - хмыкнула Нонна, взяв клубок в руку.

«Хм, обычный клубок ниток! И к тому же купидоны используют стрелы, а не нитки!» - размышляла девушка, усаживаясь за компьютер. Она забила в поиск фразу «Купидон с клубком» и, разумеется, ничего не нашла. Успокоившись, зашла в «контакт» и увидела одно сообщение от анонима…Черно-белую фотографию каких -то ворот с двумя статуями, одна изображала человека, другая купидона с клубком ниток. Нонна икнула от удивления, «Вот тебе и Амур!»

Во время ужина родители Нонны выглядели притихшими. Зажженные свечи горели как-то тускло и одиноко, в столовой царил полумрак и молчание. Отец сидел хмурый, мама иногда посматривала на дочь и тихонько вздыхала. Нонна не выдержала:

- Перестаньте! Я просто рассталась с парнем, что тут такого?

- В прошлый раз, ты неделю ничего не ела…- пробурчал отец, терзая вилкой отбивную, - Вот завтра поеду к нему…

- Стоп, пап, не надо никуда ехать. Из-за него страдать не собираюсь, - заявила девушка и нежно погладила отца по щеке, - У меня есть вы, чего мне ещё желать?

- Тебе нужна семья, - вздохнула мать и взяла её за руку, - Одиночество - страшная вещь.

- Знаю, - протянула Нонна, почувствовав слёзы на ресницах, - Я найду свою любовь!

Падающие снежинки покалывали щеки, Нонна шла на встречу с судьбой.

«Мне уже тридцать лет, а семьи нет...» - с грустью думала она, - «Почему-то в душе пусто, и уже давно! Даже рядом с Шурой чувствовала себя одинокой. Я хочу быть счастливой!». Шальной снег касался её лица, и налипал на мех воротника, она чувствовала себя девочкой, ищущей клад жизни. Светил фонарь, и сугробы волшебно искрились. Откинув

капюшон, сняв варежку, девушка принялась ловить снежинки. Ей захотелось танцевать под падающими хлопьями. Она задорно закружилась, расставив руки в стороны, пока не упала. Торжественную ночную тишину бесцеремонно нарушил её смех. Нонна начала подкидывать снег, вдруг нащупала круглый предмет, пригляделась - клубок, с трепетом засунула руку в карман - её клубок лежал там. Нонна подскочила и огляделась. Из темноты вышел невысокий парень и представился:

- Павел.

От бархатистого голоса, её сердце заколотилось:

- Ваш клубок?

- Да! Вы всегда танцуете под снегопадом одна?

Нонна смутилась, приглаживая волосы. Он подошел и взял её за руку:

-Станцуем вместе?

Любовь – две разноцветные нити в клубке жизни.

Замок Дождя

Олива Ильяна

- Иди за мной…

Я услышала голос Эдуарда и открыла глаза. С губ сорвалось удивление:

-Ух, ты!

Мы стояли перед кристально - чистой стеной дождя. Брызги от капель щекотали кожу. Рассмеялась от восторга и подставила ладони под хрупкие нити:

- Тёплый. Эду, где же мы?

- Наверное, во сне… - растерянно протянул муж и хмыкнул, - Мы же любим дождь!

Я стояла и с восторгом смотрела на эту красоту, а рядом был ОН - Чудо, которое я полюбила с первого взгляда и навсегда!

- Но как мы можем видеть одинаковый сон?!

Эдуард улыбнулся и указал сквозь дождь:

- Кажется, я знаю, что происходит. Иль, ты не боишься промокнуть?

- С тобой нет...

Мы вошли в дождь.

Рука в руке. Эдуард вёл меня сквозь дождь. Одежда приятно отяжелела. Откинув мокрые пряди назад, я огляделась: мы попали в светлый зал с полуразрушенным камином. Посмотрев на мужа, я громко рассмеялась. Он был похож на лешего: высокий, широкий, каштановые волосы слиплись и прятали лицо. Он отряхнулся и проворчал:

- Дождь люблю, а вот мокнуть…

Усевшись на деревянную скамью возле стены, мы отжали волосы и долго молча смотрели, как снаружи лил сплошной дождь. От каменных стен исходило сияние, словно в сказке. Хлопнув ладонями о край скамьи, Эду вздохнул и неожиданно рассмеялся:

- Чудесное, мокрое место! Не хочется уходить, не хочется просыпаться!

- Мне тоже… Что за странное место? Такое ощущение, что я тут уже была.

Эдуард обнял меня и объяснил:

- Верно. Мы были здесь вчера. Это развалины старого замка. Экскурсию помнишь?

- Подожди, если это сон, то, как ты вспомнил?!

Муж лукаво прищурился и загадочно произнёс:

- А если это не просто сон, а сон - легенда?

- Как это?

- Была одна традиция, если в день свадьбы шёл дождь, то молодые

должны станцевать под ним. Говорили, что небесные нити скрепляют влюблённых навсегда. Но традицию забыли, зато появилась примета, что если люди истинно любят друг друга, то им снится двойной сон, в котором, они попадают под дождь, и они должны станцевать, чтобы быть счастливыми…

- Тогда пригласи свою жену, - улыбнулась я.

Эду подхватил меня на руки и закружил. Прижавшись к нему, тихо спросила:

- А почему мы в замке?

- Ты же моя принцесса!

Страстный поцелуй был солёным, а его янтарные глаза согревали нежностью.

- А почему я не слышала о такой примете?

- А разве сейчас многие любят друг друга по-настоящему? Все ждут любви, все ищут любовь, но они закрыты от любви. Я считаю, что любовь должна менять человека к лучшему. Разве может быть любовь без доверия? Разве любовь может быть без ошибок и прощения? Любовь это не сказка, а сложное счастья…

Я задумалась, и поняла, что он прав.

- Сложное счастье… Значит, у нас всё по-настоящему…

- Да, мы умеем ловить мгновения счастья вдвоём!

Лялечка

Анастасия Рейфшнейдер

Любовь оглядела тесную, вымытую до блеска кухоньку. Декабрист на окне собирался зацвести, да и не мудрено- за окном вился колючий снег, облепляя крыши домов.

Всё было здесь с первого взгляда ладно - и нарядная клеёнка на столе, и ярко -голубая тюль, и даже котята на старом календаре, играющие с нарисованными клубками. Только фоторамка с черной лентой стояла на столе, выдавая недавние события.

Люба старалась не смотреть на портрет пухлощекой малышки. Ей казалось что глаза умершей дочери наблюдают за ней, подсчитывают каждый шаг, каждое движение.

Хозяйка растерянно вытерла руки об фартук. В соседней комнате гулко тикали часы. Больше никаких звуков не было в опустевшей квартире. Сын в школе, а муж…Вероятно он где-то заливал своё горе.

Любовь вытащила из холодильника сковородку. Через полчаса в гостях будет Таня, сестра мужа, а по совместительству лучшая подруга. Надо разогреть картошечку с грибами. А пока она шипит в масле, достать запрятанную бутылочку самодельного коньячка…

***

-Жуткая метель, да?- соседка Петровых улыбнулась Тане. Та согласно кивнула и потопала ногами: к новым сапогам прилип снег.

В подъезде пахло сыростью. Худой, полосатый кот прошагал Татьяне на-

встречу. Вопросительно мяукнул, взглянул слезящимися глазами и скрылся под лестницей.

В квартире брата пахло горелым. Татьяна испуганно дернула дверь- та оказалась открыта. Пробежав на кухню, облегченно вздохнула-. Пахла сгоревшая картошка.

Выключив газ, Татьяна с сочувствием взглянула на подругу. Пустая бутылка стояла под столом, а сама хозяйка спала, уронив голову на руки.

-Люба- потрясла она её.

Пьяная открыла глаза и вцепилась в куртку гости.

-Мне так плохо- проблеяла она.

-Ещё бы- усмехнулась подруга- Давай поднимайся, ляжешь на диван.

Дотащив хозяйку до гостиной и уложив её, Таня наконец сняла куртку, в которой уже основательно вспотела.

-Где Володя?- спросила она, хотя и так знала.

-Бухает где-то- Любовь залилась слезами- Уйдет он от меня.

-Что ты такое говоришь- принялась успокаивать её Таня- Да, сейчас тяжелый период, мне тоже жаль Олечку…

- Лялечка моя- Люба громко всхлипнула- Это все я виновата…

-Успокойся. Всякое бывает. Не повезло вам. Ну да не углядели за малышкой. У тебя сын растет зато.

Люба бессмысленно уставилась куда-то в сторону.

-Не углядели…- скривилась она- Да это я же её и задушила. Теперь чертовщина везде мерещиться. Совесть что ли.

-О чем ты говоришь?- у Тани бешено забилось сердце- Ты пьяная. Не неси чушь…

Люба вскочила с дивана. Пьяный взгляд её не сразу сфокусировался на подруге.

- Я её убила!- вдруг крикнула она, побагровев.- Брат твой, изменил мне! Сама видела как он с бабой какой-то в ресторане обжимался! Козёл! Пришла я выпивши… Сын ушёл. А тут эта орёт, мелкая. Орёт и орёт. Аж уши режет. Ну я и накрыла её подушкой. Этой самой кстати- усмехнувшись, ткнула в подушку около Тани. Та с ужасом глядела на женщину.

Люба прошла, шатаясь, на кухню. На столе лежал портрет лялечки.

-Уйди- хозяйка кинула фоторамку в угол. Та разбилась.

Таня вытащила телефон и начала лихорадочно набирать номер.

-Кому звонить собралась?- Любовь появилась в проходе. В руке был зажат нож.

Татьяна медленно попятилась. Обезумевшая шагала на неё.

-Я ему всю жизнь отдала. Готовила, убирала…А он к какой-то крашеной сучке решил уйти? Вот уж нет.

Татьяна уперлась спиной в сервант. Вот-вот хозяйка готова была опустить нож, но тут она уставилась на что-то сзади.

-Лялечка- прошептала она и дотронулась до блестящего стекла. Таня повернула голову- боковым зрением было видно что-то светлое. Был ли это просто блик или что-то еще, ей так и не удалось узнать. Любовь повалилась на пол, держась за сердце.

***

Муж, сын и сестра стояли перед двумя могилами. Одну уже замело- белоснежный холмик, с мягкими игрушками по бокам. А рядом- чёрная неопрятная груда земли. На ней небрежно лежало несколько алых гвоздик. Их лепестки всем троим напоминали кровь. Отец обнял за плечи сына и они пошли прочь. А Таня всё смотрела и смотрела на могилу лялечки, и думала, думала…

Точка памяти – Ураза-байрам

Семенов Виталий

Наша единственная национальность – человек.
Г. Уэллс (фантаст)

До Киевского Алексей Иванович ехать поленился и, даже зная, что народу будет много и придётся стоять большую часть пути, сел в родном Очаково. Да и то сказать, пока до вокзала, пока сквозь вокзальную толпу к кассам проберешься, потом опять мимо своей станции, уж лучше рядом с домом в электричку сесть. Багажа никакого, постоит малость, не развалится.

Алексей Иванович, войдя в вагон, понял, что зря поленился проехать до начальной станции, – народу тьма. Кое-как протиснувшись к переднему ряду сидений, он оказался в окружении молодых людей в тюбетейках. Узбеки, их язык, знакомый ферганский выговор.

– Садитесь, – сразу же предложили ему, и один из парней встал, уступая место пожилому пассажиру.

– Рахмат (спасибо), – ответил Алексей Иванович, и они перешли на узбекский.

Узбеки, молодые ребята, а кто же ещё может уступить место в общественном транспорте Москвы, только среднеазиатские работяги, недавно приехавшие в центр России и ещё не стремящиеся стать москвичами. Они ехали с Киевского и уже уступили место четверым пожилым гражданам. Алексей Иванович был пятым; последнее, шестое место в ряду было занято молодым человеком, также в тюбетейке. Рядом с ним стоял малыш лет четырёх. Ребенок сидеть не хотел, ему хотелось поиграть, но места было совсем мало, и мальчику приходилось лишь стоять рядом с отцом и разглядывать пассажиров.

Алексей Иванович, поблагодарив ребят, узнал, что едут они из мечети, ведь сегодня большой мусульманский праздник Ураза-байрам. А мальчика зовут Алишер, и едет он не с отцом, а с родным дядей Алимджоном. А родители у Алишера погибли во время майских событий в Андижане, да там прямо война была, сотни жертв. Нет, он не сирота, хотя и нет родителей, но у него полно родственников и без заботы ребёнок не останется. Вот сейчас Алимджон ездил за ребёнком на родину, тот у бабушки был, и везёт маленького Алишера в свою семью, в Обнинск, там пока живут. В мечеть зашли, а там земляки, тоже из Андижана, встретились.

И наконец молодые люди поинтересовались: откуда Алексей Иванович так хорошо знает узбекский, ведь сам он русский? Откуда? Из детства, проведённого в Андижане. Он трёхлетним ребёнком без родителей оказался в Андижане среди прочих эвакуированных детей, это было в сорок втором. Там он вырос, и да, не имея родителей и вообще каких-либо родственников, сиротой себя не чувствовал, его усыновил дедушка Юлдаш. Юлдаш-бобо заменил ребёнку и отца, и мать, и остальные полмира. И проведённые рядом с ним тринадцать лет сделали из маленького тогда Лёши человека и мужчину. В пятьдесят пятом Юлдаш-бобо умер, а Алексей Иванович уехал в Оренбургскую область на освоение целины. В Андижане был потом ещё несколько раз, последний раз в девяностом, и после той поездки решил больше не ездить. Да, всё так, подробно объяснять ничего не надо, эти узбекские ребята хоть и молоды, но прекрасно знают и про военную эвакуацию, и про тысячи усыновлённых узбеками сирот войны.

А про взрыв безумия в начале-середине девяностых, наверное, и сами помнят. Когда насиженные, а для большинства и родные места были вынуждены покинуть миллионы людей. Месхетинцы, корейцы, евреи, татары, армяне, немцы и наконец очередь дошла до русских. Срывались семьями, кланами, посёлками и кварталами, целыми народами, зачастую бросая дома и квартиры, забирая из всего нажитого за десятилетия скарба лишь то, что можно унести в руках. Что с вами случилось, узбеки? Вы стали лучше жить, изгнав соседей? Нет, но и этого было мало – изгнав нацменьшинства, узбеки стали изгонять за пределы своих госграниц киргизов, киргизы – узбеков, узбеки – таджиков, туркмены – узбеков. Веками жившие вместе и чересполосно народы стали вгонять друг друга в границы, нарезанные когда-то большевиками по своему, понятному только им разумению. Распад империи, это, конечно, объективный и закономерный процесс, но происходит он всегда за счёт тягот населения.

Алексей Иванович долго не мог поверить, что из его родного Андижана, из доброй, гостеприимной Ферганской долины узбеки изгоняют всех неузбеков. Быть не может, но вот, оказывается, может, даже очень может. Конечно, с уродством национализма он встречался и в детстве. Пара соседских мальчишек пробовала обзывать русского Алёшу свиноедом, но прознав про то, Юлдаш-бобо поговорил с их родителями, и ребятам пришлось извиняться. Так было тогда, в сороковых, в пятидесятых. А теперь узбеки, изгнав соседей, вынуждены ездить на заработки всё к тем же соседям. И где здравый смысл? Ничего этого Алексей Иванович, конечно, не высказал своим попутчикам, и так знают. Печально, обидно.

На следующей станции зашло ещё несколько человек, среди прочих – одноногий инвалид на костылях. Алексей Иванович, сидевший с краю, хотел уступить ему место, но его опередил находившийся напротив Алимджон, он встал, а маленького Алишера прижал к своим ногам. Алексей Иванович поманил малыша руками и усадил к себе на колени.

– Странно, – сказал Алимджон. – Ребёнок ни к кому из чужих не идёт, а ещё он после гибели родителей не разговаривает.

– Значит, я не чужой, пусть сидит, ехать далеко.

На следующей станции зашли ещё люди и, впуская их, ребятам узбекам пришлось пройти дальше к середине вагона. Маленький Алишер посмотрел было на отошедшего дядю Алимджона, потом – на Алексея Ивановича и успокоился. За окном ничего интересного не было, сидящих рядом пассажиров молчаливый ребёнок уже рассмотрел, заскучал, постепенно, ещё борясь со сном, стал смыкать глаза, прислонился к плечу Алексея Ивановича и наконец заснул.

Спи, малыш, спи. Вот так же, бывало, и маленький Лёша засыпал на руках у дедушки Юлдаша. Как давно это было, целая вечность прошла, а помнится всё до мельчайших подробностей. Только, пожалуй, воспоминания о далёком детстве могут нести с собой столько чувств и красок. Вся гамма цветов, запахов, звуков и вкусов складывается в каком-то особом, присущем лишь той точке памяти сочетании, которая врезается в твои воспоминания навсегда. А почему запоминается именно этот момент, зачастую и вовсе не понятно. Вроде ничего, что должно бы повлиять на твою жизнь, тогда не происходило, но с возрастом – а чем старше, тем чаще – человек мысленно возвращается к этим точкам детства, так глубоко и ярко засевшим в его памяти.

Точки памяти, так их называл про себя Алексей Иванович, они бывают светлые и тёмные. Точки счастья и несчастья. Точки несчастья – это точки попадания в катастрофы. На всю жизнь запомнилось то крайнее недоумение, просто «вскипание» мозга, когда, спокойно проезжая перекрёсток, ты вдруг слышишь непонятный грохот и видишь прямо внутри своей машины светящие на тебя фары чужого автомобиля, и только потом появляется физическая боль. Это когда в аварию попал, или когда на заводе взрыв газа был, и все открытые участки тела – лицо, шея,

руки – сразу же лишились верхнего слоя кожи. В один ослепительный и оглушительный миг, долю секунды, которую память может разложить во всех подробностях на части. Но это всё про тёмные точки, которые ты помнишь, очень ярко помнишь, но вспоминать не хочешь. И хранятся такие точки памяти хоть и на ближних полках, но лишь как напоминание, о том, чего надо бояться, чтобы подобные катастрофы не повторялись, и телу не пришлось опять страдать. Сюда не хочется возвращаться. А хочется туда, где тебе было хорошо, в точки счастья. Стареющий мозг, теряющий интерес и радость от очередного текущего дня, пытается снова и снова вернуть своего хозяина в то время, когда всё было интересно, колоритно, всё было внове, впервые, и само время казалось безразмерным из-за насыщенности событиями. В ранее детство.

Алексей Иванович посмотрел на спящего малыша, улыбнувшись, кивнул стоящему уже в середине вагона Алимджону: «Всё в порядке», и сам прикрыл веки. Нет, спать совсем не хочется, просто так лучше вспоминается. Пожилой человек иногда подпитывается энергией из своего детства, вспоминая о нём.

Первым воспоминанием из детства Алексея Ивановича были родители. Совсем не запомнились ни их лица, ни голоса. Ничего точного и достоверного, лишь тёплое, светлое пятно где-то в самых истоках сознания. Маленький Лёша сидит у мамы на коленях, а она разговаривает с папой. И все, больше ничего не запомнилось, лишь свет и тёплое счастье, идущее от этой первой и самой слабо ощутимой точки памяти.

Второй точкой был его приезд в Андижан. Очень хорошо запомнился тот ужас, который охватил Лёшу, когда он ещё в вагоне услышал нерусскую речь. Не русские, значит, фашисты, значит, надо прятаться, так крепко-накрепко вдолбили ребёнку-сироте, эвакуируемому из прифронтового города. И Лёша прятался, он залез в кучу каких-то тюков и чемоданов. А его вытаскивали оттуда и говорили уже по-русски, и руки у той женщины были мягкие, добрые, и улыбалась она по-доброму, по-настоящему. А в памяти, помимо этих деталей, осталось чувство огромного облегчения, испытанного от того, что он попал всё же не к фашистам, а эти люди, хоть и говорят иногда не по-русски, но бояться их не надо, они добрые, они помогут.

Как потом, уже постарше, Алёша узнал: в поезд, идущий до Андижана, его и ещё нескольких детей посадили в каком-то поле, их пересадили из остатков разбомбленного предыдущего эшелона с эвакуируемыми. Ни откуда шёл тот состав, ни кто были его родители и как их звали, никто не знал. Просто среди жути и хаоса, в ожидании очередного налёта «юнкерсов» беспризорных детей совали в вагоны подошедшего эвакопоезда. Куда угодно, лишь бы выжили. В Андижане у трёхлетнего тогда Алёши смогли узнать только его имя и фамилию, благо легко произносимую для ребёнка – Сомов.

Ни имён родителей, ни своего отчества, ни в каком городе проживал, замученный тяготами и ужасами войны ребёнок сказать не смог. Так и записали: Алексей – раз русский, значит – Иванович Сомов, рожденный в (скорее всего) 1939 году 1 мая (на следующий день праздник Первомая вся воюющая страна отмечала), в г. Андижан УзССР. Месяц он пробыл в каком-то детдоме, а потом его дедушка Юлдаш к себе забрал. Это всё Юлдаш-бобо позднее и рассказал подрастающему Алексею.

Пожилой Юлдаш работал помощником по хозяйству у некого Ташкенбаева, занимавшего пост не то начальника всего общепита, не то всех магазинов, а может, и того и другого в городе Андижан. Товарищ Ташкенбаев благодаря своему высокому посту имел двухэтажный дом с садом и бахчой, трёх жён, кучу детей и ослика. Всю работу по дому выполняли его жёны, заодно растившие детей вечно занятого руководителя, а вот всё, что росло на участке, ослик и ещё масса обязанностей были закреплены за жившим по соседству Юлдашем-бобо. Маленький Лёша тоже частенько

бывал на территории Ташкенбаева, казавшейся тогда огромной и сказочно богатой, он помогал дедушке и играл с детьми большого человека. И в памяти не осталось ни единой обиды на Ташкенбаева, его жён или детей. Алёшу там приняли очень хорошо и зачастую делились своим немалым по тем временам материальным достатком. Несмотря на ужасающие времена и условия, все как-то умудрялись жить мирно и даже счастливо.

Воспоминания Алексея Ивановича прервал контролёр, за ним шёл наряд милиции. Два молодых сержанта осматривали пассажиров, оценивающе оглядывали их багаж. Особенно придирчивы они были к людям в тюбетейках. У всех проверили и билеты, и паспорта, и ещё какие-то справки, и в сумки заглянули. Ни к чему так и не придравшись, прошли в следующий вагон. После их ухода стоявший в середине вагона Алимджон засунул документы обратно в висевшую на плече небольшую сумочку и, улыбаясь, вопросительно кивнул Алексею Ивановичу: «Спит?». «Спит», – утвердительно кивнул в ответ Алексей Иванович. Спит Алишерчик, намаялся, устал от чужих людей и дороги. Сколько ему, чернявому малышу, пятый год, наверное?

Где-то из этого же возраста было и самое яркое, самое чистое и сильное воспоминание из детства Алексея Ивановича. Его самая объёмная светлая точка памяти, к которой он всё чаще в последние годы возвращался, просматривая и смакуя каждый штрих своих ощущений.

Это был день Ураза-байрама. Дедушка Юлдаш заходит в их убогий, но до боли родной домишко, где сидит за маленьким самодельным столиком Лёша. На дедушке праздничная тюбетейка, золотисто-зелёная с ярко-синими узорами. Он пришёл от Ташкенбаева и принёс – нет, не подарки – сокровища. Настоящую школьную тетрадь в линейку и настоящие цветные карандаши. Карандаши шести цветов, восковые, яркие и пахучие, и это всё Алёше! Разве может быть счастье сильней, чем в тот миг? Товарищ Ташкенбаев, занимающий высокий пост и посещающий партсобрания, конечно, не имел права ходить в мечеть или совершать прилюдно намаз, но по доброй мусульманской традиции в дни больших исламских праздников делился с малоимущими своим честно заработанным, вернее, ниспосланным Аллахом богатством. Он раздавал соседям и знакомым угощения и небольшие подарки. Деду Юлдашу он дал пару свежеиспечённых узбекских лепёшек, килограмм баранины и тетрадку с восковыми карандашами для Алёши.

Ураза-байрам это счастье, самое большое и чистое счастье! Так и осталось в памяти: запах варящегося, умопомрачительно пахнущего настоящего мяса и свежеиспечённых лепёшек, запах карандашей, скрипящих по линованной бумаге, ярко-синие узоры на тюбетейке Юлдаша-бобо, и его негромкий старческий голос, объясняющий, почему танки нельзя рисовать красными: фашисты увидят и убьют Алёшу-танкиста. Но ведь так хочется сделать танк красным, как звёздочка на каске солдата с плаката, как наше знамя, как вся наша Красная армия. Но дедушка никак не соглашается, за Алёшу-танкиста переживает: «Если убьют, как же я без тебя останусь?», а сам хлопковые свечи зажигает и молитву непонятно читает. Юлдаш Низамходжаев потерял жену и дочь в тревожные и голодные двадцатые, а на сына, последнего родного человека, похоронку в начале сорок второго получил. «Нет, Алёша, тебя мне терять никак нельзя», – говорит дедушка после молитвы и вытирает увлажнившиеся (от старости, как думалось тогда) глаза. Но зато солнце Лёша нарисовал ярко-жёлтое, горячее, как в Андижане. Пока солнце рисовал, нечаянно всю лепёшку съел, но Юлдаш-бобо не ругался, ведь сегодня Ураза-байрам, день счастья.

Сколько лет прошло, десятков лет, но до сих пор, кажется, самым вкусным, что пробовал за свою жизнь, была та лепешка. Самым красивым – солнце из той тетрадки, самой яркой краской – синий узор на тюбетейке деда-Юлдаша, самым добрым и родным человеком – сам дедушка, а самым счастливым моментом всей жизни – тот самый день

Ураза-байрама. Конечно, в жизни ещё были другие праздники и события, то-

же яркие и светлые. Их было много: Новый год в школе, первый поцелуй с Ниной, будущей женой, их свадьба, комсомольская, в целинном посёлке, рождение дочери, получение квартиры, поездка всей семьёй на море, да много ещё чего набралось за долгие годы. Но почему-то больше всего хочется вернуться в то состояние, что было в памятный и счастливый день Ураза-байрама из сорок четвёртого года.

А в Наро-Фоминске вагон опустел, осталось лишь несколько человек. Вышли и все узбеки, остался один Алимджон. Ему и по-прежнему безмятежно спящему маленькому Алишеру ехать до Обнинска. Алимджон попрощался с выходящими из вагона земляками и подошёл к Алексею Ивановичу, глянул на спящего малыша.

– Я сейчас сумку поднесу и возьму его, вы, наверно, устали уже. Я сейчас.

Он пошёл к стоящей в середине вагона, где сам был до этого, большой клетчатой «а-ля челнок» сумке. В этот момент в почти пустой вагон залетело несколько молодых здоровых парней, по-спортивному одетых, с лицами, наполовину закрытыми повязками и капюшонами. Они подскочили к берущему сумку в середине вагона человеку в тюбетейке:

– Таджик?

– Узбек.

– Россия для русских! – и налетели на Алимджона всей сворой. Их было пятеро, но проворный и крепкий узбек не растерялся, первого ловко отбил точным ударом в челюсть, от второго увернулся, третьего пнул в пах, перескочил через ряд сидений. Ему бы сейчас из вагона, но Алимджон не мог оставить своего племянника, он обернулся, в руке одного из подонков что-то сверкнуло, и Алимджон, держась за грудь, стал как-то неестественно оседать на пол.

– Мокрый, ноги! – заорал один из нападавших, сорвал сумку с плеча жертвы, и все пятеро выскочили из вагона. Сразу же, но в другую сторону, из вагона выбежали те несколько пассажиров, что ещё находились в нём.

На переднем ряду сидений, у самого выхода, сидел Алексей Иванович с мирно спящим узбекским мальчиком-сиротой на руках, а в середине вагона, рядом с сумкой, лежал уже неподвижный Алимджон. Из левой части его груди торчала рукоятка отвёртки, а под телом растекалась лужа крови.

Всё произошло за несколько секунд, налётчики выскочили, пассажиры убежали. Пустой вагон, труп и он, Алексей Иванович, с чужим ребёнком, круглым сиротой на руках. И стремительно как молнии сверкающие мысли:

«Куда теперь его, в приют, в милицию, в узбекский центр какой, хоть к мечети подкидывай. Дурь! Сумку с документами утащили, малыш не разговаривает, концов никаких, куда его? В Обнинске искать вдову Алимджона, и куда ей, без мужа, ещё одного ребёнка?.. А ему куда? А мальчику куда? С собой взять? Да где ж ему, старому, а документы на него? Хотя дочь – директор детдома, всё решаемо. Но ведь он старый уже, жену год назад схоронил, свои внуки есть! А Юлдаш-бобо – что, молоденький был, когда его самого усыновил? А условия и возможности и сравнивать нечего. Нет же, это как снег на голову. Да, кстати, сегодня, хоть и пятница, выходной по всей стране, новый праздник ввели – День национального единства, сегодня первый раз отмечают. День 4 ноября, красный день календаря!.. Это тут при чём, что за ахинея, сейчас разве до этого? Куда его? А ещё сегодня Ураза-байрам, день счастья, вспомни, Лёша!»

Через несколько минут электропоезд пригородного сообщения остановился на следующей станции. Из его первого вагона выбежало несколько молодых людей, вскоре скрывшихся в близлежащих гаражах. А из, наверное, пятого вагона вышел пожилой мужчина без багажа, бережно, но крепко держащий на руках спящего мальчика лет четырёх. Алексей Иванович перешёл пути и стал ждать электричку в обратном направлении. «Ничего, Алишер, следующий Ураза-байрам останется самой светлой точкой в твоей памяти. Это я тебе обещаю. Хорошо, что ты ещё спишь и ничего не видел. Всё будет хорошо, мой мальчик».

Подарок

Семенов Виталий

– Юзишь?

– Хайпую. Морозы вот обещают, на целую неделю. А ещё, оказывается, Россия занимает первое место в мире, в процентах к общему числу населения, по смертности от онкологических заболеваний.

– Это не про тебя, закругляйся, подъезжаем.

Владимир Михайлович взял из рук жены планшет и, продолжая

рулить, сунул гаджет в бардачок автомобиля. Они подъехали к шлагбауму областного онкологического центра, Владимир Михайлович попросил охранника пропустить их к крыльцу здания, чтобы усадить тяжелобольного пассажира в коляску. Подкатив к самому крыльцу, пошёл за коляской. Потом супруги долго выгружались. Вера Андреевна кряхтела, стонала, ей было очень больно, но наконец с помощью мужа она переместилась с переднего сиденья машины в больничную коляску.

– Поехали, Веруша, может, сейчас и без очереди где пройдём.

– Это как получится, я потерплю, мне не больно. Ты себя береги, Вовуша, тебе ещё обратно ехать.

Очередь в регистратуру была огромной, но их пропустили вперёд. Оказалось – регистратура не та, надо в другую. Снова очередь, но и здесь, глянув на сидящую в коляске Веру Андреевну, опять все расступаются. Толстая медицинская карта больного, полис, дополнительные справки, направления, паспорт, и им дают номерок к врачу. Лифт, запутанные коридоры, дверь искомого кабинета и нескончаемая очередь. Дедушку, хотя на вид ещё и крепкого, но везущего перед собой коляску с бабушкой, смертельно больной бабушкой, пропускают и здесь. Тут нет здоровых, без веских причин никто не будет сидеть у кабинета онколога, но ни у кого из сидящих, стоящих, бродящих перед этим кабинетом нет таких глаз, как у этой бабушки. Они чуть навыкате, чуть покрасневшие, но главное – они не здесь. Обладатель таких глаз уже не здесь, тело ещё дышит, двигается, человек ещё разговаривает, чего-то желает, на что-то раздражается или пытается шутить. Но любому, кто встретит этот нездешний взгляд, становится ясно, что человек уже обречён, он уже, по сути, там, за чертой жизни, и ничто не вернёт его обратно. У всех присутствующих ещё не всё так печально, они полны надежд и планов, они верят в медицину, собственные силы и заступничество Высших сил. А эта бабушка… «Идите, идите вперёд, мы вас пропускаем без очереди». Их великодушие основано на том, что кому-то гораздо хуже, чем им, и вообще, с ними такое невозможно, они другие. А умирающую бабушку, по её нездешнему, уже не земному и не вполне человеческому взгляду понятно, что умирающую лучше пропустить вперёд. Чтобы самому не расстраиваться, чтобы продолжать верить в медицину, свои силы и заступничество Высших сил, которые, конечно, помогут, а как же, на то они и Высшие.

Владимир Михайлович поблагодарил очередников за сочувствие и закатил коляску с женой в кабинет онколога.

– Слушаю. – Чернявый мужчина средних лет, с усиками, в белом халате лишь мельком глянул на больную и обратился к сопровождающему: – Давайте бумаги посмотрим.

– Вот доктор, нам сказали, что подозрение на туберкулёз.

– А у меня даже кашля нет, и болят не лёгкие, а спина и ноги.

– И ничего толком не объясняют.

– И чего меня к вам направили, когда мне к хирургу или невропатологу надо?

– И куда нам теперь?

Доктор поморщился и попросил говорить кого-то одного:

– Извините, давайте только вы будете говорить, – обратился он к Владимиру Михайловичу. – Коляску в коридор вывезите и всё спокойно расскажете.

– Да, да, сейчас, Веруша, подожди меня в коридоре, так доктор, наверное, лучше разберётся, а то мы и правда налетели на него, галдим и мешаем сосредоточиться.

Владимир Михайлович вывез жену в коридор и опять вошёл в кабинет. Врач, теребя усы и листая карту, обратился к нему:

– Ну что вам сказать, это ваша жена? Вы, кстати, масочку наденьте, пожалуйста, вот на тумбочке коробка стоит.

Владимир Михайлович послушно взял медицинскую маску и надел её.

– Мне, доктор, правду скажите.

– Рак лёгких, четвёрочка. Не знаю, стоит ли делать облучение, химию она уже не выдержит.

Владимир Михайлович сел:

– Как рак, как четвёрочка, как лёгких? Как это?

– Да вот тут всё указано, и направили вас правильно, и УЗИ, и анализы, и снимки, всё верно – рак лёгких, четвёртой, последней стадии. Почти полное поражение правого лёгкого, его уже, считай, нет, от печени тоже ошмётки остались, химию не выдержит, к тому же она гепатитом болела, так?

– Да ведь это ж давно было, просто она не могла переваривать алкоголь и ничего жирного. Как лёгкого, ведь она не курила никогда и на химзаводах никаких не работала? Как последняя стадия, а что же на первой, второй нам ничего не сказали, мы ведь давно уже по врачам и анализам таскаемся? Доктор, откуда такая уверенность? Как же это?

– Вы думаете, что рак лёгких только у курильщиков, сварщиков и металлургов бывает? Вовсе нет. Она бронхитами болела?

– Да было как-то пару раз.

– Ну вот, где тонко – там и рвётся. Лёгкие слабенькие, туда и выстрелило, и для этого вовсе не обязательно дышать никотином или кислотой. А что раньше не определили, вот такая коварная форма, до последнего симптомы туберкулёза, а потом сразу четвёрка обнаруживается. Метастазы в позвоночник, он уже весь пробит, поэтому и ходить не может. Вы меня слышите?

Да слышит он, слышит, слуховой аппарат у него в ухе дорогой, качественный, работает исправно. Слышит, но никак не поймёт, это же, как говорят в авиации – полный рот земли, то есть катастрофа. Рак последней стадии, Веруша скоро умрёт, его жена, половина его самого, её скоро не будет, и исправить уже ничего нельзя, и даже задержать процесс тоже невозможно. Вот сразу, раз и ты обречён. И ни медицина, и никакие силы не могут помочь. И сколько ещё осталось?

– Сколько?

– Что сколько?

– Сколько ей осталось?

– Ну как я вам скажу, всё зависит от организма, – начал, пряча глаза, юлить врач. – Чтобы определить, можно ли делать облучение… Вот если сдадите анализы у нас, бронхоскопию и УЗИ пройдёте… Но вы ведь не местный, с райцентра… Чтобы без очереди пройти, чтобы бесплатно…

– Сколько?

– Вообще, официально пять тысяч, но если… Я могу вам за меньшую сумму…

Владимир Михайлович стянул с себя маску, встал и, поймав наконец взгляд врача, строго отчеканил:

– Сынок, скажи мне, сколько ей осталось? Мне надо знать, мне придётся её провожать. Сколько?

– Я не имею права этого говорить, я…

– Сколько?

– Два месяца, от силы три, облучение ей уже ничего, кроме страданий, не даст, – сдался под строгим взглядом собеседника доктор. – Вы сможете её сами колоть? Я вам указание на наркотики выписал, вот эту бумажку там, у себя в райцентре, главврачу отдадите.

– Спасибо за правду. – Владимир Михайлович, подойдя к столу онколога, сунул пятитысячную в нагрудный карман его халата и сгрёб все Верины бумаги.

– Ну зачем, ведь мы ничего не сделали, ведь я же врач.

– Вот именно, что не святой. До свидания. – И Владимир Михайлович покинул кабинет.

– Ну, что сказали, куда сейчас? – встретила его Вера Андреевна при выходе.

– Домой, Веруша, домой.

Он оставил её в холле, сходил на стоянку за машиной, подогнал к крыльцу онкоцентра, одел жену, оделся сам и они опять больно и мучительно грузились из коляски на переднее сиденье своего старенького «Фольксвагена».

При выезде из города Вера Андреевна потребовала медицинскую карту. Отговаривать её было бесполезно. И лишь взглянув на обложку, где появилась красная, отчётливая надпись: «Онкология «Д», она отдала её обратно мужу. Молчала долго, всю дорогу молчала. Владимир Михайлович тоже молчал, и за всю дорогу даже, против обыкновения, ни разу не выругался на лихачей или чайников-недотёп. После шока всегда наступает апатия, они просто молчали целый час.

На подъезде к родному посёлку Вера Андреевна попросилась на «горку». Владимир Михайлович завернул на развилке, въехал по плохо расчищенной дороге на возвышенность, встали. Это место было её любимым. Ради такого пейзажа они и переехали, выйдя на пенсию, сюда, в райцентр. С небольшого холма перед их домом видно на многие километры. Поля, ширь и даль, простор – куда ни глянь, она так любила бывать здесь. Вот и всё – «было», «любила», сидя рядом с ней, ведь ещё живой, он уже думает о своей жене в прошедшем времени. А какая погода – четыре девятки, мороз и солнце, всё в сверкающем, белейшем снегу. И этот белоснежный пейзаж был и будет здесь всегда, и тысячи лет до них, и тысячи лет после. Пришли, погостили, уж так ли, не так ли, чего-то сделали, чего-то не смогли. И ушли, а вокруг ничего не изменится, и Веруша очень скоро уйдёт, а сможет ли жить после этого её Вовуша? Как, зачем, почему так быстро, внезапно? А пейзаж вокруг всё равно будет белеть каждую зиму.

Стояли недолго, Вера Андреевна смотрела вдаль, как обычно при хорошем настроении, шевелила пальцами – играла какую-то мелодию. Она прощалась с природой, полями, посёлком, наконец закрыла глаза и попросилась домой:

– Ты устал, Вовуша, поехали, уколешь меня.

Когда Владимир Михайлович вытаскивал её из машины, когда нёс до двери и кровати, он понял, что это их последняя совместная прогулка, что Вера больше не встанет, а данная поездка отняла у неё последние силы. После обезболивающего укола она сразу уснула. Вечером попросила ещё укол, среди ночи ещё. Утром Владимир Михайлович, сделав ещё один укол, взял вчерашнюю справку из областного онкоцентра и поехал в районную больницу за наркотиками. Дали на удив-

ление легко, к счастью, государственная борьба с наркооборотом была на текущий момент в фазе смягчения, и даже не обязали собирать и возвращать использованные ампулы.

Дома он покормил жену сладким творожком, напоил чаем. Затем, осторожно ворочая её, поменял на кровати постельное бельё, подстелив под низ купленную только что клеёнку. Устал, запыхался, закончив, в изнеможении прилёг рядом. Они лежали, повернувшись друг к другу, молча. Наконец Вера Андреевна спросила:

– Вовуш, что доктор сказал, сколько мне осталось?

– Да ничего не сказал, ты не гони лошадей, поживём ещё.

– Фломастер, не ври, сколько?

Она всегда его так звала, когда видела, что он врёт. Фломастер от английского «flight master» – мастер полёта, это значит, она не верит, и надо сознаваться, Вера не успокоится, пока не добьётся от мужа правды. Владимир Михайлович совсем не мог врать жене, она сразу же чувствовала фальшь, и уже давно, да почитай всю совместную жизнь он даже не пытался её обманывать хоть в чём-то – бесполезно. Ну, крайне редко и всегда неудачно. Но сейчас – как он скажет ей?

– Ведь врач всё объяснил тебе, куда ты уходишь, ответь мне, потом пойдёшь. Стоять, пилот, когда мой крайний полёт будет последним? – Она схватила его, пытавшегося было покинуть кровать, за руку. – Вовуш, всё равно ведь скажешь.

– Да не знает он, сколько, я его тоже пытал, а он как мокрый уж, извивался много, а правды так и не сказал.

– Фломастер, посмотри мне в глаза!

Посмотрел и сразу же отвернулся, ну что сопротивляться, всё равно ведь добьётся своего:

– Два месяца, может, три.

– До весны, значит, дотяну, до дня рождения – точно.

Она отпустила его руку, он вышел из комнаты.

Через час Вера Андреевна позвала мужа, попросила опять уколоть. Владимир Михайлович достал из аптечной тумбочки коробку с привезённым сегодня морфином.

– Что это, ты за ними ездил с утра? Что это за уколы?

– Ну, Веруш, вчера вот выписали в онкоцентре, обезболивающие тебе уже не помогают. Это морфин, он сразу боль снимет, надолго, давай, миленькая, сейчас я приготовлю и уколемся.

– Понятно. Тогда подожди. Вовуша, я хочу подарок на день рождения, обещай мне, что сделаешь это для меня.

– Обещаю, раз ты так настаиваешь, давай уколю.

После укола Вере Андреевне стало легче, и они проговорили до вечера: про подарок, про прощание, про сына и внуков, про то, как Владимир Михайлович скоро останется один. Сыну позвонить, пусть приедет из своей Анголы, попрощается с матерью, поможет отцу, если возможно, то и оба внука пусть приедут, а может, и правнучку Верунчика, пятилетнюю прелестную мулаточку привезут, уж пусть постараются, ведь в последний раз. Вера Михайловна попросила не сильно тратиться на похороны: домовину недорогую, венков не надо, поминки поскромнее. Вот только очень ей хотелось, чтобы с института кто приехал, чтобы играли, когда закапывать будут. Может, морозы к тому времени спадут, и её ученики проводят своего музыкального педагога как положено – живой музыкой. Да, и её любимой ученице, Жанне, в Москву позвонить, она, конечно, не сможет приехать, в Большом всё на год вперёд расписано, просто пусть знает. А в последний путь на-

до надеть белую концертную блузу и чуть подкрасить губы. А когда всё закончится, и Вовуша останется один, пусть он не опускается, бриться надо каждый день, не лениться, супчик готовить, не питаться одной сухомяткой, цветы не забывать поливать, а толстянку поливать только раз в неделю. Контейнер пылесоса надо не просто вытряхивать, а непременно ополаскивать. А пианино и шкаф с нотами обязательно протирать хотя бы через день.

Потом Веруша сказала, что в жизни у неё было четыре главных подарка: сама жизнь, жизнь рядом с любимым человеком, счастье материнства и музыка. И она ещё раз взяла с Вовуши обещание, что он подарит ей пятый подарок в её последний день рождения, кстати, восьмое марта. Так сразу завелось у них – обязательно исполнять обещания, данные друг другу. Когда девушка Вера провожала призывника Вову в армию, она пообещала, что дождётся его. Дождалась, честно и верно просидев в девицах два года, как обещала. И потом все совместно прожитые пятьдесят пять лет они всегда выполняли обещания друг перед другом. Да, Вовуша всё сделает, как она просит.

Дни и ночи вели по нисходящей. Владимир Михайлович принёс в Верину комнату матрац, одеяла, спал рядом с её кроватью. За два месяца он ни разу не снимал, лишь менял батарейки, свой слуховой аппарат, чтобы всё время слышать жену. Если заворочалась, то поменять подгузник, подмыть, перевернуть. Если застонала, то сделать очередной укол. Первый месяц Вера Андреевна была ещё вполне в разуме, немного ела, осмысленно разговаривала, слушала музыку, подыгрывала пальцами, звонила в институт и родственникам. Постепенно начались провалы в памяти, логике, речи, движения стали неестественными. Последние восемнадцать дней она ничего не ест, третий день не пьёт, уже вторую неделю не приходит в сознание, раскрытые, пустые глаза не выражают ни единой мысли или эмоции. Она лишь иногда пытается ворочаться, значит, надо подмыть, или стонет, значит, надо колоть. Владимир Михайлович почти не выходит из комнаты, ест консервы, запаренную лапшу, пьёт чай с коньяком. Он ухаживает за умирающей женой, подмывает, колет. Бреется, как и обещал, каждый день, поливает цветы, протирает пианино, считает дни до восьмого марта, надеется, что Веруша дотянет до своего последнего дня рождения.

Дотянула, доктор всё верно сказал, почти два месяца прошло после визита в онкоцентр. От больной почти ничего не осталось, что ощипанный воробушек: тонюсенькие косточки обтянутые сероватой в пятнах кожей, уже с трудом находятся участки плоти для укола, здесь и там проступающие наружу метастазы, невидящие глаза, заострившийся нос, растрёпанные седые волосы на давно не мытой и некрашеной голове. Владимир Михайлович сидел у изголовья жены: «Верочка, девочка моя, ты ли это?! Веруша, счастье моё, с Днём рождения, родная». И он расплакался. Заслуженный пилот, ветеран «Аэрофлота» не боялся в этой жизни ничего, он сохранял хладнокровие в любых ситуациях. Не выпускающееся над Когалымом шасси и бесконечные круги до последнего литра топлива; ошибка диспетчера, смена коридора и едва ли не столкновение с другим судном в индийском небе; отказ двигателя над Чёрным морем; стрельба в аэропорту Лагоса; принуждение к посадке южноафриканскими истребителями; любая нештатка лишь мобилизовывала Владимира Михайловича. «Железный Вольдемар» прозвали его коллеги. А сейчас «железный» в голос ревёт, прощаясь с Верушей. Лишь теперь он в полной мере осознал, как любил её. Нет, любит, и сейчас и после он любит, а не любил. Кто-то любит за интеллект, кто-то за материальные блага, кто-то за стать, кто-то за характер, кто-то и за то, и за другое, и третье. А кто-то − за то, что его любимый просто есть на земле, и даже если человека не станет, то любовь не исчезнет, она останется. И когда Веруша уйдёт, разве уйдёт и любовь к ней? Но как тяжело прощаться с

любимым, прощаться с частью, лучшей частью себя. Что останется в нём после? Какие-то там дела, обслуживание стариковского, никому уже не нужного тела, всё более тускнеющая память. И любовь, любовь к своей ушедшей части себя, лучшей части, к своей Веруше. Он любит просто её душу, едва тлеющую в этом усохшем беспомощном теле, съеденном раком и отравленном наркотиками.

Зазвонил телефон, Лёшка − едут. Сын везёт к маме на день рождения почти всё своё семейство. Звонит из Москвы, скоро вылет, к вечеру подъедут. Вот же занесло его в Африку. Началось всё с того, что в пятом классе начитался книг про португальских путешественников. Загорелся выучить португальский язык, думалось, детское увлечение, а оказалось – иняз, командировки, а потом и переезд в португалоязычную Анголу. Раз в несколько лет Алексей Владимирович, сотрудник ангольской нефтяной компании и чего-то там резидент, приезжал навестить родителей, показать родившихся уже в Африке внуков.

Хорошо, что вечером приедут, надо много успеть. Всех надо обзвонить, Жанна из Москвы завтра тоже прилетит, Большой потерпит пару дней без неё, целая делегация из института будет, привезут инструменты, провожать будут с музыкой, а ещё соседи, дальние родственники, помощников будет полно. Целый час ушёл на звонки и переговоры.

Владимир Михайлович собрал с пола и унёс свою бесформенную постель. В ванной набрал таз тёплой воды, налил туда немного водки, захватил небольшое полотенце, принёс в Верину комнату. Достал из шкафа приготовленную для савана одежду. Сел на стул, смотрел на жену. Теперь главное, исполнить данное Веруше обещание, подарить ей последний подарок, в её последний день рождения. И это самое трудное, что будет в его жизни. Долго, два последних месяца морально готовился к этому. В конце концов, убеждал он себя, всё условно, чуть раньше, чуть позже. Для столь безнадёжно больного, умирающего, почти разложившегося тела не имеют значения ни часы, ни сутки продления агонии. По сути человека уже нет, он за чертой. Её осталось лишь провести, обозначить линию. И он был вполне готов к этому, так ему казалось. А никак, вот сейчас, дел-то на минуту, всё легко и просто, закономерно и логично, обещал и выполни, но руки как плети бессильно висят по бокам и не могут, не могут двигаться. Что за предрассудки, что за бред о грехах в голове, о бесчеловечности, преступлении и возмездии, карме и равновесии. Не всё ли равно природе? Чем люди отличаются от общей биомассы Земли? Умеют говорить? Язык дельфинов намного сложнее человеческого. Орудия труда? Их используют не только обезьяны, но даже попугаи и вороны. Социальность? Здесь людям очень далеко до пчёл и термитов. Умение врать?

Запутывают следы почти все звери, а уж как насекомые или ящерицы мимикрируют! Может быть, неуёмное желание врать себе? А может, всё же милосердие? Кто-то из зверей способен на милосердие, не заботу о потомстве или популяции, а просто на милосердие безо всяких условий и причин? А что такое настоящее милосердие, пытаться продлить жизнь тела, которое корёжит от боли, это милосердие или издевательство? А исполнить последнее желание умирающего это блажь или милосердие? А помощь в эвтаназии это убийство или гуманизм?

Уже полдень, вода в тазу остыла, хм, а какая теперь разница, тёплая она или холодная?

Надо сделать, что обещал. Вера стонет, пытается ворочаться. Да, Веруша, прости за малодушие, сейчас твой Вовуша сделает подарок, о котором ты просила. Ровно семьдесят пять оборотов вокруг солнца, день в день, нота в ноту, всё как ты хотела. Подарки дарятся днём, сыну и внукам незачем видеть тебя такой, сейчас мы нарядимся и губки подкрасим. Владимир Михайлович встал, порылся в аптечной тумбочке. Нашёл, вот он – шприц «десятка». Теперь горсть ампул.

− С Днём рождения, любовь моя, мы скоро встретимся.

Осенняя сказка

Сиваева Екатерина

Девочка по имени Вика. Низкого роста, полноватая, с густыми короткими курчавыми волосами тёмно-русого цвета, мелкие задумчивые глаза, недоверчивый взгляд. Широкое овальное лицо украшает широкий нос и маленькие губы. Она ненавидит осень. Во-первых, начало этой ужасной школы. Во-вторых, становится холодно. В-третьих, почему-то именно осенью не хочется выходить на улицу. А в-четвёртых, ещё не включили батареи! Для девочки 11 лет это слишком!

Сегодня 1 сентября и хорошо, что воскресенье. Завтра в школу, но как-то не хочется. Подруги за 4 года так и не появилось. В третьем классе надо мной издевались, а в четвёртом игнорировали. Что же будет завтра? С плохими мыслями я пошла спать.

На утро, я проснулась, посмотрела в окно и убедилась, что сегодня будет плохой день, так как за окном было пасмурно. Я умылась, оделась, собралась и пошла в школу. Я зашла в класс. Вдруг, я увидела девочку, которую раньше не замечала. Она тихо стояла в уголке, читая какую-то книгу. Она выглядела как хрупкая маленькая девочка. У неё были русые волосы до плеч и таинственные голубые глаза.

-Привет, меня зовут Вика, вижу, тебя не очень то и замечают?

-Привет, я-Виллоу, и меня не замечают не только ребята, но и учителя - Виллоу увидела, что я обернулась, и поспешила ответить - Но я не хочу, чтобы за меня вступались, переживу.

-Хорошо... Виллоу? Ты откуда-то приехала?

-Да, мама русская, а папа канадец. Я родилась в России, но корни у меня канадские. Там, в Канаде, чудесная осень! Я обожаю осень.

-Из-за чего? Это же холод!

-Краски деревьев согревают сердце.

-Но все листья опали, хотя, если повезёт, можно увидеть коричневые листья.

-Ты просто не видела настоящие краски! Ты что, никогда не была в лесу?

-Я не люблю гулять осенью...

- Ты что!- перебила меня Виллоу- Ты столько всего не видела! Я...

Мы так увлеклись разговором, что не заметили звонок, и наша классная сказала:

-Вика, мы только тебя ждём.

После урока мы с Виллоу вышли болтая.

-И всё же тебе надо увидеть осенний лес.

-Судя по тому, как ты рассказываешь, это того стоит.

Мы много болтали, обсуждали и к середине сентября стали лучшими подругами.

-Милая, мы завтра едем в лес - предупредила меня мама из другой комнаты.

"Интересно, Виллоу тоже едет?" - подумала я и написала ей. Виллоу ответила "Возможно". Видимо на долгую паузу без споров и нытья мама удивилась и спросила:

-Всё ок?

-Ага, всегда мечтала поехать в лес! - крикнула я и улыбнулась.

На мой жизнерадостный ответ, мама пришла убедится и увидев мою улыбку и оптимистичные глаза, тихо сказала:

-Переходный возраст...

На следующий день мы поехали в лес. Но когда мы приехали, первое, что я увидела это Виллоу. Одну.

Я выскочила из машины, подбежала к Виллоу:

-Почему ты одна? Где твои родители?

-Они пошли за грибами -она медленно повернула голову и улыбнулась- Впрочем, мне кажется, мы и без них отлично проведём время.

Пока родители жарили шашлыки, мы с Виллоу сидели и любовались осенью.

-Может, прогуляемся? -спросила Виллоу.

-А мы не потеряемся? Ладно, сейчас, спрошу у родителей

-Одной тебе не разрешат, а это нужно увидеть только нам с тобой.

Слова Виллоу меня смутили. А если нас потеряют? Хотя... у Виллоу всё под контролем.

Мы зашли в заросли. На земле лежали все "цвета" осени. Пока я собирала листья, Виллоу куда-то делась. Я обернулась.

-Виллоу ты где? -испугалась я- Виллоу! Виллоу!!!

Я не знала с какой стороны мы пришли, поэтому не могла вернуться к родителям. Я шагнула вперёд, и вдруг, я провалилась. Это была яма под листьями. Может быть Виллоу тоже провалилась? Тогда бы слышен был крик... И листья бы были раздвинуты. Было темно, но я смога нащупать туннель. Ползя по нему поворачивая в разные стороны, мне казалось, что я хожу кругами. И вдруг я увидела свет в конце туннеля.

Когда я доползла до света, увидела, что приползла в тоже место. Я медленно сделала шаг, и неожиданно, все листья поднялись вверх. Я была в шоке. Листья медленно начали спускаться и сквозь них я увидела... Не может быть... Я увидела Виллоу! Её белая голова была украшена венком из листьев. Платье было с длинными рукавами и длинным подолом. Разукрашено оно было красными, жёлтыми, зелёными, коричневыми, бордовыми пятнами. Она парила в воздухе.

-Виллоу? Что с тобой? Что происходит? Где я?

-Всё хорошо -отвечала она так спокойно, что стало не по себе. Она расправила ладошки и из них полетели листья- Разве она не прекрасна?

-Кто?

-Осень.

-Мои родители меня уже ищут, Я хочу к ним.

Виллоу раздвинула заросли, там были мои родители. Они застыли, как-будто бы время остановилось.

-В том мире остановилось время -будто прочитав мои мысли сказала Виллоу.

Только сейчас я увидела, не может быть, настоящих фей. Они красили зеленые - в жёлтые, красные в коричневые. Внизу перебегали маленькие человечки, наверное эльфы. Они красили зелёные травинки в жёлтые, некоторые подпрыгивали и срывали с деревьев листья.

-Ты можешь остаться здесь, а можешь уйти... -сказала Виллоу.

-Откуда это всё?

-Какой-нибудь взрослый скажет, что если приглядеться, ты это увидишь и в реальном мире, а я тебе скажу, это происходит в твоём воображении...

-То есть тебя не существует? -перебила я её.

-Не существует -покачала она головой- Ты заметила? У нас имена похожи: Виллоу и Вика.

-Для чего это нужно? -спросила я сквозь слёзы.

-Ты должна знать, осень - это чудесно, а ты думала наоборот.

-Спасибо за заботу, -обиделась я- Но я бы и сама справилась, а сейчас я хочу к родителям.

Виллоу лишь улыбнулась, взмахнула рукой, листья начали кружиться и всё исчезло. Я отодвинула кусты, там сидели мои родители, разговаривая и смеясь. Мне стало стыдно перед самой собой. Я тихонько сказала сама себе "Прости" и побежала к родителям. Папа достал мольберт и предложил мне нарисовать осень. Я хорошо рисовала, поэтому согласилась.

Летописи межмирья

Александр Маяков

7 месяц 514 год с м.п. (декабрь 2012 года н.э)…
Новый Долан. Инквизитор Алексей

- Если Кло предатель, я лично оторву ему яйца! – Ворчала Нора. На исследование памяти генерала её пригласили как родственницу. Так же присутствовали королева, тесть, Артур и Мартис.

- Тише! – Шикнул на жену учитель.

- А ты не затыкай мне рот! – Тихо возмутилась вампирша.

Клирики настраивали оборудование. Клодеса посадили наподобие эклектического стула и стали подключать магические контуры. На его ладышки и запястья надели специальные браслеты. На голову надели специальную диадему. Руки и ноги генерала были зафиксированы. Как сказал один из клириков, это для того, чтобы уберечь его самого. Так как при исследовании памяти, подопытный может переживать неприятные воспоминания и биться в конвульсиях. За стулом находилась специальная платформа, на которой размещался клирик, совершающий исследование.

Нам выдали браслеты, с помощью которых мы сможем видеть все, что сможет достать клирик из головы генерала.

- Все готово. – Произнес клирик.

- Начинаем. – Кивнула королева.

Клирик запустил свое устройство, и я провалился в сон.

* * *

…Я бегу по ночному лесу. За мной кто-то гонится.

- Кло! Стой, Кло! – Доносится до меня детский голос. Голос плачет. Я оборачиваюсь и вижу маленькую девочку.

- Нора, я же говорил тебе оставаться дома! – Строгим голосом говорю я девочке. – Что будет, если родители узнают, что мы не ночевали дома?

- Кло, я хочу с тобой! Мне скучно дома! – Хнычет девочка.

- Нора, иди домой!

- Мне там страшно! – Девочка рыдает навзрыд. – Под кроватью живет злой оборотень, и он съест меня!

Мне искренне жалко девочку. Я беру её за руку.

- Хорошо, пошли вместе. Я защищу тебя от оборотня.

Девочка перестает плакать и улыбается.

- Ты убьешь его? – Спрашивает она.

- Да, убью, - отвечаю я. Я хотел сказать другое. Я хотел сказать, что она уже большая и не должна бояться вымышленного монстра, но я говорю это. Потому что я люблю свою младшую сестру…

Вспышка света.

… Я бегу в строю солдат. Мы бежим в дождь, по грязи.

- Шевелитесь, черви! – Орет голос за спиной. Злой голос, противный, отвратный. Я ненавижу этот голос. Я хочу убить этот голос…

Вспышка света.

… - Вот видишь, мы будем фактически вместе. – Радостно говорю я. Девушка, что сидит напротив недовольное смотрит на меня.

- Ты перевелся в Новый Долан, чтобы контролировать меня? – Спросила она.

- Нет, Нора, просто меня переводят в колонию, вот и все. – Оправдываюсь я.

- Ну ладно, - отвечает девушка…

Вспышка света.

… Это какой-то бар. На меня смотря с недовольством.

- Гвардейцев здесь не любят. – Говорю я, присаживаясь за столик к Норе и еще одной девушке.

- Этим баром заведует эльф, как ты думаешь, он будет жаловать гвардейцев. – Хамовато отвечает Нора.

- Я надеялся что да. – Говорю я и смотрю на вторую девушку. – Меня зовут Клодес, я брат Норы.

- Элизабет, я учусь вместе с Норой. – Скромно отвечает девушка. Она мне нравится, очень нравится.

- Эй, похотливый ты кобель! – Строго говорит Нора. - Не смей приставать к моей подпруге! ...

Вспышка света.

… - Мы вынуждены были их арестовать, гвардии – поручик, они устроили драку с группой оборотней. – Говорил стражник, пока мы шли по каземату. – Но когда одна из них сказал, что она ваша сестра, мы посадили их в отдельную камеру.

Он подошел к камере и открыл двери.

- Нора, Элизабет, на выход! – Скомандовал я.

- Как прикажите, командор! – Саркастически произнесла Нора, развалистой походкой выходя из камеры.

- Спасибо вам, Клодес. – Скромно произнесла Элизабет.

Мы выходим из каземата.

- Зачем вы устроили драку? – Спрашиваю я их, когда мы идем по улицам города.

- Не мы, а она, - отвечает Элизабет. Нора останавливается и с презрением смотрит на подругу.

- Предательница! – Наконец-то произносит сестра.

- Нора! - Строго говорю я. – Элизабет, между прочим, попала в темницу из-за тебя!

- Что, жалко бедную Элизабет? – С издевкой спросила Нора.

- Нора! – Я начинаю закипать. Появляется желание ударить нерадивую сестру.

- Хорошо, - огрызнулась Нора. – Эти шавки достали уже! Вечно нарываются! Считают, что они самые сильные! Черта с два! Я им навешала люлей! …

Вспышка света.

…- Может не стоит? – Неуверенно спросила Элизабет. – Нора может в любой момент вернуться.

- Ничего, она уже сама взрослая. – Говорю я, расстегивая блузку Элизабет …

Вспышка света.

… - В следующий раз не приводи Элизабет ко мне. – Говорит Нора. Мы вдвоем сидим в баре у эльфа.

- Почему? – Удивился я. То, что сестра знает про наши отношения с Элизабет – понятно, девушки близкие подруги и делятся всем.

- Соседи жалуются на шум. – Отрезала сестра. …

Вспышка света.

… - Ты служитель Культа древних? – Удивился я. Мы с Элизабет гуляем по парку.

- Не совсем. – Произнесла девушка. – Мои предки были спасены культом. Да, мы помогаем адептам, но я не жрица. Да и не стремлюсь ей стать.

- Это хорошо. – Улыбаюсь я.

- Чему ты это улыбаешься? – Спрашивает она.

- Да так. – Отвечаю я и, приманив девушку, целую её…

Вспышка света.

… - Это мне? – Удивлено спросил я, принимая из рук Элизабет меч. Это был бастарда.

- Да, - ответила девушка. – Ты достоин этого клинка.

Я держал в руках «Одинокое сердце»…

Вспышка света.

… - Прошу тебя останься! – Кричал я уходящей Элизабет…

Вспышка света.

Свет не рассевался, я видел только его и голоса, разные голоса.

- Твоя королева ушла? – Нора.

- Ты ничто! – Властный мужской голос.

- Умри, кровосос! – Срывающийся крик.

- Это наш рубеж! – Крик отчаянья.

- Ну что, солдатик, ты устал? – Кокетливый женский голос.

- Союза больше нет! – Все тот же властный голос.

- Кло! – Раздраженная Нора.

- Я люблю тебя. – Тихий шепот Иллаи.

- Давно не виделись, Клодес. – Элизабет.

Свет отступил, и я смог разглядеть её. Она изменилась, стала еще прекрасней. Именно эту женщину я люблю…

Вспышка света.

… - Что мне надо делать? – Я спрашиваю Элизабет. Она стоит в шаге от меня, но я боюсь приблизиться к ней. Как будто, если прикоснусь, она растает, превратится туман.

- Мне нужны все сведенья, которые ты сможешь добыть. – Произнесла она и прикоснулась ладонью к моей щеке. Это чувство, она рядом, она снова рядом.

- Изменение численности войск, ротация войск. Заключение договоров и самое главное: ключи.

- Ты же говорила, что ты не адепт. – Произнес я. – Что изменилось?

- Все. – Произнесла она, обнимая меня. – Древние дадут нам все. Абсолютно все.

- И мы будем вместе?

- Да…

Яркая вспышка света и перед глазами снова комната проведения исследования. Клодес сидит на стуле и тяжело дышит, он весь в поту.

- Я видела достаточно. – Произнесла Оливия. – Генерал Клодес, вы обвиняетесь в измене Анклаву сопротивления. До суда вы заключаетесь под стражу.

Произнеся это, королева покинула комнату. Варинас и Евгений вышли вслед за ней.

- Так Морморт погиб из-за тебя, да? – Закричал Артур и бросился на Клодеса. Если бы не охрана и Мартис, то лорд, наверное, разорвал вампира.

- Успокойтесь, лорд! – Произнес Мартис, сдерживая Артура. – Генерал предстанет перед судом!

- Это не вернет Морморта и остальных! – Орал лорд.

- Алекс, помоги, не удержу! – Попросил Мартис, Артур норовил вот-вот вырваться. Я подошел и ударил со всей силы лорда в живот. Мартис отпустил корчащегося лорда на пол.

- За что, инквизитор? – Кашляя, спросил Артур.

- Чтобы вы не наломали дров, лорд. – Ответил я. – Судьбу генерала решит суд, но не вы.

Артур смог подняться посмотрел мне в глаза и тихо произнес:

- Спасибо, инквизитор. – После этих слов он развернулся и поковылял к выходу. Приложил я его сильно.

Нора подошла к Клодесу, охрана её пропустила. Она отвесила брату пощечи-

ну и что-то сказала. Он ей тоже что-то ответил и его увели стражники.

Мартис подошел к жене и обнял её. Нора плакала.

- Что ты ему сказала? – Спросил Мартис.

- Что он подлец! – Сквозь слезы ответила Нора. – Он все еще любит эту шлюху Элизабет! И знаешь, что он мне сказал? «Прости сестра». За что я должна его простить? За что?

- Видимо за то, что его любовь привела к таким последствиям. – Произнес я, стоя в стороне.

- Леш, он…

- Нора, Клодес спас меня от Гиема. – Перебил я плачущую вампиршу. – И до этого не однократно спасал. Я не Артур.

- Спасибо. – Ответила она.

- Не за что. – Произнес я и ушел прочь. Генерал предатель. Теперь я чувствую себя отвратно. Получается, это я его… подставил? Нет, вывел на чистую воду. Уж лучше на его месте был бы Вайт или Кошевая.

Я пошел в самый дальний и темный коридор дворца. Лори лучше меня не видеть. Не видеть как я плачу по другу, которого сам же и сдал.

Депресука или Чужие-Близкие

Александр Ти

В ту ночь в гостях у учительницы он не видел ни единого намека, что она может поступить именно так. Да, она была одинока. Безумно одинока, но она уже, как показалось Игорю, привыкла к одиночеству за много лет. Мало того, она сама его и ткала, словно кружево вокруг себя. Она сама никого не впускала в свою жизнь, ни детей, ни взрослых. Просто чтобы не было больно. Ей уже сделали больно в жизни, очень больно. Она больше не хотела никакой боли и избегала всего, что могло её причинить, прячась в своем одиноком мире. Она боялась боли, она не могла убить себя. Тем более вот так, когда уверенности в смерти нет, ведь могла лишь покалечиться.

Она не впускала в свою жизнь ни детей, ни взрослых. Однажды ошиблась и с теми, и с другими, больше не хотела. Хотя ждала мужа в ту ночь, она каждую новогоднюю ночь его ждала. Потому что он обещал, когда-то давно. Знала, понимала, что напрасно, но ждала. Следователь сказал, что он погиб давно. Так может всё из-за этого? Может, она узнала о его гибели? Нет! Не могла она. Просто не могла! Она была счастлива в ту ночь, Игорь это видел.

После обеда Игорь вдруг перестал слышать какие-либо слухи и разговоры. Они никуда не пропали, просто по какой-то причине обходили его, Игоря, стороной. Он понял, что теперь все вокруг говорят именно о нём. О Депресуке, её страшной смерти и о нём. Он вновь стал виноват в её смерти для всех, ведь именно он видел её последним. Что же, логично мыслите, товарищи, очень логично! На перемене Вареник подтвердил догадки Игоря.

— Игорян, здорово! — Вареник влетел в кабинет химии перед последним уроком, — пошли покурим на улицу.

— Да уже звонок скоро, — курить Игорю не хотелось, но он понял, что очень хочет узнать суть обходивших его стороной слухов, — хотя фиг с ней с этой химией, пошли.

Игорь взял со стола учебник с тетрадью кинул в портфель и встал из-за пар-

ты. По пути к двери староста класса Ольга попыталась его остановить, но Игорь просто отодвинул её в сторону и вышел из кабинета вслед за Вареником.

— Ты чего такой запыхавшийся, помятый весь? — спросил Игорь друга, как только они оказались на улице.

Женька действительно выглядел неважно. Заметно похудел в последнее время, перестал оправдывать кличку и походить на вареник, цвет лица какой-то серый, да и вообще какой-то весь нервный, задёрганный. Но Игорь тут же поймал себя на мысли, что Вареника-то он уже давно не видел. Это раньше они всё время были вместе, а после той новогодней ночи всё круто изменилось. Встречались они всё реже и реже, словно стремились стать чужими друг другу. Именно стремились, потому что Игорю даже казалось, что Вареник его избегает намеренно.

— Да дома не ночевал, всю ночь куролесили вчера с Рыжим. Сначала на танцах, потом на хату к знакомым попали. — Вареник достал из кармана мятую пачку «Примы», вытряхнул из неё две сигареты и протянул одну Игорю, — чего там, говорят, Депресуку нашли?

—Ага, нашли. — Игорь чиркнул спичкой и прикурил сигарету, — на стройке, самоубийство, говорят.

— Сама, значит? — Вареник курил нервно, явно чувствовалось, что с хорошего похмелья был, — Тебя-то не дергают? А то говорят, мол, ты её довёл, вот она и самоубилась.

Так вот оно в чём дело! Не убил, так довёл до самоубийства, логично. Игорь понял, что доказывать что-то бесполезно. Все прекрасно помнили, что именно он довёл учительницу накануне нового года до нервного срыва, а значит и в самоубийстве виноват он. Никто не поверит, что Игорь в ту ночь не просто извинился, а еще и отлично провел два часа в обществе прекрасной женщины. Не учительницы, а именно близкой и родной женщины, друга. Никто и не поверит, что эта женщина существовала, все знали лишь Депресуку. Так что и Игорю никто не поверит. Да он и не собирался об этом никому рассказывать.

— Да а чего меня дергать? Я им ничего нового не расскажу, нечего. — Игорь почувствовал, как от первой же затяжки в голове поплыл туман, он не курил уже больше недели, и организм стал забывать, что такое никотин. — А ты чё в таком виде на уроки приперся? Вы с Рыжим, смотрю, часто куролесите-то ночи напролет, родаки не бычат?

— Да задолбали уже! — Женька зло сплюнул себе под ноги. — Маманя орёт, что в спецучилище сдаст, батя грозит ремнем. Дебил! Надо будет, сам ему навешаю! Да по фигу мне на них, мы с Рыжим работаем щас, есть одна тема, бабки есть, обойдусь. Достанут своим нытьём, так и вообще из дома уйду. Ты-то не желаешь подзаработать?

Игорь слушал Вареника и не узнавал его. Это был уже совсем не тот добродушный парень, вечно улыбающийся, лучший друг Женька. Перед ним стоял озлобленный жизнью человек. Чужой незнакомый человек. Игорь не понимал, он просто не мог представить, что такого должно произойти в жизни для столь категоричного превращения. Слишком быстрого превращения. Да, они после того случая стали реже видеться, ходило слишком много слухов вокруг, мол, Игорь убийца, так что неудивительно, что все сократили общение с ним до минимума. Но Игорь не думал, что Вареник из-за этого отдалится.

Хотя, что он сам сделал, чтобы это предотвратить? Ничего. Наоборот, попытался всерьез заняться учёбой и загрузить себя по полной программе, чтобы не замечать, как все вокруг давят на него подозрениями, чтобы меньше вспоминать и думать о той прекрасной женщине, что появилась в его жизни всего на два часа, а в итоге не заметил, как потерял друга.

От предложения подзаработать Игорь отказался. Впрочем, Вареник особо и не настаивал. Молча докурив, два чужих друг другу человека распрощались и ушли

каждый в свою сторону. Как показалось Игорю, навсегда.

Дома Игоря ждал еще один не самый приятный сюрприз. Родители уже тоже были в курсе всех последних новостей, знали о том, что нашли тело Эльвиры Юрьевны и, конечно же, знали, что весь город уже вновь говорит про человека, что довёл её до самоубийства, про их сына. Игоря было решено срочно отправить к родителям отца в соседний город. Подальше от слухов, разговоров и пересудов.

Игорь категорически отказался. Впервые он пошёл против мнения родителей, против их решения, но знал, что поступает правильно. Он не собирался бежать. Бежать, значит бояться. А бояться Игорю нечего. Ему было абсолютно плевать на всех, вместе с их дурацкими сплетнями и домыслами. Он не собирается никого втягивать в эту войну, но и сдаваться не будет! Именно так, именно такими словами он и сказал это родителям. Твёрдо, безоговорочно, не принимая возражений. Так твёрдо, что родители и не подумали отвечать, не посмели. Хотя ответа от них Игорь и не ждал, он просто сказал своё категоричное «нет» и ушёл в свою комнату. Он устал, и ему ужасно хотелось спать. Точка!

Уснул Игорь практически сразу, как только голова коснулась подушки. Но сон начался еще быстрее, чуть ли не одновременно с тем, как Игорь плюхнулся на кровать. Стоило ему прилечь, а в голове уже поплыли яркие картинки сна. Словно какой-то торопливый киномеханик запустил фильм, не дожидаясь, пока зрители займут свои места и в зале погасят свет.

Сон был яркий, но очень странный. Игорь был на школьной дискотеке, стоял посреди зала один. Всё было как обычно, учитель ОБЖ запускал нужные песни в нужном порядке, окрашенные в разные цвета лампочки периодически мигали, не попадая в такт музыке, всё было вроде как всегда, но что-то было не так. Игорь чувствовал, что-то не так как раньше.

Он вдруг понял, все танцуют. На школьной дискотеке практически никогда никто не танцевал, а сейчас абсолютно все вокруг него танцуют. Он один стоит посреди зала, а все танцуют, двигают телом, смеются, улыбаются. Но при этом на него, на Игоря, никто не смотрит, словно его и нет вовсе. Его просто не замечают или делают вид, стараются не смотреть в его сторону. Да Игорю и самому не хотелось, чтобы на него смотрели, ему хотелось уйти, исчезнуть, не стоять как дурак посреди танцующей толпы. Но он не мог пошевелиться. Он просто стоял и смотрел, как все вокруг него пляшут в ярком зажигательном танце. Итс май лайф! Кричал из динамиков Доктор Албан. Итс май лайф!

И вдруг песня оборвалась. Не закончилась, а именно оборвалась, словно кто-то заткнул рот невидимому Доктору в динамиках. На секунду в зале повисла тишина, а затем вокруг стала разливаться музыка. Чертовски красивая и очень грустная мелодия. Игорь знал её. Под эту музыку он танцевал свой первый настоящий танец с настоящей женщиной. Одновременно с музыкой стал нарастать недовольный гул толпы, Игорь понял, что кроме него эта музыка не нравится больше никому. Но он слышал лишь музыку, она становилась все громче, и толпа уже не могла заглушить её.

— Танцуй. — услышал Игорь вдруг знакомый нежный голос, — просто слушай музыку и танцуй.

Игорь явственно ощутил приятные цветочные нотки духов с примесью паров легкого алкоголя и чего-то ещё безумно приятного и такого родного. Эльвира Юрьевна была рядом. Он не видел её, но точно знал, она рядом. Здесь, вокруг него, в этой музыке. В этой самой песне.

— Танцуй, Игорь. Просто слушай музыку и танцуй. Игорь. Игорь...

Игорь проснулся оттого, что мама нежно теребила его за плечо. Она вроде и старалась его разбудить, но делала это так, как будто разбудить боится. Просто сидела рядом на кровати и аккуратно, то ли трясла, то ли наоборот убаюкивала. Но Игорь проснулся.

— Игорюш, там мама Женьки Вареника звонила, плачет, ищет его. — Мама старалась говорить тихо, будто всё еще боялась разбудить сына, — он два дня уже дома не появляется. Не знаешь, где он? А то она там вся в истерике. А вы же друзья, может, знаешь чего?

Игорь поднялся и сел рядом с матерью.

— Нет, не знаю. Я давно о нём ничего не знаю.

— Вот и я ей говорю, — всё так же почти шепотом продолжила мама. — Дома, говорю, Игорь всегда, а Женька так уже сто лет у нас не был. Совсем дорогу забыл. Вы поругались, что ли? Чего случилось, сына? Может, знаешь, с кем он дружит или у кого бывает? А то она просила узнать у тебя, переживает вся, плачет.

— Нет, не знаю, мам. Ты прости меня, если что. Прости, мам.

— Ты чего это, сына? — мама испугалась, — ты чего?

— Да ничего. Всё в порядке. Просто прости. Я тебя очень люблю, но иногда забываю об этом. Вы же у меня самые родные и близкие, ближе нет никого. Прости.

— Да ты чего это? — на глазах у мамы выступили слёзы, — чего случилось-то?

— Всё хорошо. Успокойся. — Игорь постарался как можно нежнее улыбнуться и приобнял мать, — всё хорошо! Пойду я Вареника поищу. К парням зайду, может, знают чего.

— Поздно ведь уже. Куда ты?

— Я недалеко, пробегусь по тем, кто рядом живет, поузнаю чего. Может, найду дурака варёного.

—Только ты недолго, смотри. Поздно уже. Мама Женьки, если будет звонить, я ей скажу, чтобы позже перезвонила. Хорошо?

— Хорошо, мам. Хорошо.

Где искать Вареника, Игорь не представлял. Он не знал, с кем он может быть и где. Единственное, что Игорь помнил, это то, что Женька упоминал гараж Генки Рыжего, мол, они там часто зависают. Гаражный кооператив находился буквально за домом, поэтому Игорь решил пройтись и посмотреть.

Вообще Игорь больше хотел просто прогуляться, проветриться. Он не знал, что сказать Варенику. Даже если найдет его сейчас и что дальше? Что сказать? Иди Варёный домой, там мама твоя волнуется, переживает. Нельзя так с родителями поступать, совсем нельзя. Так, что ли? Бред. Не станет его Вареник слушать. Сейчас точно не станет, у него уже другая жизнь, чужая. Они с Игорем друг другу чужие.

Отчуждение между близкими всегда прорастает незаметно, как сорняк. Вроде маленький и безобидный, а потом хлоп! и захватывает всё поле. Так и отчуждение. Сначала это просто легкие обиды и молчание, затем тайны и недомолвки, вскоре тебе уже и не хочется разговаривать с человеком как раньше, делиться с ним чем-то сокровенным. А однажды вдруг понимаешь, что уже и не помнишь, как ты вообще с ним раньше общался, о чем вы разговаривали, что у вас общего, и есть ли оно, это общее.

Вы уже чужие, между вами выращенное вами же поле сорняков из упрямого молчания и нежелания говорить. Поле, которое перейти тяжело, для многих просто невозможно. А некоторые и не стараются переходить, просто ищут себе нового близкого. Так вот устроено всё, близких превращаем в чужих, чужие вдруг становятся близкими. Бесконечный цикл.

Игорь понял вдруг, что Эльвира Юрьевна именно поэтому в школе была Депресукой. Ведь он сразу догадался тогда, что у себя, в своей квартире, она обычная живая женщина, настоящая. Лишь в школе и с окружающими она была злобной Депресукой. Она отказалась участвовать в этом круговороте чужих и близких. Терять кого-то для неё было слишком тяжело, просто невыносимо. Но она уже знала, что стоит кого-то впустить в свою жизнь и однажды его придётся потерять, а это больно. Поэтому она никого в свой мир не впускала, не позволяла стать близким. Когда в

жизни нет близких, то в ней и чужие не смогут появиться, вот что она сделала. Правильно ли? Игорь не был уверен. Для Эльвиры Юрьевны это, может, был и вариант, у неё близких, к сожалению, не осталось, и терять было некого, а у Игоря шанс еще был. У него близкие есть, пока еще есть, а значит и шанс избежать отчуждения между ними еще возможен, и этот шанс в руках Игоря.

Гараж номер сто четырнадцать оказался в самом конце кооператива. Игорь никогда прежде не бывал в этом городке из одинаковых металлических грязно-зеленых коробок, не приходилось. Но пятнадцать минут плутаний между рядами гаражей привели его, наконец, к нужной двери. Замка на двери не было, из щели бил неяркий свет, а, значит, внутри кто-то точно был. Игорь гулко ударил кулаком в дверь, та оказалась незаперта и от удара распахнулась. Вареник оказался здесь.

Женька лежал на старом потрепанном диване в углу гаража, он спал беспробудным пьяным сном. О том, что Вареник пьян, Игорь сразу догадался по перегару, заполнявшему весь гараж, казалось даже, что пары алкоголя перебивают запах бензина. Хотя гараж видимо уже давно использовался не по своему прямому назначению, бензина здесь не было вовсе, по крайней мере, Игорь не увидел никаких канистр. Возле дивана валялись пустые бутылки от дешевого вина и несколько смятых жестяных банок водки «Черная смерть». Было ясно, что пьет Вареник давно и явно не один, хотя никого в гараже больше не было. В самом углу, прямо на полу, стоял включенный в сеть видавший виды двухкассетный магнитофон. Пленка закончилась, но автостоп не срабатывал, заставляя кнопку включения истерично дергаться и щелкать.

Игорь подошел к дивану, нагнулся над кассетником, чтобы выключить, и замер. Он не ожидал этого здесь увидеть, совсем не ожидал. В углу из-за оборванной спинки дивана торчал картонный конверт. Самодельный картонный конверт для пластинки с нарисованной синим фломастером буквой «К» посередине. Игорь узнал бы его из миллиона. А еще он знал, что здесь этого быть просто не может.

Три с половиной минуты, что длилась песня в ту ночь, были самыми короткими и самыми казалось длинными в жизни Игоря. Он танцевал с красивой, ставшей вдруг безумно близкой женщиной и не хотел, чтобы это заканчивалось. Он хотел, чтобы эта чертовски грустная и очень красивая песня длилась бесконечно. Чтобы этот танец не прекращался никогда. Ему было плевать, как это выглядит со стороны, он не думал ни о чём, просто слушал музыку и танцевал. Так хорошо ему еще не было никогда. Он просто обнимал эту женщину, они мерно двигались в танце, он чувствовал её рядом, и от этого ему было хорошо как никогда. Он был счастлив. Ровно три с половиной минуты.

—Спасибо! — прошептала Эльвира Юрьевна ему на ухо как только песня закончилась, — тебе пора.

А затем поцеловала его в щеку. Просто обычный дружеский поцелуй, но в нем было столько нежности и теплоты, что по прошествии многих лет и многих женщин с ним так и не сравнился ни один самый страстный и жаркий поцелуй. Он был настоящий и единственный, пожалуй, в жизни Игоря.

Вместе с песней закончилась и та ночь. Игорь засобирался домой, не хотелось портить впечатление и засиживаться специально. Ему, конечно, хотелось продлить общение с Эльвирой Юрьевной бесконечно, но он боялся всё испортить.

— Подожди, я тебе подарок забыла сделать, — спохватилась вдруг Эльвира Юрьевна, провожая гостя к дверям, и вернулась в комнату.

Через секунду она вновь появилась рядом с Игорем и протянула ему картонный конверт с понравившейся музыкой. Самодельный картонный конверт с синей буквой «К» посередине.

— Вот, держи! Это мой тебе новогодний подарок. Должна же я тебе что-то подарить за прекрасный танец, — она счастливо рассмеялась.

— Но это же память... — начал, было, Игорь.

— От памяти тоже иногда нужно избавляться. Тебе эта музыка нравится, а мне от неё только больно. Нет смысла ждать, я же знаю. Десять лет назад он пообещал приехать на Новый год, а я все жду. — Эльвира Юрьевна грустно улыбнулась. — Была дурёхой и осталась. Так что держи!

— Спасибо!

Попрощавшись, Игорь вышел на улицу и не узнал ничего вокруг. Впервые с начала зимы шел снег. Крупными хлопьями он валил упрямой стеной, было понятно, что уж этот надолго, и зима решила всерьез вступить в свои права. Первый снег зимы пошел именно в ту новогоднюю ночь.

Игорь задрал вверх голову, вдохнул холодный воздух и вдруг понял, что смертельно хочет спать. Он устал, счастливая приятная усталость охватила всё тело. Вдохнув еще раз, Игорь накинул капюшон на голову и поспешил домой. Быстрым шагом он преодолел маленькую дорожку и скрылся за поворотом, обогнув почту, идти обратно через «Бермуды» не хотелось вовсе.

Уже возле своего подъезда Игорь вспомнил о пластинке. Картонный конверт с синей буквой «К», подарок Эльвиры Юрьевны, так и остался лежать на тумбочке у неё в коридоре. Игорь положил его туда пока зашнуровывал ботинки и благополучно забыл. Он не расстроился тогда, вовсе нет. Для него это был повод для новой встречи с прекрасной женщиной. Встречи, которой так и не случится.

А сейчас этот конверт торчал из-за грязного дивана гаража. Выглядывал всего наполовину, даже буква «К» была видна не полностью. Но Игорь знал, что это именно он, и здесь его быть никак не должно. Он протянул руку и стал медленно вытягивать конверт из-за спинки дивана.

Нет! Не он! Нет же! Он до последнего пытался обмануть себя, не хотел верить в то, что видит, отказывался. Но вот конверт появился на свет полностью, самодельный конверт с синей буквой «К» посередине. Обмануть себя не вышло. А дальше Игорь не успел что-либо понять или подумать. Свет просто выключили, так ему показалось. Он просто оказался в полной темноте.

С трудом открыв глаза, Игорь не сразу понял, где находится. Он лежал на полу холодного гаража, жутко болела голова, во рту был привкус крови. Понять, какого хрена тут произошло, было тяжело, каждая мысль давалась с трудом и причиняла чуть ли не физическую боль. Кое-как приподняв раскалывающуюся от явного удара сзади голову, Игорь попытался оглядеться. Гараж, диван, на диване дерутся двое, Вареник и Генка Рыжий, сцепились в клубок. Игорь резко вскочил и скорчился от боли, голову, похоже, пробили, суки! Но нужно было спешить. Рыжий был явно сильнее Вареника и уже подмял того, пытаясь дотянуться до горла. Он схватил Генку за шиворот и рывком на себя скинул его на пол. Хотел добавить ногой по наглой рыжей морде, но, оказавшись на полу, Генка мгновенно кубарем откатился на пару метров и вскочил на ноги.

—Это он Депресуку убил! — заорал вдруг Рыжий, показывая пальцем на кашляющего на диване Вареника, — он! Я из-за вас, дебилов, в тюрягу не сяду! Идите на х**!

— Не из-за нас, а из-за Эльвиры Юрьевны. — Игорь сделал, было, угрожающий шаг в сторону Рыжего, но тут же остановился. Рыжий все-таки был быстрый малый, молниеносно наклонился и схватил валявшийся на полу рядом здоровый гаечный ключ.

—Не подходи, бля! Разбирайтесь сами!

Тут же развернувшись, Генка кошкой выпрыгнул в раскрытую дверь и исчез.

— Дебил! — выругался Игорь и повернулся к Варенику.

Женька, шатаясь, стоял у дивана и смотрел на Игоря. В руке он крепко сжимал нож.

— Уходи! — прорычал Вареник.

— Варёный, ты чё? Положи нож, дурак.

— Уходи! — еще громче прорычал Женька.

— Заканчивай, придурок! Брось нож!

— Уходи, сказал! —-у Вареника началась истерика, слезы хлынули у него из глаз, голос сорвался на крик, но он упрямо продолжал стоять с ножом в руках. — Уходи, Игорян, прошу.

Видя, что Игорь не собирается его слушать, Женька замахнулся ножом и пошел на друга, вынуждая того пятиться к двери.

— Заканчивай, Варёный! — Игорь вновь попытался достучаться до охваченного пьяной паникой друга, — давай поговорим. Я уйду, хорошо, но давай поговорим. Что произошло, бля, расскажи дурак!

Вареник вдруг остановился, но нож не опустил. Он смотрел Игорю прямо в глаза мутным от алкоголя и слез взглядом. Игорь видел в его взгляде боль, жуткую, съедающую его изнутри боль. Боль, от которой Вареник никак не может избавиться.

— Я не хотел, — выдохнул вдруг Женька, — случайно всё вышло, совсем не хотел. Мы с дискача шли ночью, через Бермуды решили путь срезать, пьяные в хлам были с Рыжим. А тут вдруг она выбегает из своего подъезда в одном платье с пластинкой в руках. Я пьяный был, не помню ни хрена, помню, лишь камень взял и кинул в неё. Просто кинул, пугнуть хотел, приколоться. Злой на неё был тогда, что батя мне из-за неё компьютер не подарит. Я не хотел, понимаешь?! — Слезы хлынули из глаз Вареника с новой силой, — а попал прямо в голову, она и упала. Я думал, убил, всё. Лежит мёртвая, не дышит, крови нет, но сердце не бьётся. Ну реально, я думал, трупак.

— На стройку вы перетащили?

— Да! — закричал Вареник, захлебываясь слезами, — это Рыжий предложил, типа самоубийство инсценировать, типа никто разбираться не будет, никому она не нужна. Снег как раз пошел в ту ночь, заметет, думали, и всё. Целый час её наверх затаскивали, сбросить решили для достоверности. А она потом вдруг глаза открыла! На самом верху, когда уже к краю подтащили, сбросить хотели, она глаза открыла, понимаешь? Открыла и смотрит на меня. Я испугался и толкнул, живую её, на хрен, толкнул вниз. Только взгляд её этот забыть не могу, сука! Каждый день, каждую ночь, отовсюду смотрит на меня! Сдохнуть хочу, а страшно! Понимаешь? Страшно!

Вареник вытер слёзы кулаком и вновь пошел на Игоря.

— Уходи, Игорян! По-хорошему прошу, уходи!

Игорь не успел ничего сделать, Вареник обманул его. Он вдруг резко замахнулся ножом в сторону Игоря справа, а левой рукой просто вытолкнул друга в открытую дверь. Выкатившись на улицу, Игорь мгновенно вскочил на ноги, но было поздно, Вареник заперся изнутри на металлический засов.

Ломиться в гараж было бессмысленно. Игорь пробовал, молотил кулаками, кричал, звал Женьку, но в ответ не услышал ни звука. Было ясно, что нужно звать на помощь, но кого? Бежать к родителям Варёного? В милицию? Куда?

— Варёный! — закричал Игорь, он вдруг понял, что плачет, слёзы текут сами собой, он даже не чувствует этого, — Варёный, дождись меня! Пожалуйста, дождись!

Игорь развернулся и побежал к выезду из гаражного городка. Побежал вперед, туда, где была помощь.

Через поле сорняков.

К чужим.

К близким.

Императорский Рим. Фрагмент 2-ой. Император Нерон

Глеб Фалалеев

I. ПРОРОЧЕСТВА И ЛЕГЕНДЫ

Ранним холодным декабрьским утром 790 года от основания Рима, когда лучи восходящего солнца едва коснулись земли, в семье знатного патриция Домиция Агенобарба родился ребёнок. Казалось-бы, радоваться надо, но суровый отец мрачно пророчествовал:

- От меня и Агриппины ничто не может родиться, кроме ужаса и горя для человечества!

Когда же жена его обратилась к гадателю за предсказанием судьбы сына, тот ответил, что младенец станет царём, но убьёт свою мать. Агриппина воскликнула:

- Пусть убьёт меня, лишь бы он царствовал!

Император, прозванный в народе Калигулой, по просьбе его матери, своей сестры, дал мальчику имя Тиберий назло ей и дяде своему Клавдию, который посмешищем был при дворе. Агриппина имя отвергла, назвав сына Луцием, согласно семейной традиции.

Двух лет от роду, Луций Домиций Агенобарб лишился отца. Цезарь, его дядя, имеющий право на долю в наследстве, забрал себе всё их имущество и вскоре сослал его мать. Детство провел он в нужде и лишениях в доме тётки своей, Лепиды, под присмотром двух воспитателй, один из которых был цирюльник, а другой - танцовщик.

Как-то раз на ложе его у изголовья была найдена сухая змеиная кожа и предрекли, что унаследует он великую власть от старого человека, так как по общему мнению, змеи сбрасывают кожу от старости.

Клавдий, приняв бразды правления, вернул его мать из ссылки, а ему самому также всё отцовское имущество, присовокупив к нему еще и наследство отчима Пассиена Криспа. Мальчик рос крепкий телом и быстрый умом. Ещё в детстве он участвовал в Троянских играх и не раз побеждал в упражнениях по верховой езде юношей много старше его.

Стареющий император всё больше и больше привязывался к сыну племянницы. Положение его столь возвысилось, что по Риму ходили слухи, будто Мессалина, жена Клавдия, подсылала убийц задушить его во время полуденного отдыха. И будто с подушки его навстречу убийцам бросился змей, и они в ужасе убежали.

Император усыновил юношу в 50 году н.э. в возрасте тринадцати лет и отдал его на воспитание сенатору Аннею Сенеке, известному философу-стоику. Вскоре Сенека увидел во сне, что воспитывает он покойного Гая Калигулу прославившегося своим развратом и лютой жестокостью. Сон оказался вещим. Воспитанник вскоре не преминул обнаружить свой изощрённо-коварный нрав.

Двоюродная сестра Агриппины, Лепида, под кровом которой провёл он самые тяжкие годы, считала себя равной ей по знатности и положению. Видя стремительный взлёт племянника при Клавдии, она затеяла жестокую борьбу с его матерью за влияние на молодого человека. Но, презрев память детства,в угоду матери своей Агриппине, немедля он дал против тётки в суде показания, обвинив её в столь тяжких грехах и пороках, что даже ко всему привыкшие римляне были шокированы.

С момента усыновления императором Клавдием, Луций Домиций Агенобарб взял себе новое имя: Нерон Клавдий Друз Германик. С ним и вошёл он в анналы истории...

II. ТЕАТР И ЖИЗНЬ

Семнадцатилетним он унаследовал власть. Начал с того, что почтил своего благодетеля великолепным погребением, пышной похвальной речью, написанной для него Сенекой и обожествлением.По этому поводу историк Тацит ядовито заметил, что "...из обладавших властью Нерон первым нуждался в чужом красноречии..."

Став императором, он объявил, что править будет по начертаниям Августа во благо народа и Рима. Щедрой рукой начал Нерон раздавать деньги и пенсии, устраивать бесчисленные зрелища и даровые угощения. Народ ликовал! Казалось, "золотой век"наступает вновь. Но, то-ли не даром прошла школа детских воспитателей, то-ли по природе своей, но что бы ни делал Нерон, всё выходило слишком помпезно, вульгарно или безвкусно. Если для Августа жизнь была театром в котором он успешно сыграл свою роль, то для Нерона - театр был жизнью и в нём он считал себя непревзойденным актёром. Одержимый мыслью о своей гениальности, он не упускал возможности блеснуть своим "талантом" на театральных подмостках.

Впервые император выступил в Неаполе и, несмотря на то, что театр дрогнул от неожиданно начавшегося землетрясения, он не остановился, пока не окончил начатую песнь. Но чаще всего Нерон выступал в самом Риме и, хотя голос у него был слабый и сиплый,он жаждал оваций и лавров актёрского успеха.

- Чего никто не слышит, того никто не ценит! - часто повторял он друзьям известную греческую пословицу.

Даже в государственных делах Нерон не мог обойтись без театральности. Так, когда однажды ему положили на подпись указ о казни уголовного преступника, он лицемерно воскликнул:

- О, если бы я не умел писать!

Гладиаторские бои император любил безмерно, и чем кровавее они были, тем было лучше. Наверное действительно сказалась дурная наследственность: ещё отец его, Домиций Агенобарб, однажды устроил гладиаторский бой столь жестокий, что сам Август, тщетно предостерегающий его от излишеств негласно, в конце-концов вынужден был обуздать его кровожадность официальным запретом.

Нерон превзошел своего родителя по части зрелищ: в театр внезапно была пущена морская вода, в которой даже плавали рыбы и морские животные и в этом бассейне устроен был морской бой между персами и афинянами, после же, воду спустили и на сухую арену снова вышли друг против друга бойцы и не один на один, а отряд на отряд.

К числу самых роскошных зрелищ, устроенных Нероном, современники относили прибытие в Рим парфянского царя Тиридата. Долгая борьба между Римом и Парфией за протекторат над Арменией завершилась победой парфян. Царём Армении стал парфянский принц Тиридат, и только для удовлетворения неуёмной римской гордыни оговорено было, что Тиридат примет царскую власть в Риме из рук самого императора.

Специально для приёма Тиридата театр Помпея был весь вызолочен, день его появления перед народом был объявлен эдиктом /специальным указом/, вокруг храмов на форуме выстроились вооружённые кагорты. Сам Нерон в одеянии триумфатора сидел на консульском кресле, окружённый боевыми значками и знамёнами. После возложения царского венца на голову Тиридата, император повёл его в театр и посадил рядом с собой по правую руку. Расточительность его была умопомрачительна. Ежедневное пребывание Тиридата в Риме обходилось казне в восемьсот тысяч, а при отъезде парфянский царь получил пожалование от императора превышавшее сто миллионов.

Воистину - пир во время чумы сей комический фарс, когда побеждённый венчает на царство победителя, выплачивая ему при этом контрибуцию и искренне веря в то, что он его облагодетельствовал! Так что театр следовал за Нероном неотступной и вполне зримой тенью до конца его дней.

III. КРОВЬ И ОГОНЬ

Крови Нерон пролил реки. Лил он её нещадно, беспринципно и ни от кого не скрывая. Брата своего, Британика, он отравил сильнодействующим ядом в своём дворце на пиру. Яд приготовила знаменитая римская отравительница Лукуста, получившая в награду за труды рабов и поместье. В Риме говорили, что император не столько боялся брата, как претендента на власть, сколько завидовал его голосу более чистому и мелодичному. Как актёр Нерон был бездарен и это все знали, но как император - он был гениальным актёром, в чём все же его раболепно и убеждали. 60 году им были учреждены Нероновы состязания или Неронии в которых участвовали известные трагики, мимы, певцы и музыканты. Отдавая здравый отчет о "талантах" Нерона,Сенат, во избежание позора, предлагал ему победный венок без состязаний, на что император самонадеянно заявил:

- Мой талант не нуждается в послаблениях!

Естественно, он выиграл. Его "талант" процветал.

С годами Агриппина постепенно утрачивала свою власть над сыном. Сенека же, наоборот, потихоньку прибирал Нерона к рукам. Мать свою император давно невзлюбил за строгость в суждениях и здравость в мыслях. Трижды пытался он её отравить, но безуспешно, пока не понял, что она принимает противоядия. Но, от судьбы не уйдешь...

Однажды в театре Нерон и Сенека увидели некую распадающуюся машину. Мысль озарила внезапно, как молния тёмную ночь: создать распадающийся корабль, чтобы погубить мать крушением. Искусный мастер Аникет создал это чудо техники древнего мира, сравнимого разве что со знаменитым Троянским конем. Нерон подарил корабль Агриппине, проводил её ласково и даже поцеловал на прощание. Император не спал всю ночь в ожидании успеха своего предприятия. Но надеждам его не суждено было сбыться. Агриппина спаслась, несмотря на то, что на неё обрушилась свинцовая кровля каюты. Убил её всё тот же Аникет ударом кинжала.

Нерон самолично прибыл для того, чтобы осмотреть тело убитой и цинично заметил:

- А я и не знал, что у меня такая красивая мать!

Император был столь двуличен, что выпустил в обращение траурную монету с портретом Агриппины на лицевой стороне и погребальной повозкой на обороте с надписью: "Памяти Агриппины".

Знал-ли тогда философ-стоик Сенека, что и его час уже близок? Что смерть постучится к нему очень скоро и примет её он из собственных рук...

Год 64-ый ознаменовался появлением над Римом хвостатой кометы, по давнему поверью, грозящей смертью верховным властителям. Она стояла в небе несколько ночей подряд. Встревоженный император обратился к астрологу Бальбиллу и тот пояснил, что обычно цари откупаются от таких бедствий какой-нибудь блистательной казнью. Нерон как всегда проявил артистичность. Людей он несчетно казнил и это приелось. Настала пора казнить... Рим!

Он устраивал поджоги настолько открыто, что многие ловили у себя во дворах его слуг с факелами и паклей, но не осмеливались их трогать.

Пожар начался в лавках при Большом Цирке. Огонь охватил почти весь город; из четырнадцати кварталов три выгорели дотла, семь - частично и только четыре уцелели.

Сам Цезарь смотрел на пожар с Меценатовой башни, наслаждаясь по его словам, великолепным пламенем, и в театральном одеянии пел куплеты "Крушение

Трои" собственного сочинения. Ну, чем не великий актёр? Да и кто из великих на это был бы способен?

В римских поджогах были обвинены христиане - приверженцы нового зловредного суеверия, принесённого в Рим с востока. Тысячи их погибли по всей империи на аренах цирков и на крестах. Тысячи жизнью своей заплатили за то, что император развлёкся, превратив Вечный город в гигантские нигде доселе невиданные пылающие театральные декорации.

IV. СМЕРТЬ И ЛЖЕЦЫ

Рим терпел безумства Нерона почти 14 лет и, наконец, низвергнул. Пропретор провинции Галлия Юлий Виндекс поднял восстание. В этот момент Нерон находился в Неаполе. Узнав о случившемся, император вначале не придал этому никакого значения, но, спустя восемь дней,побуждаемый все новыми и новыми вестями, он, наконец, в трепете пустился в Рим.

Когда же он узнал, что Гальба с Испанией отложился от него, он рухнул в изнеможении и долго лежал так как мёртвый. Опомнившись, громко возопил, что всё кончено, рвал на себе платье и бил себя по голове. Но даже в эти критические минуты он сумел потихоньку явиться в театр (!!!), где большой успех имел некий актёр и сказал ему:

- Ты пользуешься тем, что император занят!

Между тем пришли вести, что взбунтовались и остальные войска.

Ненастной ночью 7 июня 68 года Нерон бежал босой, в одной тунике поверх которой был накинут простой тёмный плащ. Его сопровождали лишь трое: вольноотпущенник Фаон, раб Эпафродит и евнух Спор. Четыре всадника неслись по дороге прочь от Рима. Из ближайшего лагеря долетали крики солдат, желающих гибели императору, а Гальбе - удачи.

Разговор двух прохожих:

- Они гонятся за Нероном?

- А что в Риме слышно о Нероне?

Конь под Нероном шарахается в сторону, лицо его на миг открывается. Какой-то отставной преторианец узнаёт императора и инстинктивно отдаёт ему честь.

На пути поворот. Гремит гром, сверкает молния, льёт с неба дождь. Беглецы спешиваются с коней, отпускают их и сквозь колючие терновые кусты продираются к задней стене усадьбы Фаона. Усадьба - их последнее убежище и надежда. Убежище к которому они так стремились и наконец-то достигли. Казалось, почти спасены. Но какая-то неведомая тёмная сила неумолимо подталкивает толстого рыжего тридцатилетнего человека в изодранной окровавленной одежде к большой яме из которой когда-то брали песок. Яма - могила, человек - император. Время от времени он жалобно всхлипывает и повторяет:

- Какой великий артист погибает!

В глазах Нерона застыл несказанный ужас. В них - просьба о смерти. Но, многих убивший, сам умирать он боится. Наконец Цезарь решается и, с помощью Эпафродита, пронзает себе горло мечом. Он ещё дышит, когда перед ним возникает невесть откуда взявшийся центурион и, зажав рану, делает вид, что хочет ему помочь. Императора дёргают последние конвульсии и чуть слышен хрип:

- Поздно! Вот она, верность!

Смерть Нерона была неоднозначно воспринята на огромном пространстве Империи. Ненавидимый в самой Италии, император-актёр пользовался огромной популярностью в восточных провинциях. Его гибель вызвала к жизни неведомый ни до него, ни после в истории Рима феномен. Феномен лжецов. Об одном из них упоминает Светоний. Лже-Нерон появился в Парфии. Его имя имело столь большой успех у парфян, что они деятельно его поддерживали и с большим трудом согласились впоследствии выдать.

О другом Лже-Нероне, появившемся в Греции в 70 году, упоминает Тацит. Третий, настоящее имя которого было Теренций Максим, объявился в Сирии в последние годы царствования императора Веспасиана, то есть спустя почти 30 (!!!) лет с момента гибели подлинного императора.

Нерон был последним, носившим имена Цезаря и Августа по праву родства с ними. На нём закончилась первая правящая династия императорского Рима, впоследствии названная династией Юлиев-Клавдиев. Для всех остальных императоров приставка Цезарь Август стала лишь титулом.

И сбылся оракул, данный когда-то сивиллой:

- БУДЕТ МАТЕРЕУБИЙЦА ПОСЛЕДНИМ В ЭНЕЕВОМ РОДЕ!

Афганский разлом

Роман Максимов

Глава 4

«И вышел другой конь, рыжий;
И сидящему на нем
Дано взять мир с земли,
И чтобы убивали друг друга;
И дан ему большой меч»

(Откровение Святого Иоанна)

Тепло афганское утро не предвещала никакой беды, хотя здесь ожидать ее можно было постоянно и внезапно со всех четырех сторон света. Солдаты чистили оружие, комплектовали боеприпасы, занимались укреплением оборонительных сооружений. «Молодые», помимо своей основной работы, выполняли еще и унизительные поручения «дедов» и «дембелей», ставшие неотъемлемой частью всей армейской службы. Сергей сидел возле палатки и не спеша зашивал рваную дыру в потертых брюках «ХБ» своего «шефа». Рядом стояла новенькая, но пока не чищенная (т.к. Кабан сунул свои бесовы штаны) СВД, недавно выданная Никитину командиром роты – капитаном Прониным. Неподалеку на высоком деревянном табурете восседал Пеньковский, в перерыве между чисткой своего АКМ записывая в зеленую тетрадку новые стихотворные мысли. Закончив швейную работу, Сергей встал и разминая затекшие ноги, сделал несколько легких приседаний. Потом подошел к Мишутке и заглянул через его плечо. Каллиграфическим, размашистым почерком солдата, рождалась в тетрадке очередная песня про Афган:

Вспомним, друг, с тобой Афганистан
Нашей жизни тоненькую нить
И комбата, что погиб от ран,
Говоря: «Ребята, будем жить!»

Белое небо, белое солнце,
Белые скалы, белый песок,
Алые пятна на гимнастерке,
Алые пятна – и белый песок…

Не могу забыть я бой у скал
Автоматный треск в кромешной мгле
Миною подорванный «Урал»
И тела мальчишек на песке…

Сейчас Пеньковский сидел над третьим куплетом и по его ужасно сосредоточенному, со вздувшимися на лбу венами, красному лицу было видно, что последний куплет дается ему очень тяжело. Внезапно из палатки выскочил не на шутку взволнованный связист Володя Старовойтов и увидавши поблизости двух солдат, закричал срывающимся от волнения голосом:

- Где командир?

- Не знаем, а что случилось?, - Сергей и Мишутка встрепенулись и по телу у каждого пробежала легкая дрожь, как предчувствие чего-то страшного.

- Наших «духи» обстреливают. Запросили по рации помощь. Уже подбили с гранатометов «ЗиЛ» с царандойцами, а там еще наша «коробочка» с ребятами… В разведку поехали, а тут эти гады в кишлаке засели… Ну ладно, я побежал, нет времени, хлопцы гибнут!

С этими словами Старовойтов рванул вперед искать хоть какого – ни будь командира.

Не прошло и десяти минут, как вся рота уже катила на БМП на помощь попавшим в засаду «духов» товарищам. Ехали молча. У всех солдат были серьезные, словно высеченные из гранита лица, - каждый понимал опасность создавшегося положения. Рядом с Никитиным сидел один из братьев Бугаевых – Сашка, - бледный, как полотно, с немигающими, уставленными в пол глазами. Еще бы! На той «коробочке», которую в этот момент может быть обстреливают душманы, находится его родной брат Колька, – водитель-механик. Сергей понимал состояние солдата и поэтому молчал, лишь только крепче сжал жилистую руку Александра повыше кисти, - «Не переживай, друг, может все еще обойдется…»

Очень, очень хотелось Сергею чтобы все обошлось, чтобы не было этих предсмертных стонов тяжело раненных солдат; чтобы не видеть темно-бурые лужи крови и растерзанные снарядами безжизненные человеческие тела; чтобы не слышать лопания горящего железа и разлетающиеся на мелкие куски от взрывов обломки техники… Но у войны нет сердца. Она беспощадно уничтожает всех, кто ступил на ее опасную тропу, превращая жен во вдов; детей в сирот; делая безвременно посидевшими матерей…

Будь ты, война, проклята во веки веков!!!

* * *

- Стоп! Приехали!

Бронемашины резко остановились, создавая вокруг себя огромные клубы дыма и пыли, и из «десанта» спешно начали выпрыгивать бойцы, боязливо озираясь по сторонам, - не подстерегают ли их затаившиеся где-нибудь вооруженные «до зубов» душманы.

Никитин немного замешкался возле открытого люка «десанта», но получил хлесткий удар под зад тяжелым сапогом Кабана, - пулей вылетел наружу. То, что он увидел, заставило лоб моментально покрыться холодной испариной, а сердце стучать с бешенной скоростью. Во рту, вдруг, стало сухо; к горлу подступила неприятная тошнота. На дороге, ведущей в кишлак, пылали две искареженные снарядами машины: царандойский ЗиЛ и ротная БМП. Вокруг лежали изрешеченные пулями мертвые тела царандойцев: некоторые были без рук, ног, с оторванными головами. Песок перемешался с кровью и от этого, да еще от невыносимой жары, в воздухе пахло сладковатым запахом разорванной человеческой плоти. Горящая боевая машина пехоты также не подавала признаков жизни… Неужели все кончилось? Неужели опоздала помощь, в которой так остро нуждались наши товарищи? А может кто-то, все-таки, еще жив? Жив…Жив…Жив…- колотило, словно молотом, в висках у Сергея, когда он с группой солдат, задыхаясь от пыли и пота, бежал к БМП с заводским номером 313. Одним из первых прыгнул в черное отверстие люка Сашка Бугаев, пытаясь в клубах ядовитого дыма отыскать, может быть, еще живого брата. В стороне солдаты складывали в ряд тела царандойцев и между ними сновали медбратья, выявляя тех,

кто еще подавал хоть какие-нибудь признаки жизни. Сюда же положили старшего лейтенанта Флерова- командира третьего взвода, поехавшего на этой злополучной БМП на разведку местности; и оператора-наводчика, - старослужащего сержанта с греческой фамилией Пефти. Первому разрывная пуля попала в рот, вырвав на затылке внушительный кусок черепа вперемешку с мозгами. Второй, будучи до неузнаваемости покрыт ожоговыми волдырями, скончался от огня, или задохнулся в едком ядовитом дыму, не в силах выбраться с охватившей пламенем машины.

Вдруг все, словно по команде, повернулись в одну сторону. Навстречу солдатам шел высокий крепыш Саша Бугаев, неся на руках окровавленного водителя-механика. «Нашел, все таки брата!», - подумал Никитин, - «живого бы…» Но что это?... Сквозь пыль показалось ребятам, будто Колькино тело стало намного короче и лишь ближе увидали, что у него оторваны обе ноги чуть выше колен. Из ран текла кровь, легкой пульсирующей струйкой стекая по оголенной кости. Осколки, мелкие и большие, впились в тело, а на том месте, где некогда находились глаза, сейчас кусками свисало окровавленное темное мясо. Но все-таки брат еще был жив: иногда слышались приглушенные стоны и хрипы тяжелораненого бойца, исходящие, как казалось, не изо рта, а откуда-то изнутри обезображенного войной тела. Ему перетянули ноги выше отрыва жгутами, чтобы остановить кровь. Но так, как кровь пульсирует и давит на жгут, вызывая, тем самым, нечеловеческую боль, он пытается сам развязывать жгуты и спускать кровь, облегчая этим свои страдания. Подоспевший ефрейтор-медик колет раненному бойцу «промедол», избавляя от болевого шока. Но лекарство, обычно действующее моментально, не оказывает на Николая должного действия: он плачет, стонет, корчится от боли; снова и снова пытается развязать, или хотя бы ослабить жгуты.

- Еще давай «промедола»! Коли! Не жалей!, - кричит медику возбужденный до предела Сашка, удерживая непослушные руки брата.

Следует укол за уколом, но шок не проходит, обезболивание не наступает…

- Что за черт! Дай сюда сумку!

Вынув из нее полиэтиленовую ампулу, Сашка раскручивает головку с иглой и выплескивает жидкость себе на язык. Внезапно лицо его меняется, глаза становятся удивленно-дикими; он оглядывает ребят и заикаясь, не своим голосом произносит, -

- Вода…Это же вода, братцы…Обыкновенная вода…

Пока все приходили в себя от услышанного, Бугаев в один прыжок оказался возле побледневшего ефрейтора-медика и сваливши его на землю, начал душить.

- Где «промедол», сука?! Где «промедол», гад!!! Где?! Я убью тебя, козел вонючий, если брат умрет! Слышишь, ты… Убью!...

- Я не знаю, правда ничего не знаю, - хрипел медик, хватая открытым ртом воздух, - Клянусь!...

Пришедшие в себя солдаты набросились на разъяренного Сашку, оттаскивая его от полуживого ефрейтора. Шутка ли, так и задушить намертво не долго…

Правду говорил ефрейтор… Нет, не мог он знать, одно призывник Никитина, недавно вступивший на афганскую землю, как впрочем и большая часть полка, о всех гнусных преступлениях, творящихся здесь. О том, что «умудренные войной» некоторые медики-подонки, имеющие определенное количество «промедола», или кололись сами, балдея от сильнодействующего наркотика, или продавали его заядлым наркоманам, получая взамен афганские деньги либо чеки. Вместо лекарства наливали в полиэтиленовую ампулу обыкновенную воду и, в случае ранения на боевых операциях, этот поддонок вводил ее пострадавшему бойцу. Естественно, раненному это не помогало. Болевой шок не проходил, обезболивание не наступало и солдат умирал… Дико, нелепо, страшно…

Из многочисленных ампул, с лекарством оказались лишь несколько штук, - в остальных была вода. Правда, у ребят нашлись еще немного ампул «промедола» с индивидуальной медицинской аптечки, которая должна быть у каждого бойца, но ко-

торой так часто им не достает.

Пока разбирались с ефрейтором и искали лекарства, совсем забыли за раненного товарища. А Николай, тем временем, перестал стонать. Жгуты были развязаны и лежали рядом с ним в луже вытекшей с ран густой крови. Некогда крепкие борцовские руки безжизненно раскинулись поперек изуродованного тела – словно солдат хотел в последнюю минуту жизни объять это огромное голубое небо. Сергей еще долго, наверное всю жизнь, будет помнить эту страшную сцену: Два Бугаева…Два брата…Мертвый и Живой… Сашка стоит на коленях у изголовья Кольки и громко рыдает. Большие слезы катятся по грязным, вымазанным сажей и кровью щекам, - он их не вытирает. Сжатые кулаки то поднимаются к небу, то бессильно падают на грудь мертвого брата. Все стоят молча, опустив головы. Никто не утешает Сашку, - понимают, - не время.

Да, на всю жизнь запомнит Сергей эти душераздирающие рыдания и срывающийся на крик голос Сашки Бугаева:

- Брат! Брат!! Брат!!!

Будь ты проклята, война, во веки веков!

Глава 5

«Возгремел на небесах Господь,
И Всевышний дал глас Свой,
Град и угли огненные,
Пустил стрелы Свои и рассеял их,
Множество молний, и рассыпал их»
(Псалтырь. Псалом 17)

- По машинам! Всем приготовиться для огневого удара!, - словно лезвием резанула ушные перепонки команда лейтенанта Шнайдера, исполнявшего в этой операции обязанности командира роты., - Быстрее, быстрее…Заряжайте боезаряд! Да шустрее, вы, черти!

Сергей понял, что прежде, чем рота войдет в кишлак, жидкоусый принял решение обстрелять с бронемашин засевших там душманов, чтобы как можно меньше подвергать опасности личный состав. Но ведь в кишлаке могут находиться ни в чем не повинные женщины, старики, дети… Это что же, всех разом под одну гребенку на тот свет?! Никитин содрогнулся, представляя себе новые растерзанные жертвы, но приказ командира – закон для подчиненного и его нужно беспрекословно выполнять, - так учили в доблестной Русской Армии. Все же Сергей решил сообщить Шнайдеру о вероятном нахождении в кишлаке мирных жителей, заметив при этом, что расстреливать в упор женщин и детей было бы невероятно жестоко.

- Жестоко?!, - взорвался жидкоусый лейтенант и в его глазах сверкнула искра злобы, - А ты это видел?, - он указал на сложенные в ряд трупы царандойцев и экипажа БМП, - Это не жестоко, а? И кого ты называешь «мирные жители»? Жен бандитов, которые то и дело ждут момента, чтобы размозжить с «БУР» твою глупую башку; или детей, подсыпающих яд в колодцы с водой перед приближением наших войск ?!...

Шнайдер внезапно замолчал и лишь по его щекам, играющими мускулами скул, было видно, что он находится в сильном эмоциональном возбуждении. Его лоб покрылся испариной и выпуклыми багровыми венами, пульсирующими венозной кровью. Несколько секунд офицер и солдат стояли молча, глядя друг другу в глаза, и когда Шнайдер заговорил снова, голос его стал более спокойный, - видимо лейтенант взял себя в руки.

- Это война, Никитин… А каждая война по своему жестока. И не время здесь, перед убитыми товарищами, говорить о милосердии. Мы – солдаты, нас учили воевать, а не раздавать сентиментальности…

- Вы знаете, товарищ лейтенант, - задумчиво произнес Никитин, - мне иногда кажется, что даже местное население не признает нас…Ненавидит… Может эта война чья то нелепая ошибка? Может не стоило вовсе вводить сюда войска, где каждое дерево, каждый камень испытывает к тебе ненависть, где…

- Хватит!, - резко оборвал откровения солдата жидкоусый, - Много больно знаешь, салага…Не нашего с тобой ума это дело… Есть Партия, есть правительство…Им виднее…Или в «особый отдел» захотел? А ну кру-у-гом! В машину бегом марш! Знаток…

Через минуту БМП нещадно палили по кишлаку и от этого над ним повис серо-коричневый, густой туман. Сергей не слышал предсмертных стонов и пронзительных криков стариков и женщин; не видел разорванные на куски детские тела и склонившихся над ними рыдающих обезумивших матерей, но всем своим телом, до последнего нерва, непредсказуемо остро чувствовал вину перед этими людьми, чья вина заключалась лишь в том, что они родились в этой несчастной, раздираемой войной, стране. Не перед душманами, нет. Они враги. И с ними надо бороться. А чем провинились эти женщины, убаюкивающие на руках своих младенцев; или дети, беззаботно играющие во дворе дома с самодельными тряпочными игрушками? Ужель тем, что являлись женами и детьми врагов?!

Едва стихли последние залпы башенных орудий и немного развеялось от пыли небо над расстрелянным кишлаком, мотострелковая рота ворвалась на еще дымящиеся от взрывов, искалеченные снарядами улицы.

Первое, что бросилось в глаза, был большой серый камень, из-за которого испуганно выглядывали головы женщин и стариков в чалмах. Одна женщина стояла на четвереньках, низко опустив голову, словно молилась Аллаху, прося у него защиты от огненного смерча. Но снаряды не подчиняются Богам… Так и осталась стоять она, сраженная осколками, в мертвой, сгорбленной позе, отдавая Богу свою последнюю дань…

Среди разорванных человеческих тел – парившего кровавого месива, - шли дети и старики: кто протягивал навстречу солдатам обрубки рук, с висячими на одних сухожилиях безжизненными, посиневшими кистями; кто держал на руках обезглавленные, изрытые осколками, тела родственников, не успевших спрятаться от обстрела… Возле полуразрушенного дувала стояла молодая женщина с грудным ребенком, запеленатым в цветастый платок. У женщины не было ноги. Точнее ступни. Вместо нее торчала оголенная почерневшая кость со следами бурых пятен крови. Женщина одной рукой упиралась на забор, другой же прижимала к себе маленькое, родное существо. Она что то кричала и крупные слезы катились по ее некогда красивому молодому лицу. Увидев это, Никитин схватил женщину на руки и в сердцах закричал, обращаясь скорее к себе, нежели к проходившим рядом бойцам:

- С кем же мы воюем, мужики?!! С кем?!!!

Подбежавший прапорщик Петренко с округленными, пьяными от наркотика глазами, рванул солдата за грудки, - не обращая внимания на плачущую женщину и младенца, - и злобно прошипел Сергею прямо в лицо:

- Ты шо, урод, панику разводишь! Быстро отдай ее санинструктору и марш прочесывать кишлак! Защитничек х…ев!

Обстрел зенитными орудиями натворил немало беды в кишлаке: тут и там стояли закопченные, полуразрушенные дома, глядящие пустыми глазницами окон на дымящиеся от взрывов снарядов искалеченные улицы; многочисленные виноградники – краса и гордость любого афганского кишлака – теперь, посеревшие от дыма и пыли, были безжалостно раздавлены обвалившимися кусками глиняных стен дувалов; во дворах, в предсмертных судорогах подыхали раненные овцы, собаки, куры… Где-то невдалеке слышались автоматные очереди и глухие хлопки гранатометов, - видимо не все душманы смогли уйти с осажденного кишлака в горы. Никитин бежал рука об руку с Володей Старовойтовым, который нещадно палил с автомата в разные

стороны, словно за ним гнались, по меньшей мере, с полдюжины разъяренных «духов». Сергей не стрелял. Да и много ли настреляешь со снайперской винтовки, недавно выданной ему командиром в обмен на автомат. Зато теперь рядовой Никитин назывался звучно и по армейски романтично, - снайпер, - и очень гордился этим.

Возле одного дома, вход которого был завален обвалившейся крышей, ребята нос к носу столкнулись с Кабановым, волочившим за шаровары испуганного пожилого душмана, который мыча что-то непонятное на своем языке, отчаянно хватался руками за землю, оставляя пальцами на ней глубокие борозды.

- А, салаги…,- произнес сержант, увидев Никитина и Старовойтова, - очень, очень кстати… А ну, держите эту душманскую падлу – один за руки, другой за ноги, да покрепче… Сейчас казнить его будем.

С этими словами Кабан достал штык-нож и резко полосонул им по халату плененного им душмана.

- Знаете, чем отличается мерин от жеребца? – внезапно спросил Эдик у оторопелых солдат. И тут же сам ответил: - Мерин – это тот же жеребец, только кастрированный. Без яиц, значит. Так вот, с этого «духа» мы сейчас будем делать мерина. Понятно, салаги?

Сержант уже наклонился над жертвой, чтобы привести в исполнение свой страшный приговор, как вдруг во двор дома вбежал запыхавшийся лейтенант Шнайдер, размахивая пистолетом, словно дирижерской палочкой.

- Кабанов…Никитин…Старовойтов? Что вы тут делаете? – сходу бросил жидкоусый, оглядывая группу солдат. – А это еще кто такой? – он указал взглядом на лежащего в порванном халате, смертельно бледного душмана.

- Это… Мы это… «Духа» в плен взяли, товарищ лейтенант, - промямлил Кабан, спешно пряча в ножны штык-нож.

- Молодцы, ребята, - улыбнулся Шнайдер, глядя на поверженного врага. – Старовойтов, займитесь пленным, а вы, сержант, вместе с Никитиным, осмотрите крайние дома. Приказ ясен? Выполняйте! Только будьте осторожны, в домах могут прятаться душманы.

Эдичка шел разгневанный. Еще бы! Ведь ему помешали совершить желанный акт возмездия, от которого и на душе, может быть, полегчало бы. Так иногда бывает у садистов: места себе не находят, маются, теряют сон, аппетит – пока не найдут определенную жертву, над которой можно вдоволь поглумиться и потом, в конце концов подписать ей смертный приговор. Говорят, садизм – это болезнь и ее нужно лечить. Но замученных садистами людей уже не вылечишь никакими лекарствами. Пойдите, спросите у родственников потерпевших, куда нужно отправлять садистов: б больницу или на эшафот? Ответ, думается, будет однозначным.

Дом на окраине кишлака встретил солдат высокими стенами. Он почти не пострадал от бомбежки и от этого был более опасен, чем его собратья в центре. Никитин шел впереди, прижимаясь как можно ближе к дувалу. За ним следовал мрачный Кабанов, держа наперевес автомат с опущенным предохранителем. Вот и ворота. Они, как и ожидалось, заперты. Эдичка громко начал стучать прикладом, создавая вокруг себя такой грохот, что, если бы в доме находились душманы, то подумали бы о начавшемся новом артобстреле русских. Да и сами солдаты могли бы стать прекрасной мишенью для вражеского снайпера.

Через некоторое время ворота открыл дедушка – бабай с глубокими морщинами на старческом лице, но увидавши солдат в советской форме, попытался тут же ее закрыть, быстро, взволнованно повторяя:

- Душман нис…душман нис…

Но не тут то было! Сержант с силой оттолкнул старика от ворот и когда тот попытался вновь преградить путь в дом, хладнокровно, словно этим занимался всю жизнь, ударил металлическим торцом приклада бабаю в висок. Старик взвизгнул и округлив глаза медленно начал оседать на землю. Изо рта появилась тоненькая

струйка крови…

- Ты что, гад, сделал?! – взорвался Никитин, потрясенный жестокостью сержанта, - Ты же убил его!

- Заткнись, - прошипел Кабан, - не твое собачье дело. Они нас, мы – их, понял? Он сам виноват, нечего было вставать на пути. А потом, кто его знает, может пульнул бы сзади нам в спины.

- Так он же безоружный, Эдик, дряхлый дед! Что он нам мог сделать?!

- Не распускай нюни, сопляк. Лучше пошли, осмотрим дом, - и развернувшись быстро зашагал к приоткрытой входной двери. Внезапно Сергею показалось, будто в пространстве между дверью и стеной промелькнула чья-то легкая тень. Видимо, Кабанов тоже это заметил, так, как настежь открыв ногой дверь начал нещадно палить по комнате. Когда дым немного рассеялся и пыль от глиняных стен улеглась, солдаты зашли внутрь помещения. В углу сидела молодая афганская девушка и с ужасом в глазах смотрела на вошедших в комнату непрошенных гостей. Черные, как смоль волосы ее были распущены, а легкое серое платьице едва-едва скрывало загорелую девичью грудь. С первого взгляда, девушке было лет девятнадцать – двадцать, но внимательно приглядевшись к детскому, остроносому лицу с большими нежными губами, понимаешь, что она еще по сути дела, ребенок. Но удивительней всего было то, что девушка не получила ни одной царапины, тем более ранения, хотя Кабан так дотошно обстреливал ее комнату. Воистину: рождена в рубашке!

- Кого я вижу? О, мадмуазель…- язвительно начал, придя в себя, чернявый сержант. – Как вас звать, солнце? Джоконда? Мона Лиза?... Или как нибудь еще?...Вот это действительно подарок Аллаха! Упускать такую возможность было бы идиотством, правда, Сергунчик? – он медленно начал подходить к испуганной девушке, а та, в свою очередь, плотнее прижималась к глиняной, в выбоинах от пуль, стене. – Сейчас мы поразвлекаемся, солнышко, - блажал Кабанов, тучей надвигаясь на беззащитное существо. – Подумать только, ни разу в жизни не трахал иностранок…А тем более азиаток…Говорят, они очень слабы на передок…Ну это не трудно проверить, так же, Серега?

Эдичка говорил, сопровождая свою речь пошлыми словечками, а Сергей все осознанней чувствовал, как жгучая ненависть к этому наглому, самодовольному, готовому пойти на любое, даже гнусное преступление, сержанту, быстро заполняет его душу. Неужели он, Серега, воспитанный в духе любви и сострадания к ближнему; вскормленный молоком матери, которая никогда не признавала насилия, будет спокойно смотреть, как этот, одурманенный от власти садист начнет измываться над невинной жертвой. А если бы вместо этой девушки была Наташка? Его Наташка?!

Никитин до боли в зубах сжал челюсти и когда Кабан попытался сорвать с девушки платье, громко передернул затвор винтовки, загнав патрон в патронник. Эдичка вздрогнул, словно от электрического тока, услышав знакомый каждому бойцу, металлический звук. По его лицу прошла испуганно-зловещая тень и, оставив девушку в покое, он медленно начал приближаться к нацелившему в него черный ствол СВД, солдату. Когда между ними оставалась пара шагов, Кабанов неожиданно остановился и произнес сдавленным голосом, глядя в упор на Никитина немигающими, полными ненависти и животного страха, глазами:

- Ты кого защищаешь, дурак? Их? Они же наших пацанов убивают, никого не жалеют! Ты вспомни Кольку Бугаева, Женьку Пефти…Их кто ни будь пожалел?

- Мы тоже убиваем, Эдик, - стараясь казаться спокойным, хотя внутри все еще кипело, твердо ответил Сергей, не спуская глаз с сержанта, - На то и война… Но мы не насильники и не садисты, понял?!! Нам никто не давал права издеваться над людьми, а ты…

Сергей не успел договорить, так, как Кабанов, сделав стремительный выпад вперед, со всего размаха ударил его в нижнюю челюсть. Комната внезапно поплыла перед глазами и Никитин, не удержав равновесия, рухнул на сырой, земляной пол. В

то же мгновение, чернявый сержант всей своей массой набросился на оглушенного товарища и, не давая ему прийти в себя, нанес серию тяжелых ударов. Но Никитина было уже не так просто одолеть – от рождения крепкого, выносливого парня, к тому же подогретого болью и ненавистью поражения… Ловко увернувшись от очередного «дембельского» удара, Сергей, в свою очередь, улучшив момент, сильно пнул озверевшего Кабана ниже пояса. Эдичка пронзительно вскрикнул и, схватившись за ушибленное место, отскочил в сторону. Тут он, видимо, вспомнил о болтающимся на поясе автомате – и коварная улыбка скользнула по его лицу… Но выстрелить сержант не успел. Пуля, метко пущенная Никитиным (благо, падая, Сергей не выронил винтовку из рук) пробила Кабанову череп, оставив на переносице небольшую кровавую точку. Афганская девушка, до того с ужасом наблюдавшая жестокую сцену бойни двух советских военнослужащих, разразилась истерическим плачем, как только мертвое тело одного из солдат глухо упало к ее ногам. Стараясь не слышать истерику девушки, Никитин плотно зажал ладонями уши и бессильно опустился на колени возле тела убитого им «дембеля». Нет, он не хотел убивать Кабанова, все получилось как-то неосознанно, само собой. Может быть, именно в эти минуты, минуты смертельной опасности, у человека пробуждается природный инстинкт самосохранения и дальнейшие его действия уже не подчиняются командам головного мозга. Может быть…Может быть…Боже, какой же здесь в душах солдат и офицеров творится разлом. Как меняются и ломаются тут люди…Зачем? За что?? За что нам всем дан этот Афганский разлом???

Возле прибывшего транспортного вертолета МИ-8 , именуемого в будничном армейском лексиконе – «вертушкой», толпились запыленные бойцы, загружая в черное отверстие бронированного люка убитых и раненых товарищей, когда к ним подошел мрачный Сергей Никитин, на плечах которого безжизненно свесив громадные ручищи, лежал мертвый сержант Эдуард Кабанов. Но никто даже не обратил внимание на подошедшую страшную пару; никто не обмолвился словом, - лишь только жидкоусый лейтенант Шнайдер, измерив Сергея долгим, печальным взглядом, едва заметным кивком головы указал солдату отнести убитого бойца в вертолет. Ужасная штука – война…

* * *

Ужасная штука – война… Здесь стираются на нет грани между добром и злом, подлостью и человечностью, любовью и ненавистью… Смерть воспринимается, как нормально-естественное, даже обязательное явление, без которого ни один бой, ни одна операция обойтись просто не могут. И если, иногда, по радиосвязи не звучит взволнованный голос радиста: «Сосна, сосна, я береза…Есть 021, пришлите вертушку…», всем это кажется чудом, чем-то сверхъестественным, неправдоподобным, но в подсознании все же пульсирует пропитанная войной мысль: «Не может такого быть?! Должны же быть хоть раненные?!» Ужасная штука – война!

Кровь на моих руках

Лиза Керн

Глава 20:

- Я сын Фреда.

Моё сердце начинает бешено биться. Я смотрю на ребят. Они смеются. Мне страшно за них.

Моё дыхание ускоряется.

- Не бойся меня. Я не такой как мой отец.

- Тогда, что тебе нужно?

- Я лишь хочу сказать, что Фред узнал, что вы сейчас тут. Он едет сюда. Вам

нужно бежать.

- Чёрт!

- Я задержу его. Я работаю в полиции. У вас есть 20 минут.

- Спасибо, что предупредил.

- Подожди, возьми это

Он протягивает мне карточку на которой написан номер телефона.

- Если что-то случится звони.

Я беру карточку, и бегу к ребятам.

- Фред через 10 минут будет тут!

Нужно бежать!

- Вот мразь. - разбивая стакан говорит Джим.

- Быстрее к машине.

Мы выбегаем из клуба, и подбегаем к машине.

- Быстрее, быстрее!

Наша машина двигается с места, как только мы сели в неё.

- Лиан, пистолет есть?

Я вспоминаю, что я положила его к себе в рюкзак в тот раз.

Я быстро лезу за ним.

Достаю.

- Джим, вот. - я протягиваю его Джиму.

Он заряжает его.

- Фин будет стрелять вперёд, а ты назад.

Джим открывает возле нас с Фином окна.

Я выглядываю в окно.

Как вдруг раздается выстрел.

Я резко убираю голову назад в машину.

- А вот, и Фред.

Фин высовывает руку, и стреляет. Он не попадает.

- Лиан, давай ты. Тебе удобнее.

Я глубоко вздыхаю. Высовываю руки с пистолетом. Раздаются три выстрела. Я попала только один раз. Фред ускоряет машину. Я смотрю вперёд, и вижу четыре полицейских машины. В окне одной из проезжающих машин я вижу сына Фреда. Он открывает окно и кричит

- Быстрее, я отвлеку его

- Спасибо. - кричу я ему в ответ.

- Это кто ещё такой? - возмущенно спрашивает меня Джим.

- Это сын Фред

- Сын Фреда?! Но как..?

- Он предупредил меня в клубе, что Фред нашёл нас. Он не такой как его отец. Устроившись работать в полицию - мешает отцу .

- Все-таки бывают такие хорошие люди. - говорит Джул

- Да, Джул, бывают.

Он действительно задержал Фреда, мы отрываемся.

***

Мы подъезжаем к дому.

Ребята вышли из машины, и пошли к входу. Я достаю пакет с одеждой. По моему телу пробегает дрожь от страха. Я вижу, что какой-то мужик приставил пистолет к затылку Джима. Остальные кажется уже зашли внутрь. Все зависит от меня. Я беру свой пистолет, и тихо подкрадываюсь сзади.

Прикладываю пистолет к затылку того ублюдка.

- Бросьте пистолет или я стреляю.

Он очень медленно убирает руки от Джима. По моему лбу стекает капля пота.

- Джим, отойди в сторону.

Джим отходит в сторону.

Этот человек медленно поворачивается.

- Не двигайся! - пихаю я его пистолетом.

- Девочка, брось пистолет.

Он начинает быстрее поворачиваться.

- Лиан, стреляй!! - кричит Джим

Раздается выстрел.

Все мои руки в крови. Только что я убила человека. Не думала, что когда-нибудь убью человека. Я больше не та спокойная Лиан.

- Джим...

Из моих рук падает пистолет. Джим подбегает ко мне, и обнимает меня.

- Лиан, все хорошо. Слышишь?

Ты спасла мне жизнь.

Его слова успокаивают меня. До этого Джим всегда спасал меня. Я люблю его. Теперь я понимаю, что ради ребят я готова на все. Даже на убийство.

Глава 21:

Джим продолжает меня обнимать.

- Джим, мне страшно.

- Лиан, все хорошо. Если бы ты не выстрелила он бы убил и тебя, и меня.

Из дома выходят ребята.

В их глазах появляется страх.

- Что тут произошло? - нервно спрашивает Фин

Я незнаю, что им ответить.

- Фин, помоги мне убрать его.

- Иди с Джул и Саймом в дом, а я сейчас все улажу, и догоню вас - говорит Джим.

- Я помогу вам. - сказал Сайм

Я медленно подхожу к Джул.

Мои руки трясутся. Вся моя одежда в крови человека, которого я убила.

Джул заводит меня в дом, а затем в ванну.

Включает воду.

- Лиан, давай мой руки, умывайся. Снимай с себя всю грязную одежду, я сейчас принесу новую.

Я встаю. Начинаю мыть руки. Вся раковина становится красной. Из-за этого мне становится ещё хуже.

Я убила человека. А что если ребят посадят из-за меня?

Я сажусь рядом с раковиной.

По моим щекам скатываются слёзы. В ванну заходит Джул.

Она подбегает ко мне

-Лиан, Лиан, все хорошо. Хоть я и не знаю, что произошло, но я думаю так должно было быть.

- Джул... Я убила человека.

- Так все хватит, вставай.

Хоть Джул ведёт себя так, в её глазах я вижу страх. Страх за меня, за всех.

Она помогает мне подняться.

Джул берет сама мои руки, и начинает мыть. Я чувствую небольшую дрожь в её руках. Она волнуется, что кто-то узнает об этом. Вдруг в ванну заходит дедушка. Зрачки Джул заметно расширяются.

- В чем дело? - дедушка Фина быстро подлетает ко мне.

- Я убила человека... - сама не понимая зачем, говорю я. И снова сажусь на пол, обнимая свои коленки. По моим щекам ещё быстреп бегут слёзы.

- Я думаю, что все это было не специально. Он подходит ко мне, и обнимает меня. Сейчас я чувствую любовь, похожую на родительскую... Мне не хватает её. Это меня немного успокаивает... Эти объятья не заменить ничем.

- Деточка моя, хватит плакать... Все будет хорошо. За это короткое время вы все стали мне как внуки.

- Спасибо, дедушка...

К нам заходят ребята. Их руки и одежда тоже в крови, но не так сильно как моя. Дедушка Фина отходит в сторону. Ко мне подходит Джим. Он берет меня за руку.

- Любимая, все впорядке. Ты спасла мне жизнь. Об этом никто не узнает. Он крепко обнимает меня. Джим берет полотенец. Мочит его водой, и начинает вытирать кровь с моего лица. Я смотрю на него.

Его глаза блестят. Хоть я и убила человека, но я убила его спасая Джима. Сейчас главное это то, что все живы.

***

Мы сидим за столом. Ребята убрали все улики. Одежду сожгли, тело закопали, пистолет спрятали. Я смотрю на ребят. Каждый дорог мне. Кажется тот выстрел был не из-за мыслей, а из-за безграничной любви к Джиму и ребятам. Вдруг кто-то стучит в дверь. Моё сердце начинает бешено стучать. Все затихли. За дверью слышен голос

- Откройте. Это полиция. Мы знаем, что вы тут. Не откроете - будет хуже.

Саймон встаёт из-за стола

- Выбора нет. Он открывает дверь.

В дверях появляются трое полицейских.

- Джим Хорент, Саймон Вондар, Фин Рипен попрошу вас проехать в отделение.

Глава 22:

В дверях появляются трое полицейских.

- Джим Хорент, Саймон Вондар, Фин Рипен попрошу вас проехать в отделение.

Я вскакиваю с места

- Нет, вы не можете их забрать! И вообще на каком основание вы собираетесь забрать их?!

- На том основание, что они закапывали труп. У нас даже есть орудие убийства.

По моей коже пробегают мурашки.

- Но ведь не они убили его...

- Лиан, нет! - говорит Джим

- Джим, подожди. Я - Лиан Вондар убила того человека.

- У вас есть доказательства?

- На этом пистолете мои отпечатки.

- Отпечатки стерты, но вот тут что-то похожее. Попросим вас проехать с нами.

- Только оставьте их.

- Ну хорошо.

Я начинаю идти вперёд.

- Нет, она не пойдёт с вами!

Джим подбегает и собирается ударить полицейского. Но Фин его держит. Джим продолжает вырываться. Подходит Сайм и тоже держит его. Я сажусь в машину. По лицу Джул стекают слёзы.

- Я приду за тобой! Мы все придем за тобой! - кричит Джим изо всех сил.

***

Меня ведут к следователю.

Я захожу в кабинет. И вижу сына Фреда, который стоит рядом со следователем и листает какие-то бумаги.

- А вот наша новая убийца. -говорит следователь.

- Оставьте нас.

Полицейские, которые провожали меня уходят.

Сын Фреда смотрит на меня.

- Присаживайтесь.

Я сажусь на стул.

- Позволь мне поговорить с ней. - говорит сын Фреда.

- Как знаешь. У вас 20 минут.

Следователь уходит.

- Какого черта ты тут делаешь?!

- Я убила человека

- Специально?

- Нет, он хотел убить Джима. Кажется это был один из напарников твоего отца.

- Сможешь показать по фото? Я не видел тело.

- Да.

Он протягивает мне папку с фотографиями. Я начинаю листать. Пролистав часть папки я вижу лицо того человека.

- Это он. - я указываю на него.

- Молодчина. Я смогу помочь тебе. Подожди тут пару минут.

Да, он действительно не похож на своего отца...

Спустя 6 минут он снова возвращается в кабинет. Только теперь со следователем.

- Хочу сказать вам, что эта девушка убила этого человека в самозащиту. Вы не видели его тело. Я тоже не видел. Но Лиан Вондар показала его по фото.

Это преступник, которого мы не могли поймать уже 4 месяца.

Я хочу сказать, что она сейчас должна быть свободна.

Я вижу как сын Фреда незаметно кладет деньги в карман следователю.

- Хорошо. Лиан Вондар пройдите на выход.

Я.. Я свободна.Ребята тоже. Я хочу поскорее увидеть ребят, и обрадовать их.

- Лиан, идём. Я подвезу тебя.

- Спасибо.

Мы выходим из кабинета.

- Ты дал ему взятку

- Да, у меня есть половина состояния отца. Дав взятку я укрепил этим твою свободу.

- Спасибо еще раз. И вообще как тебя зовут?

- Ентон.

- Можно я буду называть тебя просто Ен? -с улыбкой говорю я

- Конечно.

***

Ен подвез меня до дома.

Я выхожу из машины.

- Пока.

- Пока, Лиан. Если что - звони.

- Хорошо.

Я подхожу к дому. Стучу в дверь.

Дверь открывает дедушка.

- Лиан! - он обнимает меня

- Джим себе места не находит без тебя, да не только Джим. Скорее иди к

ним.

Я вхожу. Ребята сидят на диване спиной ко мне. Джим держится за голову, опустив её.

Я тихо подкрадываюсь сзади.

Обнимаю его, и целую в щеку.

Он мгновенно поворачивает голову.

- Лиан!!! - Джим вскакивает с дивана, перепрыгивает через него, и обнимает меня.

- Какая же ты дурочка...

- Все же в порядке.

Глава 23:

- Лиан!!! - Джим вскакивает с дивана, перепрыгивает через него, и обнимает меня.

- Какая же ты дурочка...

- Все же впорядке.

Ребята тоже встают.

Я обнимаю их всех.

- Но как...? - спрашивает меня Джул

- Мне Ен помог.

- Ен?

- Сын Фреда.

- Ну слава богу, что ты их вновь оживила. - смеётся дедушка

Я тоже начинаю смеяться.

- Давайте чай пить.

- С радостью. - с улыбкой говорю я.

Дедушка уходит на кухню.

Джим целует меня.

Джул начинает хихикать.

- Джим...

Я слегка отталкиваю его.

- Пойду прогуляюсь. - говорит Фин

- Может не стоит? - я начинаю волноваться

- Одному опасно. Возьмешь нас?- говорит Сайм.

- Да, пошлите все вместе? - говорю я

- Ну ладно. Только прямо сейчас. Мне нужно встретиться с одним человеком.

- С каким? - спрашивает Джим

- С другом. Все?

- Ладно, идем.

Мы все встаем и выходим из дома. Идём на задний двор.

Мы с Джул садимся в беседку.

- Ну и где он? - спрашивает Джул Фина.

Вдруг мы видим парня лет 20-23. Его лицо очень бледное, меня это пугает.

Он подходит к Фину и они что-то начинают обсуждать.

На улице начинает идти дождь и дует сильный ветер.

- Лиан, тебе не холодно?

- Нет... - получше укутываясь в толстовку говорю я.

- Я наверно в дом пойду.

- Хорошо.

Почему-то этот парень не даёт мне покоя. Какой-то он странный.

Ко мне подходит Джим.

- Пошли в дом?

- Я ещё посижу. Тут хорошо. Я люблю дождь.

- Саймон просил меня что-то в его комнате сделать...

- Вы идите, я вас догоню.

Джим и Сайм уходят.

Из угла дома я вижу часть машины Ентона. Но что он тут делает?

Обойдя часть дома я подбегаю к нему. Из-за дождя мне пришлось бежать.

- Ен, привет, а что ты тут делаешь?

- Приехал узнать все ли у вас впорядке.

- Да, у нас все хорошо. Спасибо, что помог мне.

- Больше не гуляй одна.

- Почему?

- Друг моего отца бегает не подалеку. Будь осторожна.

- А есть его фото?

-Да, вот держи.

Я беру фото, и прихожу в шок. Это тот парень, который сейчас разговаривает с Фином!!!

Я быстро разворачиваюсь, и начинаю бежать.

- Лиан! Что случилось?! Кричит Ен. Но я уже забегаю за угол дома. Во дворе никого нет.

Чёрт!

- Фиииииин! - кричу я

Вдруг кто-то прикладывает мне нож к горлу.

- Тихо, тихо.

По его рубахе я заметила, что это тот парень!

- Где Фин?!

- Заткнись я сказал!

Он сдавливает моё горло рукой, прижав плотно нож. Мне становится тяжело дышать.

Из-за угла выбегает Ен.

- Если вы не дадите мне уйти, я убью её. Медленно вынь пистолет из кармана, и положи его на землю.

- Отпусти девчонку. - медленно кладя пистолет на землю, говорит Ен.

За углом я слышу голоса

- Нет, я точно слышал голос Лиан.

Из-за угла выходят Сайм и Джим.

- Не двигаться всем! - кричит этот ублюдок. Он ещё больше сдавливает моё горло. Я начинаю задыхаться.

- Мразь!!! Отпусти ее! -кричит Джим.

- В машине нету не кого? - говорит Ентону напарник Фреда.

- Нет.

- Кинь ключи на землю.

- Отпусти девочку.

- Я не ясно сказал?

- Они в машине.

- Вы не мешаете мне уйти, девочка остаётся жива.

Он быстрым шагом тащит меня к машине.

- Сдохни, мразь! - орет Джим на всю улицу.

- Мы найдём вас, твари. - слышу я голос Сайма.

Друг Фреда толкает меня в машину. Держа мои руки он берет мою голову за волосы и бьёт об стекло. В моих глазах все потемнело.

2020 год

проза
публицистика
Пеан
свобода
репортаж
эротика
фанфик
поэзия
Мансёнг
хокку
мистика
Детектив
рок
утопия
антиутопия
сарказм
драма
рубаи
любовь
новелла
киберпанк
пьеса
трагедия
поэма
скетч
пародия
фельетон
повесть
юмор
песня
лирика
религия
сонеты
эпопея
шансон
видения
литература
стимпанк
фэнтези
расказ
мемуары
действие
Драпа
стих
приключения
фантастика
роман
сюрреализм
Рубаи
драматургия
критика
сказка
Философия

2020

На фото: Анастасия Рейфшнейдер